

ВЕСТНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Том 15
Выпуск 2

2025
Июнь

ПСИХОЛОГИЯ

ВЕСТНИК ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОСНОВАН В АВГУСТЕ 1946 ГОДА
ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК СПбГУ. ПСИХОЛОГИЯ» ВЫХОДИТ В СВЕТ С МАРТА 2008 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	180
Preface.....	183

ЭМПИРИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Мухамедрахимов Р. Ж., Сергиенко Е. А., Черного Д. И., Шабалина Е. В., Кагарманов Д. И., Пальмов О. И., Аринцина И. А. Сравнительный анализ показателей модели психического у детей раннего возраста в домах ребенка с различным социально-эмоциональным окружением и биологических семьях.....</i>	<i>186</i>
<i>Андрущенко Н. В. Анализ методов оценки развития детей младенческого и раннего возраста .....</i>	<i>198</i>
<i>Наследов А. Д., Ткачева Л. О., Мирошников С. А., Пахомова Е. О., Защиринская О. В. Разработка и психометрическое обоснование методики диагностики симптомов РАС у детей 5–7 лет .....</i>	<i>218</i>

© Санкт-Петербургский
государственный
университет, 2025

<i>Родина М. А., Блох М. Е.</i> Факторы, влияющие на материнское отношение к детям дошкольного возраста с интеллектуальными нарушениями: результаты пилотного исследования	240
<i>Коржова Е. Ю., Тузова О. Н., Повхова А. В.</i> Исследование навыков информационно-психологической безопасности студентов из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в период постопеки	253
<i>Бриль М. С., Бекренева Ю. С., Миргород Н. В.</i> Концептуализация реальности в рефлексивно-психодинамическом тренинге	267
<i>Лепехин Н. Н., Ильина О. Н., Круглов В. Г., Круглова М. А.</i> Развитие устойчивости организации на основе взаимодействия индивидуальных, командных и управленческих ресурсов	283
<i>Харитонова А. И.</i> Личностный потенциал как коррелят результата спортивной деятельности: медиативная роль копинг-навыков (на примере самбо)	309
<i>Муртазина И. Р.</i> Переживание одиночества и копинг-стратегии взрослых	325

На наш журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология»
можно подписаться по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс 11279

Учредитель: Санкт-Петербургский государственный университет

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-75573
от 19 апреля 2019 г. (Роскомнадзор)

Главный редактор *Н. В. Гришина*, д-р психол. наук, проф.
Редактор *А. М. Никитина*
Корректор *Ю. А. Стрельбицкая*
Компьютерная верстка *О. Е. Степурко, А. М. Вейшторт*

Дата выхода в свет 25.09.2025.
Формат 70×100¹/₁₆. Усл. печ. л. 13,3. Уч.-изд. л. 13,3. Тираж 40 экз. Заказ № . Цена свободная.

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.
Адрес Издательства СПбГУ: 199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11.
Тел./факс 328-44-22

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов.

CONTENTS

Preface (In Russian)	180
Preface.....	183

EMPIRICAL AND EXPERIMENTAL RESEARCH

<i>Muhamedrahimov R. J., Sergienko E. A., Chernego D. I., Shabalina E. V., Kagarmanov D. I., Palmov O. I., Arintcina I. A.</i> Comparative analysis of the theory of mind indicators in young children from baby homes with different social-emotional environment and biological families	186
<i>Andrushchenko N. V.</i> Analysis of developmental assessment instruments for diagnosing infants and young children	198
<i>Nasledov A. D., Tkacheva L. O., Miroshnikov S. A., Pakhomova E. O., Zashchirinskaya O. V.</i> Development and psychometric validation of a diagnostic method for autism spectrum disorder symptoms in children aged 5–7 years	218
<i>Rodina M. A., Blokh M. E.</i> Factors influencing maternal attitudes towards preschoolers with intellectual disabilities: Results of a pilot study	240
<i>Korjova E. Yu., Tuzova O. N., Povkhova A. V.</i> Research of information and psychological security skills of students with orphan status in the post-guardian period	253
<i>Bril M. S., Bekreneva Yu. S., Mirgorod N. V.</i> Conceptualization of reality in reflexive-psychodynamic training.	267
<i>Lepekhin N. N., Ilyina O. N., Kruglov V. G., Kruglova M. A.</i> Development of organizational resilience based on the interaction of individual, team and management resources	283
<i>Kharitonova A. I.</i> Personal potential as a correlate of sports performance results: The mediating role of coping skills	309
<i>Murtazina I. R.</i> Experience of loneliness and coping strategies of adults.....	325

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй выпуск журнала «Вестник СПбГУ. Психология» за 2025 г. включает статьи, большая часть которых посвящена различным темам детского возраста.

Открывается номер коллективной статьей Р. Ж. Мухамедрахимова, Е. А. Сергиенко, Д. И. Черного, Е. В. Шабалиной, Д. И. Кагарманова, О. И. Пальмова, И. А. Аринциной «Сравнительный анализ показателей модели психического у детей раннего возраста в домах ребенка с различным социально-эмоциональным окружением и биологических семьях». В центре внимания авторов — развитие модели психического у детей в зависимости от особенностей социально-эмоционального окружения, в котором они растут. Исследование построено на сравнении значений модели психического у детей, воспитывающихся в домах ребенка и биологических семьях; при этом сравнивались между собой дети из домов ребенка, в которых проводилась специальная работа по оптимизации жизненной среды детей, включая развитие необходимых навыков у персонала, с детьми из дома ребенка, где эта работа не велась. Результаты исследования подтвердили наличие различий в уровне значений модели психического детей в зависимости от особенностей окружения, особенно явных при сравнении детей из биологических семей с детьми из дома ребенка, в котором никакой специальной работы по оптимизации жизненной среды детей не проводилось. Опубликованные материалы проведенного исследования позволяют увидеть важные направления в работе психологов с детьми в депривационных условиях институционализации.

В статье Н. В. Андрущенко «Анализ методов оценки развития детей младенческого и раннего возраста» приводится обзор современных инструментов оценки развития детей младенческого и раннего возраста (от 0 до 4 лет). Автор обобщил мировой опыт с помощью анализа международных баз данных, что позволило выделить наиболее часто используемые инструменты ранней диагностики развития детей. Подробный анализ существующих методов представляет несомненный интерес для всех, сталкивающихся с проблемами диагностики развития детей, особенно при необходимости ранней диагностики нарушений развития. Автор отмечает, что в настоящее время в мировой практике не существует единого международного инструмента оценки развития и поведения детей младенческого и раннего возраста. Эта проблема не менее значима и для отечественной практики, в которой международно признанные инструменты диагностики развития детей младенческого и раннего возраста используются весьма ограниченно. Практическое значение работ в данной области связано с задачами разработки программ помощи детям с нарушениями развития.

Тема диагностики психического развития детей продолжается в следующей статье — «Разработка и психометрическое обоснование методики диагностики симптомов РАС у детей 5–7 лет» А. Д. Наследова, Л. О. Ткачевой, С. А. Мирошниковой, Е. О. Пахомовой, О. В. Защириной. В публикуемой статье авторы продолжают обсуждение проблемы диагностики расстройств аутистического спектра, исследуемой ими в течение ряда лет. В серии проведенных исследований на объемных выборках детей 5, 6 и 7 лет была выявлена 8-факторная структура симптомов РАС. Тщательный математико-статистический анализ собранных данных позволил подтвердить надежность разработанной шкалы симптомов аутизма. Получены тестовые нормы для данной шкалы, позволяющие оценить вероятность риска появления расстройств аутистического спектра. Практическое значение данной работы трудно переоценить, и она определенно найдет заинтересованных читателей.

Проблемы нарушений в детском возрасте обсуждаются и в следующей статье номера «Факторы, влияющие на материнское отношение к детям дошкольного возраста с интеллектуальными нарушениями: результаты пилотного исследования», написанной М. А. Родиной и М. Е. Блох. Предметом проведенного авторами исследования были особенности материнского отношения к детям дошкольного возраста с диагнозами «задержка психического развития» и «умственная отсталость», а также нейротипично развивающимся детям. Первые результаты исследования указывают на поведенческие характеристики детей и общее психоэмоциональное состояние матерей как на главные факторы формирования их отношений с ребенком. Полученные данные позволяют увидеть направления дальнейших исследований в этом направлении.

Необычной теме посвящена статья Е. Ю. Коржовой, О. Н. Тузовой и А. В. Повховой «Исследование навыков информационно-психологической безопасности студентов из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в период постопеки». В фокусе внимания авторов — психологические особенности молодых людей студенческого возраста, оказавшихся в непростой жизненной ситуации в детском возрасте. В частности, речь идет о навыках, актуальность которых определяется реалиями современного мира, — навыками информационно-психологической безопасности. Результаты проведенного исследования показали необходимость развития ряда когнитивных навыков у студентов из числа детей-сирот, что, по мнению авторов, может быть реализовано через внедрение соответствующих программ в учебно-образовательный процесс и социально-воспитательную работу вуза.

Следующие четыре статьи отражают различные области психологической науки.

Несомненный интерес представляет работа М. С. Бриля, Ю. С. Бекрениевой и Н. В. Миргород «Концептуализация реальности в рефлексивно-динамическом тренинге». В современной отечественной психологии интенсивное развитие практики психологической работы часто опережает ее осмысление. Авторы статьи поставили перед собой непростую задачу анализа практического опыта проведения тренинговых процедур, направленных на формирование навыков профессиональной коммуникации у клинических психологов. Специально разработанный вид тренинга ориентирован на личностное развитие студентов, активизацию рефлексивных процессов и т. д. В понимании авторов концептуализация реальности

представляет собой мыслительную работу, направленную на создание и уточнение непротиворечивой картины мира, объясняющей наблюдаемые субъектом феномены, включая его собственное поведение и осознаваемые чувства. В публикации анализируются сложности реализации поставленных задач, значение обратной связи, факторы ее восприятия участниками тренинга и др. Статья будет интересна практикующим психологам, независимо от предпочитаемых ими подходов в практической работе.

Коллективная статья Н. Н. Лепехина, О. Н. Ильиной, В. Г. Круглова и М. А. Кругловой «Развитие устойчивости организации на основе взаимодействия индивидуальных, командных и управленческих ресурсов» относится к интенсивно развивающейся в последние десятилетия области организационной психологии. В центре внимания публикации — проблема устойчивости организаций в условиях турбулентности социально-экономической среды. Авторы предлагают интегративный подход к рассмотрению организационной устойчивости, основанный на анализе межуровневого взаимодействия индивидуальных, командных и управленческих уровней устойчивости, обладающих соответствующими ресурсами. Публикация представляет несомненный интерес для специалистов, работающих в области организационной психологии.

Следующая публикация — статья А. И. Харитоновой «Личностный потенциал как коррелят результата спортивной деятельности: медиативная роль копинг-навыков (на примере самбо)». На достаточно большой выборке спортсменов с разным уровнем мастерства показано, что главным копинг-навыком, который коррелирует с компонентами личностного потенциала спортсменов и с их уровнем квалификации и показываемыми результатами, является свобода от негативных переживаний. Именно этот навык выступает в качестве медиатора, опосредующего связь личностных характеристик и результативности спортсмена. В целом на основании данных проведенного исследования автор делает обоснованный вывод о том, что спортсмены с более высоким уровнем осмысленности, позитивности и независимости, а также с более развитыми копинг-навыками, связанными со свободой от негативных переживаний, имеют больше шансов добиться успеха в соревнованиях.

Заключительная статья номера — работа И. Р. Муртазиной «Переживание одиночества и копинг-стратегии взрослых». В публикации вновь поднимается тема копинг-стратегий, на этот раз используемых взрослыми людьми при переживании одиночества. Показано, что и отношение к одиночеству, и предпочитаемые копинг-стратегии различаются в зависимости от периода взрослого возраста. Подтверждены имеющиеся в литературе данные о связи особенностей совладающего поведения и используемых копинг-стратегий с отношением к одиночеству.

Мы благодарны всем авторам — и тем, чьи статьи уже опубликованы, и тем, чьи присланные статьи еще ждут своей очереди, — за выбор нашего журнала. Мы делаем все, чтобы уровень нашего журнала соответствовал ожиданиям наших авторов и читателей!

*Главный редактор журнала «Вестник СПбГУ. Психология»
Наталия Гришина*

PREFACE

The second issue of the journal “Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology” for 2025 includes articles, most of which are devoted to various topics of childhood.

The issue opens with a collective article by R. J. Mukhamedrakhimov, E. A. Sergienko, D. I. Chernego, E. V. Shabalina, D. I. Kagarmanova, O. I. Palmova, I. A. Arintsina “Comparative analysis of the theory of mind indicators in young children from baby homes with different social-emotional environment and biological families”. The authors focused on the development of a mental model in children, depending on the characteristics of the socio-emotional environment in which children grow up. The study is based on a comparison of the indicators of the mental model in children raised in baby homes and biological families; at the same time, children from baby homes where special work was carried out to optimize the children’s living environment, including the development of necessary skills among staff, were compared with children from baby homes where this work was not carried out. The results of the study confirmed the presence of differences in the level indicators of the mental health model of children depending on the characteristics of the environment, especially evident when comparing children from biological families with children from a baby home, in which no special work was carried out to optimize the children’s living environment. The published materials of the conducted research allow us to see important directions in the work of psychologists with children in the deprivation conditions of institutionalization.

N. V. Andrushchenko’s article “Analysis of developmental assessment instruments for diagnosing infants and young children” provides an overview of modern tools for assessing the development of infants and young children (from 0 to 4 years). The author summarizes the world experience by analyzing international databases, which allowed us to identify the existing and most frequently used tools for early diagnosis of child development. A detailed analysis of existing methods is of undoubted interest to anyone who is faced with the problems of diagnosing child development, especially in cases where early diagnosis of developmental disorders is necessary. The author notes that currently there is no single international instrument in world practice for assessing the development and behavior of infants and young children. This problem is significant for domestic practice, in which internationally recognized diagnostic tools for the development of infants and young children are used very limited. The practical significance of the work in this area is related to the tasks of developing programs to help children with developmental disabilities.

The topic of diagnosing children’s mental development continues in the following article — “Development and psychometric validation of a diagnostic method for autism spectrum disorder symptoms in children aged 5–7 years” by A. D. Nasledov, L. O. Tkacheva,

S. A. Miroshnikov, E. O. Pakhomova, O. V. Zashchirinskaya. In the published article, the authors continue to discuss the problem of diagnosing autism spectrum disorders, which they have been researching for a few years. In a series of studies conducted on large samples of children aged 5, 6, and 7, an 8-factor pattern of ASD symptoms was identified. A thorough mathematical and statistical analysis of the collected data allowed us to confirm the reliability of the developed scale of autism symptoms. The test standards for this scale have been obtained, which make it possible to assess the probability of the risk of autism spectrum disorders. The practical significance of this work cannot be overestimated, and it will find interested readers.

The problems of disorders in childhood are also discussed in the following article by M. A. Rodina and M. E. Blokh, “Factors influencing maternal attitudes towards preschoolers with intellectual disabilities: results of a pilot study”. The subject of the study conducted by the authors was the peculiarities of maternal attitudes towards preschool children with diagnoses of “mental retardation” as well as neurotypically developing children. The first results of the study point to the behavioral characteristics of children and the general psycho-emotional state of mothers as the main factors in the formation of their relationship with their child. The data obtained allows us to see the directions of further research in this direction.

The article by E. Yu. Korjova, O. N. Tuzova and A. V. Povkhova “Research of information and psychological security skills of students with orphan status in the post-guardian period” is devoted to an unusual topic. The authors focus on the psychological characteristics of young people of student age who were in a difficult life situation in childhood, in particular, skills whose relevance is determined by the realities of the modern world — information and psychological security skills. The results of the study showed the need to develop a number of cognitive skills among students from among orphaned children, which, according to the authors, can be implemented through the introduction of appropriate programs in the educational process and the socio-educational work of the university.

The following four articles reflect various areas of psychological science.

The work of M. S. Bril, Yu. S. Bekreneva and N. V. Mirgorod “Conceptualization of reality in reflexive-dynamic training” is of undoubted interest. In modern Russian psychology, the intensive development of the practice of psychological work often outstrips its comprehension. The authors of the article have set themselves the difficult task of analyzing the practical experience of conducting training procedures aimed at developing professional communication skills among clinical psychologists. A specially designed type of training focuses on students’ personal development, activation of reflexive processes, etc. In the authors’ understanding, conceptualization of reality is a mental work aimed at creating and clarifying a consistent picture of the world that explains the phenomena observed by the subject, including his own behavior and conscious feelings. The publication analyzes the difficulties of implementing the tasks set, the importance of feedback, the factors of its perception by the training participants, etc. The article will be of interest for practicing psychologists, regardless of their preferred approaches to practical work.

The collective article by N. N. Lepekhin, O. N. Ilyina, V. G. Kruglov and M. A. Kruglova “Development of organizational resilience based on the interaction of individual, team and management resources” refers to the intensively developing field of organizational

psychology in recent decades. The publication focuses on the problem of resilience of organizations in a turbulent socio-economic environment. The authors propose an integrative approach to the consideration of organizational resilience based on an analysis of the inter-level interaction of individual, team and managerial levels of resilience with appropriate resources. The publication is of undoubted interest to specialists working in the field of organizational psychology.

The next publication is an article by A. I. Kharitonova “Personal potential as a correlate of sports performance results: The mediating role of coping skills”. Based on a fairly large sample of athletes with different skill levels, it has been shown that the main coping skill that correlates with the components of athletes’ personal potential and with their skill level and results is freedom from negative experiences. It is this skill that acts as a mediator mediating the relationship between personal characteristics and performance of an athlete. In general, based on the data of the conducted research, the author makes a reasonable conclusion that athletes with a higher level of meaningfulness, positivity and independence, as well as with more developed coping skills associated with freedom from negative experiences, are more likely to succeed in competitions.

The final article of the issue is the work of I. R. Murtazina “Experience of loneliness and coping strategies of adults”. The publication once again raises the topic of coping strategies, this time used by adults when experiencing loneliness. It is shown that both attitudes towards loneliness and preferred coping strategies differ in different periods of adulthood. The data available in the literature on the relationship between the characteristics of coping behavior and the coping strategies used with the attitude to loneliness has been confirmed.

We are grateful to all the authors, both those whose articles have already been published and those whose submitted articles are still waiting for their turn, for choosing our journal. We do everything to ensure that the level of our magazine meets the expectations of our authors and readers!

*Editor-in-Chief of “Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology”
Natalia Grishina*

ЭМПИРИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.922.7

Сравнительный анализ показателей модели психического у детей раннего возраста в домах ребенка с различным социально-эмоциональным окружением и биологических семьях*

*Р. Ж. Мухамедрахимов¹, Е. А. Сергиенко²,
Д. И. Черного^{1а}, Е. В. Шабалина¹,
Д. И. Кагарманов¹, О. И. Пальмов¹, И. А. Аринцина¹*

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

² Институт психологии РАН,
Российская Федерация, 129366, Москва, ул. Ярославская, 13

Для цитирования: Мухамедрахимов Р. Ж., Сергиенко Е. А., Черного Д. И., Шабалина Е. В., Кагарманов Д. И., Пальмов О. И., Аринцина И. А. Сравнительный анализ показателей модели психического у детей раннего возраста в домах ребенка с различным социально-эмоциональным окружением и биологических семьях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 2. С. 186–197. EDN FIBQBZ

Настоящая работа направлена на исследование понимания детьми ментального мира в зависимости от их социально-эмоционального окружения. Цель работы заключалась в сравнительном изучении уровневых значений модели психического у детей, воспитывавшихся в домах ребенка с различными характеристиками окружения, и без опыта институционализации, проживавших в биологических семьях. Участниками исследования были дети без влияющих на развитие медицинских и биологических факторов риска из социально-эмоционально депривационных условий дома ребенка, работавшего без изменений ($n = 49$ (21 мальчик) в возрасте $M (SD) = 26,0(10,84)$ мес., от 12 до 49 мес.); из дома ребенка после программы только обучения, направленной на повышение чувствительности/отзывчивости персонала ($n = 45$ (23), 18,7(9,12), 11–50 мес.); из дома ребенка после программы обучения в сочетании со структурны-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00626; <https://rscf.ru/project/22-28-00626/>.

^а Автор для корреспонденции.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

ми изменениями, направленными на повышение стабильности/постоянства ухаживающих взрослых ($n = 82$ (37), 23,9(12,92), 3–50 мес.), и дети из биологических семей ($n = 48$ (28), 27,0(10,16), 12–49 мес.) с постоянным близким взрослым в лице матери. Для оценки модели психического использовались показатели, выделенные из раздела личностно-социального развития метода BDI (Battelle Developmental Inventory). В результате исследования обнаружено, что в возрастном диапазоне от 12 до 24 месяцев наблюдается различие уровневых значений модели психического детей в зависимости от особенностей окружения ($p = 0,034$) с меньшим значением у детей из дома ребенка без изменений по сравнению с детьми из биологических семей ($p = 0,04$). Результаты исследования обсуждаются с точки зрения роли характеристик социально-эмоционального окружения в понимании ментального мира детьми раннего возраста, а также в связи с особенностями структуры связей показателей модели психического у детей в депривационных условиях институционализации.

Ключевые слова: модель психического, дети, ранний возраст, дом ребенка, социально-эмоциональное окружение, депривация, чувствительность, стабильность, биологическая семья.

Введение

Социальные факторы развития понимания детьми ментального мира являются предметом пристального внимания исследователей со времени начала изучения этой психологической области (Сергиенко и др., 2020). Анализ литературы свидетельствует, что изучение влияющих на становление модели психического характеристик окружения проводилось в основном в сравнительных исследованиях детей, проживающих в семьях с различающимися демографическими, экономическими и социально-психологическими показателями. В этих работах было определено, что факторами, в той или иной мере влияющими на различные аспекты модели психического, являются социально-экономический статус семьи (Hughes, Devine, 2016; Selcuk et al., 2018), ее размер (количество братьев и сестер) (McAlister, Peterson, 2013), образование и профессиональный статус матерей, профессиональные достижения отцов (Cutting, Dunn, 1999), стиль родительского воспитания, поясняющие разговоры родителей, их склонность к описанию психических состояний и чувствительность к внутреннему миру ребенка (Hughes, Devine, 2016), вовлеченность детей в общение (Selcuk, Yucel, 2017), тип привязанности ребенка (Szpak, Bialecka-Pickul, 2020). Было показано, что проявление в семье насилия и жестокого обращения приводит к задержке развития модели психического (Cicchetti et al., 2003) и в целом снижению социального понимания у детей (Luke, Banerjee, 2013).

Исследования понимания ментального мира у детей с опытом пребывания в сиротских организациях немногочисленны и представлены работами, изучавшими детей как после перевода из институциональных в семейные условия проживания, так и во время институционализации. Было показано, что дети из сиротских учреждений имели более низкий уровень становления модели психического по сравнению со сверстниками из семей, в том числе с низким социально-экономическим статусом (Selcuk, Yucel, 2017). При этом наиболее значимыми предикторами дефицита модели психического были возраст детей, уровень восприятия речи и соотношение числа детей к числу ухаживающих взрослых. В период после принятия в семью усыновителей выраженность дефицита понимания ментального мира была связана с длительностью проживания детей в условиях институционализации (Tarullo et al.,

2007; Colvert et al., 2008; Rutter et al., 2010; Сергиенко, 2015). Данные сравнительного исследования структуры связей показателей модели психического у детей раннего возраста свидетельствуют о значительных сложностях становления комплексной модели психического у детей, воспитывающихся в социально-эмоционально депривационных условиях дома ребенка, по сравнению с детьми без опыта институционализации, проживавших в семьях биологических родителей (Мухамедрахимов и др., 2022а). Было обнаружено, что структура модели психического у детей в домах ребенка отражает специфические особенности качества их институционального социально-эмоционального окружения (Мухамедрахимов и др., 2022б).

Таким образом, в научной литературе имеются данные о роли социального окружения в развитии понимания детьми ментального мира, о влиянии социально-экономических и социально-психологических факторов семьи на становление модели психического, о дефицитах уровневых значений аспектов модели психического у детей с опытом институционализации при отражении уже в раннем возрасте в структуре модели психического детей особенностей их окружения. При этом литературные данные не отвечают на исследовательский вопрос о том, в какой мере различия специфических характеристик социально-эмоционального окружения влияют на уровневые значения модели психического у детей раннего возраста. Возможность изучения этого вопроса появилась в результате реализации международных проектов, проведенных на базе домов ребенка Санкт-Петербурга, направленных на исследование влияния изменения окружения на развитие детей и последующее их прослеживание после перевода в отечественные замещающие семьи (The St. Petersburg — USA Orphanage Research Team, 2008; McCall et al., 2019; Мухамедрахимов, 2023). Ранее при использовании базы данных этих проектов было проведено сравнительное исследование структуры связей показателей модели психического у детей в зависимости от специфических характеристик социально-эмоционального окружения в домах ребенка (Мухамедрахимов и др., 2022б). Цель настоящей работы заключалась в изучении модели психического у детей раннего возраста, воспитывавшихся в домах ребенка с различными характеристиками социально-эмоционального окружения, и без опыта институционализации, проживавших в семьях биологических родителей. Основной задачей исследования было определение и сравнение значений модели психического у детей из трех домов ребенка с различными, в результате участия в проектах, характеристиками социально-эмоционального окружения, а также у детей в семейном окружении с постоянным близким взрослым в лице матери и ее родительским поведением. Исходя из имеющихся научных данных была выдвинута общая гипотеза о значимой роли социально-эмоционального окружения в становлении модели психического у детей раннего возраста, и предположено, что значение показателя модели психического у детей, проживающих в депривационных условиях дома ребенка, ниже, чем у детей без опыта институционализации, воспитывающихся в семьях.

Метод

Участники исследования. Выборку исследования составили 224 ребенка (из них 109 мальчиков) в возрасте $M(SD) = 24,0(11,51)$ мес. без влияющих на развитие медицинских и биологических факторов риска, из которых 48 (28 мальчиков)

проживали в биологических семьях (БС) (27,0(10,16), от 12 до 49 мес.) и 176 (81 мальчик) — в трех различных по окружению домах ребенка (ДР) Санкт-Петербурга. На время проведения обследования условия проживания в ДР характеризовались адекватным медицинским уходом, санитарно-гигиеническими условиями и питанием, однако отличались характеристиками окружения детей (The St. Petersburg — USA Orphanage Research Team, 2008). Один ДР работал без изменений (БИ; 49 детей (21 мальчик) в возрасте 26,0(10,84), от 12 до 49 мес.) и отличался социально-эмоционально депривационными условиями, связанными с большими по числу и однородными по возрасту и уровню развития группами детей, посменной работой группового персонала без наличия сотрудников, выделенных для выполнения роли близких для детей взрослых, и частой сменой окружения в связи с переводом детей из группы в группу. В другом была проведена программа только обучения (ДР ТО; 45 (23 мальчика); 18,7(9,12), от 11 до 50 мес.), направленная на повышение чувствительности/отзывчивости персонала. В третьем — реализована программа обучения в сочетании со структурными изменениями (ДР О + СИ; 82 (37 мальчиков); 23,9(12,92), 3–50 мес.), направленными на повышение стабильности/постоянства окружения детей: снижение числа детей и персонала в группе, выделение близких взрослых с увеличением времени работы в группе, интеграция детей по возрасту и уровню развития, прекращение их перевода из группы в группу (The St. Petersburg — USA Orphanage Research Team, 2008).

Методика исследования. Для оценки показателей модели психического использовались пункты раздела личностно-социального развития метода BDI (Newborg et al., 1988). Из 85 пунктов этого раздела, оцениваемых по шкале 0 (отсутствие проявлений), 1, 2 (проявление в полной мере), одним из авторов работы (Е. А. С.) были экспертно выделены пункты, соответствующие показателям модели психического, общее число которых после сокращения дублирующих оценку развития показателей и показателей с нулевой дисперсией снизилось до 39 (по подразделам взаимодействия со взрослым, выражения чувств, общего представления о себе, взаимодействия со сверстниками, копинга и социальной роли). В дальнейшем анализе использовалось общее число баллов, полученное ребенком по всем 39 показателям. Применение пунктов раздела личностно-социального развития метода BDI для изучения модели психического ранее было результативно использовано при изучении структуры связей показателей модели психического у детей, проживающих в домах ребенка и биологических семьях (Мухамедрахимов и др., 2022а; Мухамедрахимов и др., 2022б).

Процедура исследования. Обследование детей из БС проводилось во время домашнего визита, детей в ДР — в специально выделенных диагностических комнатах. Во время проведения обследования ребенка сопровождала мать (в БС) или сотрудник, ухаживающий за детьми в группе (в ДР). Обследование детей проводилось специалистами, прошедшими обучение и достигшими 80-процентного совпадения результатов с экспертными оценками и между собой.

Методы анализа данных. Анализ связи общего показателя модели психического с возрастом детей проводился с использованием непараметрического критерия Спирмена r . Анализ показателей модели психического у детей в зависимости от принадлежности к группе (ДР БИ, ДР ТО, ДР О+СИ, БС) проводился с помощью ковариационного анализа (ANCOVA) с ковариатой в виде возраста детей на время

обследования и последующих парных межгрупповых сравнений с коррективкой по критерию Бонферрони. Решения о статистической достоверности принимались на 5-процентном уровне значимости. Статистическая обработка проводилась с помощью пакета программного обеспечения SPSS 23.0.

Результаты

На предварительном этапе был проведен анализ общего балла модели психического в зависимости от возраста и пола детей как из ДР, так и из БС. Для всех групп обнаружена значимая положительная связь общего балла модели психического с возрастом ($0,769 < r < 0,837$; $p < 0,01$) и отсутствие значимых изменений в связи с полом детей ($F(1, 43-80) = 0,158 - 2,349$; $0,132 < p < 0,693$, $\eta^2 = 0,004 - 0,049$). Последующий анализ проводился в объединенной группе мальчиков и девочек с использованием, для исключения влияния возраста на результаты межгруппового сравнения, возраста в качестве ковариаты, а также отдельно для возрастных диапазонов 12–24 (сокращение детей младенческого возраста из группы ДР О + СИ в связи с представленностью БС, БИ и ТО детьми раннего возраста) и 25–50 мес. Число детей в каждой группе после разделения на возрастные диапазоны, средние значения общего балла модели психического и результаты межгруппового сравнения представлены в таблице.

Результаты дисперсионного анализа свидетельствуют о значимых различиях общего балла модели психического в зависимости от принадлежности к группе (ДР БИ, ДР ТО, ДР О+СИ, БС) у детей в возрасте 12–24 мес. ($F(3, 104) = 2,997$; $p = 0,034$, $\eta^2 = 0,080$) и отсутствии таких различий в возрасте 25–50 мес. ($F(3, 104) = 1,113$; $p = 0,348$, $\eta^2 = 0,035$). Результаты последующего попарного сравнения в возрастном диапазоне 12–24 мес. свидетельствуют о меньшем значении общего балла у детей из ДР БИ по сравнению с БС ($I-J = -6,314$, $SE = 2,281$, $p = 0,04$), и отсутствии значимых различий у детей из ДР О+СИ и ДР ТО, по сравнению с БС.

Таблица. Средние значения (M(SD)) общего балла модели психического, оцененного по показателям метода BDI, в различных группах (ДР БИ, ДР ТО, ДР О+СИ, БС) для детей в возрасте 12–24 и 25–50 мес., а также результаты межгруппового сравнения

Возраст детей на время обследования, мес.	Группа	n	M(SD)	Результаты межгруппового сравнения (I-J)(SE), p
12–24	ДР БИ	24	10,9(10,11)	ДР БИ < БС: (I-J)(SE) = (-6,314)(2,281), p = 0,04; для остальных попарных сравнений p > 0,10
	ДР ТО	36	12,9(8,18)	
	ДР О+СИ	29	14,3(7,60)	
	БС	20	17,8(9,73)	
	В целом	109	13,7(8,95)	
25–50	ДР БИ	25	41,9(24,31)	Для всех попарных сравнений p > 0,10
	ДР ТО	8	43,5(21,88)	
	ДР О+СИ	37	38,5(21,61)	
	БС	28	43,8(19,80)	
	В целом	98	41,3(21,64)	

Обсуждение

Данная работа направлена на сравнительное исследование значений модели психического у детей, воспитывавшихся в ДР с различными характеристиками социально-эмоционального окружения, и без опыта институционализации, проживавших в БС. После проведения контроля возможного влияния на значения модели психического пола и возраста детей полученные результаты свидетельствуют, что в возрастном диапазоне от 12 до 24 месяцев наблюдается значимое различие модели психического детей в зависимости от особенностей их окружения: социально-эмоционально депривационного (в ДР БИ); после проведения программы обучения, направленной на повышение чувствительности/отзывчивости персонала во взаимодействии с детьми (ДР ТО); после реализации программы, сочетающей обучение персонала со структурными изменениями, направленными на повышение стабильности/постоянства социального окружения (ДР О + СИ); а также семейного окружения в виде постоянного близкого взрослого в лице матери и ее родительского поведения (БС). Этот результат соответствует литературным данным, с одной стороны, о влиянии характеристик социального окружения на становление модели психического у детей (Hughes, Devine, 2016; Сергиенко и др., 2020), с другой — о нарушениях когнитивного и социально-эмоционального развития у детей с ранним опытом институциональной депривации, см., например: (Rutter et al., 2010; The St. Petersburg — USA Orphanage Research Team, 2008), в том числе о нарушениях становления модели психического (Selcuk, Yucel, 2017), с третьей — о результативности программы изменения социально-эмоционального окружения детей в домах ребенка, проявляющейся в позитивных изменениях показателей психического (в том числе когнитивного и эмоционального) развития детей (The St. Petersburg — USA Orphanage Research Team, 2008).

Полученные данные свидетельствуют о меньшем, в возрастном диапазоне 12–24 месяцев, значении модели психического у детей, проживавших в депривационных институциональных условиях (ДР БИ), по сравнению со сверстниками из БС, и отсутствии значимых различий во всех других вариантах попарного межгруппового сравнения. Анализ вектора изменений среднегрупповых значений модели психического (см. таблицу) свидетельствует, что по мере повышения качества окружения наблюдается пусть незначимое, но последовательное увеличение модели психического: от 10,9(10,11) баллов при проживании в депривационных условиях ДР БИ (дефицит чувствительности/отзывчивости и стабильности/постоянства ухаживающих за детьми взрослых) до 12,9(8,18) при проживании в ДР после повышения чувствительности/отзывчивости, но без постоянства/стабильности персонала; до 14,3(7,60) в ДР после сочетания повышения чувствительности/отзывчивости и стабильности/постоянства; и до 17,8(9,73) баллов при проживании в условиях БС с постоянным близким взрослым в лице матери и ее родительским поведением. Можно предположить, что в континууме изменяющихся характеристик социального окружения каждая дополнительная приводит к небольшим изменениям уровня модели психического, однако их сочетание, наиболее представленное в семейных условиях проживания, приводит к значимым изменениям модели.

Проявление межгрупповых различий значений модели психического в возрасте от 12 до 24 месяцев, в отличие от 25–50 месяцев, может быть связано

с возможным различием между этими диапазонами возраста поступления детей в дом ребенка и, соответственно, их раннего опыта пребывания в семье. В литературе имеются данные о высокой положительной корреляции возраста детей на время обследования и возраста их поступления в дом ребенка ($r = 0,92$, $p \leq 0,001$; Шабалина, Мухамедрахимов, 2022). Вероятно, дети, обследованные в возрасте 12–24 месяцев, поступили в дом ребенка в основном в младенческом возрасте, то есть при отсутствии или минимальном раннем опыте пребывания в семье, что при проживании в депривационных условиях (ДР БИ) отразилось в отличии модели психического от детей, проживавших в семье (БС). Дети постарше, обследованные в возрасте 25–50 месяцев, при отсутствии влияющих на развитие медицинских и биологических факторов риска, могли поступить в ДР в более позднем возрасте, то есть имели более длительный ранний опыт проживания в семье, что снижает отличие значений их развития от значений у детей, от рождения воспитывающихся в семье.

Сопоставление полученных в настоящем исследовании данных с результатами изучения структуры модели психического у детей в доме ребенка и семьях свидетельствует, что наблюдаемое в депривационном доме ребенка снижение значения модели психического соответствует ранее обнаруженным у детей из этого дома ребенка дефицитам структуры связи ее компонентов. В институциональных условиях (с большими по числу и однородными по возрасту и развитию группами детей, переводами из группы в группу, большим числом меняющегося персонала и без наличия сотрудников, выполняющих роли близких взрослых) у детей не наблюдается выраженной при проживании в семье структуры связей показателей модели психического, сочетающей понимание себя с пониманием взрослого, взаимодействия со сверстниками, чувств по отношению к ним (Мухамедрахимов и др., 2022a), что, соответственно, проявляется в меньшем уровне значения модели психического. Снижение значения модели психического отражает становление понимания ментального мира в заданных для детей депривационных условиях и повышение уровня модели психического, соответствующее повышению комплексности структуры ее компонентов, предполагает улучшение качества социально-эмоционального окружения, направленное на повышение чувствительности/отзывчивости и стабильности/постоянства ухаживающих за детьми близких взрослых.

Ограничения исследования. Результаты исследования не могут распространяться на детей старше исследуемого возраста, детей из групп медицинского и биологического риска нарушений развития, а также на детей с опытом институционализации, принятых в замещающие семьи. К ограничениям данного исследования относится также то, что его результаты получены при использовании для изучения модели психического пунктов личностно-социального раздела метода оценки психического развития детей (BDI, Newborg et al., 1988). Несмотря на то что этот методический подход соответствует разрабатываемому в исследованиях последних лет направлению учета при оценке модели психического информации, проявляющейся в повседневном поведении и социально-эмоциональном взаимодействии детей с другими людьми (Tahiroglu et al., 2014; Уланова, 2021), важно провести сопоставление результатов настоящей работы с данными, полученными при использовании лабораторных методов изучения модели психического.

Выводы

Полученные в исследовании данные позволяют сделать следующие выводы:

1. Значения модели психического у детей раннего возраста различаются в зависимости от характеристик социально-эмоционального окружения места их проживания.
2. В возрастном диапазоне от 12 до 24 месяцев значение модели психического у детей, воспитывающихся в социально-эмоционально депривационных условиях ДР, ниже, чем у сверстников без опыта институционализации, проживающих в семье биологических родителей.
3. Для полноценного развития модели психического у детей в раннем возрасте необходимы качественные семейные или близкие к семейным условия, что предполагает улучшение характеристик социально-эмоционального окружения в ДР.

Литература

- Мухамедрахимов Р.Ж., Кагарманов Д.И., Сергиенко Е.А. Анализ показателей модели психического у детей в биологических семьях и доме ребенка // Сибирский психологический журнал. 2022а. № 85. С. 144–161. <https://doi.org/10.17223/17267080/85/7>
- Мухамедрахимов Р.Ж., Кагарманов Д.И., Сергиенко Е.А. Анализ показателей модели психического у детей в домах ребенка с различным социально-эмоциональным окружением // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022б. Т. 12, вып. 4. С. 398–409. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.401>
- Мухамедрахимов Р.Ж. Российско-американские исследования детей с опытом институционализации: влияние качества раннего окружения на психическое здоровье и развитие детей // Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.В. Брушлинского и 300-летию основания Российской академии наук, 12–14 октября 2023 г., Москва / под ред. Д.В. Ушаков, А.Л. Журавлев, Н.Е. Харламенкова, А.В. Махнач, Г.А. Виленская, Н.Н. Казымова. М.: Ин-т психологии РАН, 2023. С. 302–307.
- Сергиенко Е.А. Глава 4. Институционализация и ее последствия для развития социального познания // Проблема сиротства в современной России: психологический аспект / под ред. А.В. Махнач, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. М.: Ин-т психологии РАН, 2015. С. 120–154.
- Сергиенко Е.А., Уланова А.Ю., Лебедева Е.И. Модель психического: Структура и динамика. М.: Ин-т психологии РАН, 2020.
- Уланова А.Ю. Оценка модели психического: объективные и субъективные показатели // Отчетная сессия Института психологии РАН / ИП РАН. 24 марта 2021. URL: <https://ipran.ru/reports2020/> (дата обращения: 27.08.2024).
- Шабалина Е.В., Мухамедрахимов Р.Ж. Взаимосвязь показателей взаимодействия детей и близких взрослых с возрастом и длительностью проживания детей в доме ребенка и замещающих семьях // Сибирский психологический журнал. 2022. № 84. С. 156–168. <https://doi.org/10.17223/17267080/84/9>
- Cicchetti D., Rogosch F.A., Maughan A., Toth S.L., Bruce J. False belief understanding in maltreated children // Development and Psychopathology. 2003. No. 15. P. 1067–1091.
- Colvert E., Rutter M., Kreppner J., Beckett C., Castle J., Groothues C., Hawkins A., Stevens S., Sonuga-Barke E.J. Do theory of mind and executive function deficits underlie the adverse outcomes associated with profound early deprivation? Findings from the English and Romanian adoptees study // Journal of Abnormal Child Psychology. 2008. No. 36. P. 1057–1068.
- Cutting A.L., Dunn J. Theory of mind, emotion understanding, language and family background: Individual differences and interrelations // Child Development. 1999. Vol. 70, no. 4. P. 853–865.

- Hughes C., Devine R. Family influences on theory of mind: a review // *Theory of Mind Development in Context* / eds V. Slaughter, M. de Rosnay. London: Taylor & Francis, 2016. <https://doi.org/10.4324/9781315749181>
- Luke N., Banerjee R. Differentiated associations between childhood maltreatment experiences and social understanding: A meta-analysis and systematic review // *Developmental Review*. 2013. Vol. 33, no. 1. P. 1–28.
- McAlister A. R., Peterson C. C. Siblings, theory of mind, and executive functioning in children aged 3–6 years: new longitudinal evidence // *Child Development*. 2013. No. 8. P. 1442–1458.
- McCall R. B., Groark C. J., Hawk B. N., Julian M. M., Merz E. C., Rosas J. M., Muhamedrahimov R. J., Palmov O. I., Nikiforova N. V. Early caregiver — child interaction and children's development: Lessons from the St. Petersburg — USA Orphanage Intervention Research Project // *Clinical Child and Family Psychology Review*. 2019. Vol. 22, no. 2. P. 208–224. <https://doi.org/10.1007/s10567-018-0270-9>
- Newborg J., Stock J. R., Wnek L., Guidubaldi J., Svinicki J. Battelle Developmental Inventory. Allen: DLM, 1988.
- Rutter M. L., Sonuga-Barke E. J., Castle J. I. Investigating the impact of early institutional deprivation on development: Background and research strategy of the English and Romanian Adoptees (ERA) study // *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 2010. Vol. 75, no. 1. P. 1–20.
- Selcuk B., Brink K. A., Ekerim M., Wellman H. M. Sequence of theory-of-mind acquisition in Turkish children from diverse social backgrounds // *Infant and Child Development*. 2018. Vol. 27, no. 4. P. 1–14. <https://doi.org/10.1002/icd.2098>
- Selcuk B., Yucel N. M. The role of institutionalization in theory of mind // *Theory of Mind Development in Context* / eds V. Slaughter, M. de Rosnay. New York: Routledge, 2017. P. 89–105.
- Szpak M., Bialecka-Pickul M. Links between attachment and theory of mind in childhood: Meta-analytic review // *Social Development*. 2020. Vol. 29, no. 3. P. 653–673. <https://doi.org/10.1111/sode.12432>
- Tahiroglu D., Moses L. J., Carlson S. M., Mahy C. E., Olofson E. L., Sabbagh M. A. The Children's Social Understanding Scale: Construction and validation of a parent-report measure for assessing individual differences in children's theories of mind // *Developmental Psychology*. 2014. Vol. 50, no. 11. P. 2485–2497.
- Tarullo A. R., Bruce J., Gunnar M. R. False belief and emotion understanding in post-institutionalized children // *Social Development*. 2007. Vol. 16, no. 1. P. 57–78.
- The St. Petersburg — USA Orphanage Research Team. The effects of early social-emotional and relationship experience on the development of young orphanage children // *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 2008. Vol. 73, no. 3. P. 1–262. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5834.2008.00483.x>

Статья поступила в редакцию 8 сентября 2024 г.;
рекомендована к печати 27 февраля 2025 г.

Контактная информация:

Мухамедрахимов Рифкат Жаудатович — д-р психол. наук, проф.;
<https://orcid.org/orcid.org/0000-0003-3532-5019>, rjm@list.ru
Сергиенко Елена Алексеевна — д-р психол. наук, проф.;
<https://orcid.org/orcid.org/0000-0003-4068-9116>, elenas13@mail.ru
Чернего Дарья Ивановна — канд. психол. наук, науч. сотр.;
<https://orcid.org/0000-0001-9166-5435>, chernego@gmail.com
Шабалина Екатерина Владимировна — канд. психол. наук, ассистент;
<https://orcid.org/0000-0002-5436-3072>, ka-terin-ka-15@ya.ru
Кагарманов Динар Ильдарович — аспирант; <https://orcid.org/0000-0002-3097-0863>,
kagdinar@gmail.com
Пальмов Олег Игоревич — канд. психол. наук, доц.; <https://orcid.org/0000-0002-5837-4000>,
oleg_palmov@mail.ru
Аринцина Ирина Александровна — канд. психол. наук, доц.;
<https://orcid.org/0000-0001-5746-1287>, arinz@mail.ru

Comparative analysis of the theory of mind indicators in young children from baby homes with different social-emotional environment and biological families*

R. J. Muhamedrahimov¹, E. A. Sergienko², D. I. Chernego^{1a}, E. V. Shabalina¹,
D. I. Kagarmanov¹, O. I. Palmov¹, I. A. Arintcina¹

¹ St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,

13, ul. Yaroslavskaya, Moscow, 129366, Russian Federation

For citation: Muhamedrahimov R. J., Sergienko E. A., Chernego D. I., Shabalina E. V., Kagarmanov D. I., Palmov O. I., Arintcina I. A. Comparative analysis of the theory of mind indicators in young children from baby homes with different social-emotional environment and biological families. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 2, pp. 186–197. EDN FIBQBZ (In Russian)

The article presents a study of the theory of mind in young children depending of characteristics of their socio-emotional environment. The participants were children without medical and biological risk factors from three Saint Petersburg baby homes, one of which provided care as usual ($n = 49$ (21 boys) aged $M(SD) = 26.0(10.84)$ months, from 12 to 49 months); the other received training only intervention, that increased caregivers' sensitivity ($n = 45$ (23), $18.7(9.12)$, 11–50 months); the third had training plus structural changes intervention, that raised caregivers' sensitivity and consistency ($n = 82$ (37), $23.9(12.92)$, 3–50 months); and children without institutional experience from biological families ($n = 48$ (28), $27.0(10.16)$, 12–49 months) with mothers as primary caregivers. To assess the theory of mind in children the relevant items of the personal-social scale of the Battelle Developmental Inventory was used. Results suggested a significant difference in the theory of mind level in children within 12 to 24 months age range depending on the socio-emotional caregiving environment ($p = 0.034$) with a lower level in no intervention baby home compared with biological families ($p = 0.04$). The results of the study are discussed in connection with the influence of the environmental characteristics on the understanding of the mental world by young children, as well as in relation to the structure of the theory of mind indicators in the group of children from the socio-emotional deprivation institutional environment.

Keywords: theory of mind, young children, baby home, socio-emotional environment, deprivation, sensitivity, consistency, biological family.

References

- Cicchetti D., Rogosch F. A., Maughan A., Toth S. L., Bruce J. (2003). False belief understanding in maltreated children. *Development and Psychopathology*, 15, 1067–1091.
- Colvert E., Rutter M., Kreppner J., Beckett C., Castle J., Groothues C., Hawkins A., Stevens S., Sonuga-Barke E. J. (2008). Do theory of mind and executive function deficits underlie the adverse outcomes associated with profound early deprivation? Findings from the English and Romanian adoptees study. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 36, 1057–1068.
- Cutting A. L., Dunn J. (1999). Theory of mind, emotion understanding, language and family background: Individual differences and interrelations. *Child Development*, 70 (4), 853–865.

---

* The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-28-00626; <https://rscf.ru/en/project/22-28-00626/>.

^a Author for correspondence.

- Hughes C., Devine R. (2016). Family influences on theory of mind: a review. *Theory of Mind Development in Context*. V. Slaughter, M. de Rosnay, eds. London, Taylor & Francis. <https://doi.org/10.4324/9781315749181>
- Luke N., Banerjee R. (2013). Differentiated associations between childhood maltreatment experiences and social understanding: A meta-analysis and systematic review. *Developmental Review*, 33 (1), 1–28.
- McAlister A. R., Peterson C. C. (2013). Siblings, theory of mind, and executive functioning in children aged 3–6 years: New longitudinal evidence. *Child Development*, 8, 1442–1458.
- McCall R. B., Groark C. J., Hawk B. N., Julian M. M., Merz E. C., Rosas J. M., Muhamedrahimov R. J., Palmov O. I., Nikiforova N. V. (2019). Early caregiver — child interaction and children's development: Lessons from the St. Petersburg — USA Orphanage Intervention Research Project. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 22 (2), 208–224. <https://doi.org/10.1007/s10567-018-0270-9>
- Muhamedrahimov R. J. (2023). Russian-American studies of children with institutionalization experience: the impact of early environment quality on children's mental health and development. *Chelovek, sub'ekt, lichnost': perspektivy psikhologicheskikh issledovaniy: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 90-letiiu so dnya rozhdeniia A. V. Brushlinskogo i 300-letiiu osnovaniia Rossiiskoi akademii nauk, 12–14 oktiabria 2023 g., Moskva*. D. V. Ushakov, A. L. Zhuravlev, N. E. Kharlamenkova, A. V. Makhnach, G. A. Vilenskaya, N. N. Kazymova, eds (pp. 302–307). Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian)
- Muhamedrahimov R. J., Kagarmanov D. I., Sergienko E. A. (2022a). Analysis of the theory of mind indicators in children from biological families and a baby home. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal*, 85, 144–161. (In Russian)
- Muhamedrahimov R. J., Kagarmanov D. I., Sergienko E. A. (2022b). Analysis of the theory of mind indicators in children from different baby home social-emotional environment. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 12 (4), 398–409. (In Russian)
- Newborg J., Stock J. R., Wnek L., Guidubaldi J., Svinicki J. (1988). *Battelle Developmental Inventory*. Allen, DLM.
- Rutter M. L., Sonuga-Barke E. J., Castle J. I. (2010). Investigating the impact of early institutional deprivation on development: Background and research strategy of the English and Romanian Adoptees (ERA) study. *Monographs of the Society for Research in Child Development*, 75 (1), 1–20.
- Selcuk B., Brink K. A., Ekerim M., Wellman H. M. (2018). Sequence of theory-of-mind acquisition in Turkish children from diverse social backgrounds. *Infant and Child Development*, 27 (4), 1–14. <https://doi.org/10.1002/icd.2098>
- Selcuk B., Yucel N. M. (2017). The role of institutionalization in theory of mind. *Theory of Mind Development in Context*. V. Slaughter, M. de Rosnay, eds. New York, Routledge.
- Sergienko E. A. (2015). Chapter 4. Institutionalization and its consequences for the development of social cognition. *Problema sirotstva v sovremennoi Rossii: psikhologicheskii aspekt*. A. V. Makhnach, A. M. Prikhozhan, N. N. Tolstykh, eds. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Press. (In Russian)
- Sergienko E. A., Ulanova A. Yu., Lebedeva E. I. (2020). *Theory of Mind: Structure and Dynamics*. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Press. (In Russian)
- Shabalina E. V., Muhamedrahimov R. J. (2022). Relationship of indicators of caregiver — child interaction with the child's age and length of stay in a baby home and foster families. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal*, 84, 156–168. <https://doi.org/10.17223/17267080/84/9> (In Russian)
- Szpak M., Bialecka-Pickul M. (2020). Links between attachment and theory of mind in childhood: Meta-analytic review. *Social Development*, 29 (3), 653–673. <https://doi.org/10.1111/sode.12432>
- Tahiroglu D., Moses L. J., Carlson S. M., Mahy C. E., Olofson E. L., Sabbagh M. A. (2014). The Children's Social Understanding Scale: Construction and validation of a parent-report measure for assessing individual differences in children's theories of mind. *Developmental Psychology*, 50 (11), 2485–2497.
- Tarullo A. R., Bruce J., Gunnar M. R. (2007). False belief and emotion understanding in post-institutionalized children. *Social Development*, 16 (1), 57–78.
- The St. Petersburg — USA Orphanage Research Team (2008). The effects of early social-emotional and relationship experience on the development of young orphanage children. *Monographs of the Society for Research in Child Development*, 73 (3), 1–262. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5834.2008.00483.x>

Ulanova A. Yu. (2021). Assessment of the theory of mind: objective and subjective indicators. In: *Otchet-naia sessiia Instituta psikhologuu RAN*. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. March 24, 2021. Available at: <https://ipran.ru/reports2020> (accessed: 27.08.2024). (In Russian)

Received: September 8, 2024

Accepted: February 27, 2025

Authors' information:

Rifkat J. Muhamedrahimov — Dr. Sci. in Psychology, Professor;
<https://orcid.org/0000-0003-3532-5019>, rjm@list.ru

Elena A. Sergienko — Dr. Sci. in Psychology, Professor; <https://orcid.org/0000-0003-4068-9116>,
elenas13@mail.ru

Daria I. Chernego — PhD in Psychology, Researcher; <https://orcid.org/0000-0001-9166-5435>,
chernego@gmail.com

Ekaterina V. Shabalina — PhD in Psychology; <https://orcid.org/0000-0002-5436-3072>,
ka-terin-ka-15@ya.ru

Dinar I. Kagarmenov — Postgraduate Student; <https://orcid.org/0000-0002-3097-0863>,
kagdinar@gmail.com

Oleg I. Palmov — PhD in Psychology, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0002-5837-4000>,
oleg_palmov@mail.ru

Irina A. Arintcina — PhD in Psychology, Associate Professor;
<https://orcid.org/0000-0001-5746-1287>, arinz@mail.ru

Анализ методов оценки развития детей младенческого и раннего возраста

Н. В. Андрущенко

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова,
Российская Федерация, 191015, Санкт-Петербург, ул. Кирочная, 41

Для цитирования: Андрущенко Н. В. Анализ методов оценки развития детей младенческого и раннего возраста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 2. С. 198–217. EDN CJBWET

Необходимость ранней диагностики нарушений развития, обеспечивающей ребенку и семье ранний доступ к программам помощи, сталкивается с отсутствием стандартов ее применения у детей от рождения до 3 лет. В статье приводится обзор современных инструментов оценки развития детей младенческого и раннего возраста (от 0 до 4 лет), обсуждаются возможности и ограничения их применения у детей, в том числе для целей ранней помощи. С целью обобщения опыта применения международных методов диагностики развития проведен системный анализ баз данных NCBI (PubMed), Medline и PsycINFO с использованием ключевых слов: developmental (neurodevelopmental) standardized assessments, test, young children, infant(s) и РИНЦ, по ключевым словам «диагностика развития», «дети раннего возраста», «младенцы». В результате выделено 15 инструментов ранней диагностики развития. В настоящее время не существует единого международного инструмента оценки развития и поведения детей младенческого и раннего возраста. Наиболее часто используемым инструментом для скрининга развития является методика ASQ-3, представляющая собой родительский опросник. Среди стандартизированных экспертных тестов, оценивающих развитие, таким инструментом является методика Bayley-III. Современные диагностические инструменты, оценивающие развитие ребенка, помимо областей когнитивного, двигательного (моторного) развития, развития языка и речи, включают области развития, связанные с социально-эмоциональным функционированием и адаптацией. Для интерпретации результатов, получаемых при использовании диагностических инструментов, оценивающих развитие ребенка, необходим индивидуализированный подход, предполагающий изучение клинико-анамнестических данных и психосоциальных аспектов семейного окружения. В доступной нам литературе отмечено ограниченное использование в отечественной практике международно признанных инструментов диагностики развития детей младенческого и раннего возраста.

Ключевые слова: диагностика развития, стандартизированная оценка развития, тест, скрининг, вехи развития, развитие ребенка, развитие нервной системы, дети раннего возраста, младенцы.

Введение

В последние годы отмечается рост детей с особыми потребностями, в том числе имеющих психические заболевания, которые занимают первые места в структуре заболеваемости по формам болезни (Макаров и др., 2019). По данным Росстата,

количество впервые признанных инвалидами детей до 18 лет в связи с психическими расстройствами и расстройствами поведения в 2020 г. составило 18 844 человека, в 2021 г. — 22 003 человека, в 2023 г. — уже 24 506 человек.

Изучение структуры инвалидности демонстрирует ее перинатальный характер, из уточненных причин инвалидности при нервно-психических заболеваниях выявляются поражения нервной системы, врожденные пороки развития и генетически детерминированные заболевания, составляющие в общей массе более 60 % (Каган и др., 2020).

Ранняя диагностика развития позволяет своевременно выделить группу повышенного риска формирования нервно-психической патологии и, следовательно, включить ребенка и членов его семьи в программы комплексной реабилитации и ранней помощи, что, особенно при низких показателях развития, значительно увеличивает шансы на адаптивное функционирование ребенка и на более высокое качество жизни его семьи (Gregory, 2007; Jeong et al., 2021).

Вместе с тем возможности отечественной педиатрической и психологической диагностики нарушений развития ограничены в связи с целым рядом факторов — врачи-педиатры и неврологи более нацелены на выявление двигательных и сенсорных нарушений развития, пользуются неадекватными для оценки инструментами, недостаточно информированы в вопросах динамики нервно-психического развития детей первых лет жизни (Белова и др., 2020), имеют недостаточный опыт междисциплинарного взаимодействия, а также предубеждены в отношении возможностей диагностики развития другими специалистами — психиатрами, клиническими психологами; это предубеждение нередко разделяют родители пациентов (Кустова и др., 2018). В качестве основной проблемы можно отметить отсутствие единой методической базы и валидных инструментов диагностики развития у детей младенческого и раннего возраста, что в последнее время все чаще отмечают ряд исследователей и организаторы здравоохранения (Прибыткова и др., 2020; Трушкина, 2021).

С этими обстоятельствами связан интерес к исследованиям используемых в международной практике инструментов диагностики раннего развития.

В статье приводится обзор исследований, посвященных современным инструментам оценки развития детей младенческого и раннего возраста (от 0 до 3 лет включительно), оценивающим не менее одного года из этого временного периода; обсуждаются возможности и ограничения их применения у детей с особенностями развития, в том числе для целей ранней помощи.

В основе диагностики развития должен находиться теоретический конструкт, дающий определение развития и предлагающий объяснение происходящим в процессе развития изменениям. Ввиду сложности данной темы, требующей отдельного рассмотрения, хотелось бы отметить отсутствие в настоящее время единого определения развития, а также то, что лежащая в основе многих тестов развития концепция созревания подвергается на современном этапе обоснованной критике. Термин «диагностика развития» в настоящее время используется в разных контекстах: в более широком смысле это ориентированная на развитие диагностика с целью выявления и описания изменений психологических явлений, связанных со всем жизненным циклом.

В более узком смысле это относится к тестам развития, которые можно использовать для сбора данных о достижениях, связанных с развитием, особенно в детском возрасте.

В диагностике развития, помимо данных о достижениях, которые можно интерпретировать в контексте развития, также принимаются во внимание соответствующие характеристики биопсихосоциального контекста. Один из подходов к выделению групп риска по нарушению развития заключается в выделении анамнестических характеристик, таких как биологические риски (например, риски во время беременности и родов, преждевременные роды), характеристик поведения и темперамента, а также условий в экологическом контексте, таких как социально-демографические характеристики семьи и более широкой социальной среды. Вместе с тем эта информация необходима и для клинической интерпретации данных, получаемых другими методами и для определения прогноза развития (Диагностическая классификация..., 2022).

Метод

Проведен системный анализ научной информации в наукометрических базах данных NCBI (PubMed), Medline и PsycINFO, РИНЦ.

Для выявления признанных и широко используемых в международной практике инструментов диагностики, которые в настоящее время применяются для оценки развития детей младенческого и раннего возраста, проведен поиск литературы по базам данных NCBI (PubMed), Medline и PsycINFO. Поиск осуществлялся по следующим ключевым словам:

- developmental (OR neurodevelopmental) standardized assessments (OR test);
- young children;
- infant(s).

Данные сочетания слов мы объединили в комбинированном поиске, используя логический оператор «И». Поиск слов осуществлялся в заголовках и/или аннотации. Отбирались только полнотекстовые рецензированные статьи с датой публикации от 2013 г. и позже. В результате было найдено 1214 публикаций (pubmed 720, medline 347, PsycINFO 147). Также был предпринят поиск литературы в русскоязычном сегменте в базе данных РИНЦ. Найден 991 источник.

Из этого перечня мы выбрали оригинальные исследовательские статьи и систематические обзоры, касающиеся оценки раннего развития, в которых обсуждался или исследовался один или более инструментов с целевой аудиторией, включающей в себя детей младше 3 лет, к которым в дальнейшем добавлены инструменты, найденные в ссылках изученных источников. Были исключены инструменты, оценивающие развитие детей в период новорожденности. Инструменты для детей от 3 лет также не рассматривались. Мы исключили инструменты, оценивающие навыки только в одной сфере развития (например, социоэмоциональной области или области тонкой моторики). В данной статье не рассматривались методики оценки раннего детско-родительского взаимодействия, для ознакомления с ними, а также с аспектами их влияния на раннее развитие мы отсылаем читателя к обзорам Л. В. Токарской и М. А. Лавровой (Токарская, Лаврова, 2018) и О'Нара (O'Hara et al., 2019).

После отбора осталось 40 статей, которые мы и включили в наш обзор. В общей сложности в данных статьях рассматривались, упоминались или использовались 15 различных стандартизированных инструментов. Мы отобрали только самые современные версии инструментов. Список из всех статей можно получить у автора по запросу.

Результаты

В целом в рассмотренных работах по оценке развития детей раннего возраста рассматриваются варианты скрининговой оценки по вехам, или же нормам развития, выявляемым при интервьюировании родителей или близких взрослых, осуществляющих уход, а также ориентированной на родительские опросники и сочетающей родительские опросники с наблюдением (объединенные нами при рассмотрении в одну группу) и методы углубленной (экспертной) оценки развития.

Рассмотрим скрининговые методы более подробно.

Скрининг развития позволяет выявить нарушения развития на ранних этапах у большой группы (в идеале у всех) обследуемых. Скрининг должен удовлетворять определенным требованиям, связанным с его психометрическими показателями, получаемыми на основании исследовательской практики. Например, рекомендуемые показатели чувствительности и специфичности должны быть не ниже 0,7 (Developmental surveillance..., 2001).

Оценка по вехам развития производится на основании внешней оценки ребенка лицами, осуществляющими основной уход (чаще всего родителями). Инструмент «Исследование благополучия детей младшего возраста по вехам развития» (Survey of Well-being of Young Children; Milestones; SWYC: Milestones; Perrin et al., 2016) предлагает оценить сформированность вех развития (Developmental Milestones) и представляет собой экономный по времени (на его заполнение родителям требуется от 1 до 5 минут) бесплатный инструмент, которым могут пользоваться родители детей от 2 месяцев до 5 лет, а также врачи-педиатры или же врачи общей практики на первичном приеме. Методика была разработана в рамках американской государственной превентивной программы «Изучайте сигналы. Действуйте рано» (Learn the Signs. Act Early). Организация по профилактике и контролю заболеваний (Centres for Disease Control and Prevention) при Американской академии педиатрии рекомендует оценку навыков по этой методике в качестве стандартной процедуры обследования благополучия детей раннего возраста (SWYC), предлагаемая методика известна также как «Вехи SWYC» и широко включена в практику врачей-педиатров. В рамках программы рекомендовано широкое информирование родителей о типичных вехах развития; отсутствие критического навыка в ожидаемый срок является для них поводом для активного обращения к врачу (Sheldrick et al., 2019). Недостатки метода заключаются в неопределенности формулировки «большинство детей проходит» очередной этап (например, идет ли речь о 50 % или же о 99 % детей), а также отсутствием ссылок на источники полученных данных и преодолеваются в настоящее время проведением дополнительных исследований, сбором актуальных норм развития на большом объеме популяционной выборки (Sheldrick et al., 2019), составляющим более 40 тыс. респондентов из трех американских штатов. Отмечается, что наряду с вехами развития для детей раннего возраста необходимо оценивать поведенческие риски и социальные детерминанты здоровья (Social determinants of health, SDOH), такие как депрессия родителей, недоедание, раса, семейная дисгармония и т. п. Наличие неблагоприятных факторов может по-разному сказываться в разных возрастах развития, приводя в том числе к ускоренному развитию на первом году (что может быть связано с культурными практиками) и к задержкам развития после года (Sheldrick et al., 2019).

Наряду с представлениями об особой значимости первых трех лет жизни для последующего развития и здоровья до сих пор нет убедительных данных, является ли развитие в первые годы жизни в разных культурах и у разных полов универсальным. Это приводит к значительным ограничениям оценки развития в международной практике, требуя перед использованием инструмента его адаптации и сбора данных о национальных нормах. Одно из крупнейших исследований, включивших около 5 тыс. детей из четырех стран — Турции, Аргентины, Индии и ЮАР, географических регионов, имеющих выраженные этнические, культурные и языковые различия, демонстрирует достаточно высокую идентичность развития навыков детей первых трех лет жизни в основных областях (Ertem et al., 2018). В исследовании применялся инструмент «Руководство по мониторингу развития ребенка» (Guide for Monitoring Child Development; Ertem et al., 2008), применяемый для детей в возрасте от 0 до 24 месяцев, а в более поздней версии до 48 месяцев (Ertem et al., 2018) разработанный в Турции для стран с низким и средним уровнем дохода, представляющий собой предварительно кодированное открытое короткое десятиминутное интервью с близким взрослым, осуществляющим уход за ребенком. Инструмент оценивает области развития крупной и мелкой моторики, социальных отношений, экспрессивной и импрессивной (рецептивной) речи, самообслуживание. В результате были получены небольшие гендерные различия, в 4 из 106 вех развития девочки были успешнее. У детей из разных стран не отмечено различий в возрасте достижения в 76 вехах из общего количества вех, предлагаемых для оценки, равного 106. Все вехи, 18 из 18 (100 %), совпали в домене «игра», в домене «мелкая моторика» совпало 9 из 11 (82 %), в домене «крупная моторика» — 14 из 16 (88 %), 8 из 11 (73 %) — в социальных отношениях, экспрессивная речь показала совпадение 20 из 26 (77 %), рецептивная речь — 10 из 15 вех (67 %), в области самообслуживания только 2 из 9 (22 %) были эквивалентны. Из 25 несовпадающих вех 11 были связаны с выполнением задач ребенком, например с подъемом и спуском по лестнице, рисованием, а также с пониманием речи, с речеговорением и выражением эмоций, что отчасти объясняется разными условиями проживания (наличие в доме лестницы, проживание в одноэтажных постройках), образовательным уровнем родителей, культурными практиками и приверженностью различным традиционным моделям воспитания.

Эксперты Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) также подчеркивают растущую потребность в создании надежных инструментов для измерения развития детей от 0 до 3 лет и оценки профилактических и интервенционных усилий, применимой в разных культурах в странах с низким и средним уровнем дохода населения. Создана бесплатная платформа и первая версия инструмента «Показатели развития детей грудного и раннего возраста» (Indicators of Infant and Young Child Development, IYCD), полученного на основании оригинальной оценки по вехам развития в десяти странах, включающей 120 навыков (23 — мелкой моторики, 23 — крупной моторики, 20 — рецептивной речи, 24 — экспрессивной речи, 30 — социально-эмоциональных) (Lancaster et al., 2018).

В ряде стран продолжается создание национальных инструментов для оценки детского развития. Так, в Израиле представили Шкалу наблюдения за развитием (Developmental Surveillance Score, DSS), разработанную и прошедшую валидизацию в период с 1 июля 2014 по 1 сентября 2021 г. на большой когорте детей, составивших

более миллиона респондентов в возрасте от 0 до 36 месяцев. Оценки развития включают 59 вех, наблюдаемых родителями ребенка или же специалистом в четырех областях: личностно-социальной, языковой, мелкой и крупной моторике. Шкала включает сбор социально-демографических сведений о семье и о семейных отношениях (Bilu et al., 2023).

Изучение 37 родительских опросников, круглосуточно оценивающих поведение детей от 0 до 60 месяцев в плане их двигательной активности, малоподвижного образа жизни и поведения во время сна, включившего 12 родительских анкет для детей в младенческом, раннем и дошкольном возрасте, продемонстрировало отсутствие валидных и/или надежных опросников (Arts et al., 2022). Хотелось бы отметить, что инструменты, основанные на родительской оценке вех развития при применении родительских опросников в целом, достаточно широко применяются благодаря своей надежности, однако их использование связано и с определенными ограничениями, в том числе с недостатком родительского опыта наблюдения за ребенком, отсутствия описания процедуры оценки навыка, ошибочными в обыденном сознании родителей представлениями о развитии и поведении детей раннего возраста, которые отражают переоценку возможностей маленьких детей, приписывание им умений, типичных для детей дошкольного возраста. Все это должно учитываться при проведении родителями оценки развития ребенка и сопровождаться родительским просвещением (Sheldrick et al., 2019; Валитова, 2018; Raspa et al., 2015); описанные ограничения сбора информации о ребенке от близкого взрослого справедливы и для скрининга (Raspa et al., 2015).

Родительский опросник «Возраст и стадии развития», третье издание («Ages and Stages Questionnaire», ASQ-3) представляет собой широко применяемую скрининговую методику (Singh et al., 2017) для оценки развития детей в возрасте от 2 месяцев до 5,5 лет. Стандартизация результатов обеспечена исследовательской выборкой, составившей более 15 тыс. детей. Родительская анкета включает 21 опросник, разбитый по возрастам (до двух лет интервал обследования составляет два месяца, после двух лет интервал составляет три месяца, после трех — шесть месяцев). Оценивается развитие ребенка по следующим областям: коммуникация, двигательное развитие, тонкая моторика, познавательная область, личностное и социальное развитие.

ASQ-3 может быть использован для оценки развития недоношенных детей, так как при оценке развития учитывается срок гестации с поправкой на скорректированный возраст при сроке гестации от 35 недель и ниже до возраста 2 лет (Schonhaut et al., 2013).

В отношении ASQ-3 есть исследования, проведенные на других клинических группах, например для оценки задержки развития у детей раннего возраста после вспышки вирусной инфекции Зика. В данном исследовании предпринята модификация оценки протокола ASQ-3 для получения количественной оценки развития (Attell et al., 2020). Исследовалась возможность применения скрининга в группе детей с риском развития двигательных нарушений. Дети, оцененные по ASQ-3 и имеющих риски нарушений крупной моторики, были направлены на дополнительную кинезиологическую (физиотерапевтическую) оценку. Этим детям также проведена неврологическая оценка Alberta Infant Motor Scale (AIMS), которая использовалась для детей в возрасте до 18 месяцев, всем детям проводилась диагностика неврологического, сенсорного, моторного развития (Neurological, Sensory, Motor, Developmental

Assessment, NSMDA), применяемая для оценки двигательного развития детей от 1 месяца до 6 лет. Отмечено, что пороговый балл домена крупной моторики в ASQ-3 является надежным предиктором ее нарушений (Fauls et al., 2020). Также отмечена положительная связь между ASQ-3 и оцениваемыми в более позднем возрасте в различных социальных, культурных и экономических условиях характеристиками интеллекта и школьной успеваемости (Schonhaut et al., 2021).

Денверский скрининговый тест оценки развития ребенка (Denver Development Screening Tool, DDST) разработан В.К. Франкенбургом и Дж.Б. Доддсом в 1967 г. в Денвере (США), используется для выявления детей с нарушениями психомоторного развития в возрасте от рождения до 6 лет. Денверский скрининг-тест развития состоит из четырех разделов:

- 1) оценка социальных навыков и навыков самообслуживания;
- 2) оценка навыков мелкой моторики;
- 3) оценка речевого развития;
- 4) оценка навыков крупной моторики.

Этот тест был стандартизирован на 1036 детях в возрасте от 2 недель до 6 лет, 816 из которых были младше 3 лет. Тест характеризуется высокими показателями валидности и надежности. Тестирование занимает около 30 минут и требует минимальной подготовки исследователя (несколько часов). Тестирование проводится как в условиях прямого наблюдения, так и на основании сведений, полученных от родителей. Методика Denver II (1992) — DDST-II, является итогом пересмотра и обновления Денверского скрининг-теста развития, стандартизирована на 2096 детях. Прошла стандартизацию в 12 странах, в том числе в Корее (Hyun et al., 2023).

С целью сравнения точности стандартизированного скрининга развития были проведены исследования в отношении трех инструментов: «Возраст и стадии развития» (Ages and Stages Questionnaire, ASQ-3), «Вехи развития» (Developmental Milestones, «Вехи SWYC»), описанных в данной статье ранее, а также Родительской оценки статуса развития (Parents' Evaluation of Developmental Status, PEDS) (Sheldrick et al., 2020). Последний родительский опросник был разработан в США доктором Фрэнсис Пейдж Гласко. Тест широко применяется в Соединенных Штатах Америки, Канаде, Великобритании, Австралии и Новой Зеландии и предназначен для оценки развития речи, моторики, способности к самопомощи, ранних академических навыков, поведения и социально-эмоционального/психического здоровья детей от 0 до 8 лет, включая детей раннего возраста. PEDS обладает надежными психометрическими свойствами и был повторно стандартизирован в 2013 г. (Woolfenden et al., 2014). К исследованию привлекались родители, находившиеся в приемных десяти педиатрических отделений первичной медико-санитарной помощи в восточном Массачусетсе в период с 1 октября 2013 по 31 января 2017 г. Родители последовательно заполнили все опросники. Участникам, получившим положительный результат по любому опроснику, а также 10 % тех, кто получил отрицательный результат по всем опросникам (выбранным случайным образом), было предложено пройти стандартизированное тестирование развития. Всего в опросе приняли участие 1495 семей детей в возрасте от 9 месяцев до 5,5 лет. Среди детей младшего возраста (< 42 месяцев) специфичность ASQ-3 и SWYC Milestones была выше, различия в чувствительности не были статистически значимыми.

Среди инструментов скрининга PEDS может быть отнесен к наиболее подходящим для использования в странах с низким и средним уровнем жизни, таких как Таиланд, Бутан, Иран и Индия, поскольку они менее дорогостоящи, рассчитаны на более широкий возрастной диапазон, легко доступны, не требуют значительной подготовки или же обучения для проведения оценки и обладают доказанными психометрическими свойствами (Sheel et al., 2023). Представлено руководство по пересмотренной версии теста (Clascoe et al., 2023).

Внимание к культуральным аспектам психического здоровья детей и их влиянию на результаты оценки развития детей раннего возраста приводит к созданию специальных инструментов скрининговой диагностики, приемлемых в странах с низким и средним уровнем дохода населения. Таким инструментом является Малавийский инструмент оценки развития (Malawi Developmental Assessment Tool, MDAT), стандартизированный, включающий 185 пунктов оценки, прошедший стандартизацию на 1426 нейротипично развивающихся детях из сельской местности в возрасте 0–6 лет и оценивающий крупную и мелкую моторику, речевое и социальное развитие, а также когнитивное развитие. На клинических группах детей с нарушениями нейроразвития и детей с недостаточностью питания (при соотношении веса к росту < 80 %) Малавийский тест продемонстрировал хорошую чувствительность (97 %) и специфичность (82 %) (Gladstone et al., 2010). Возможности применения инструмента продолжают исследоваться в странах с низким и средним уровнем дохода населения — в Пакистане и Доминиканской Республике (Naz et al., 2023; Sánchez-Vincitore et al., 2019).

В Российской Федерации для целей скрининга развития давно используется адаптированная с нормативными данными по российской выборке Кентская шкала оценки развития младенцев (Kent Infant Development Scale, KID Scale), не вошедшая в англоязычный сегмент литературы по параметрам поиска. Шкала имеет ограничения, связанные с тем, что это опросник для родителей, следовательно, с его помощью измеряются представления родителей о ребенке (Гончарова и др., 2014). KID Scale разработана группой сотрудников Кентского университета (США) под руководством профессора Ж. Рейтер. Шкала предназначена для оценки уровня развития детей в возрасте от 2 до 16 месяцев, а также тех детей, чей биологический возраст больше указанного, но возраст развития не превышает 16 месяцев. Оценка проводится в следующих областях: когнитивной, двигательной, языковой, обслуживания и социальной.

Адаптивные шкалы поведения Вайнленда (Vineland Behavior Adaptive Scales, VABS, 2005) — стандартизированный инструмент, использовавшийся на российских выборках детей (Колесникова и др., 2017). VABS позволяет оценить развитие на протяжении всей жизни в пяти областях: коммуникация, навыки повседневной жизни, социализация, двигательные навыки, неадаптивное поведение. Для детей в раннем возрасте обследование по методике VABS проводится специалистом в форме полуструктурированного интервью с близким взрослым. Вследствие этого субъективизм оценки, характерный для восприятия родителей ребенка, снижен. Однако для заполнения формы и оценки требуется много времени: до 40–60 минут.

Методы углубленной (экспертной) оценки развития. Стандартизированные тесты, оценивающие общее развитие детей младенческого и раннего возраста,

представляют собой единственный способ получить объективную количественную информацию о развитии непосредственно от ребенка.

Шкалы развития младенцев и тоддлеров Бэйли, третье издание (Bayley Scales of Infant and Toddler Development — Third Edition, Bayley-III; Bayley, 2006) — стандартизированный метод оценки развития, применяемый в США, Великобритании, Канаде, Австралии, Бразилии, Португалии, Греции, КНР, Германии, Швеции (Madaschi et al., 2016; Durrant et al., 2020; Del Rosario et al., 2021), в том числе есть данные и о применении теста в России (Киселев и др., 2016). Это инструмент индивидуализированной оценки функционального развития младенцев и детей раннего возраста от 1 до 42 месяцев. Его основной целью является выявление детей с задержкой развития и предоставление информации для планирования ранней помощи. Первая версия была предложена Нэнси Бейли и опубликована в 1969 г. Вторая переработанная версия, BSID-II, появилась в 1993 г. Она содержит когнитивную (mental scale) и двигательную шкалы (motor scale). В 2006 г. вышла новая версия, BSID-III, более подробная и дифференцированная, которая позволяет также оценить когнитивную сферу, рецептивную и экспрессивную коммуникацию, а также мелкую и крупную моторику, социально-эмоциональное развитие и адаптивное поведение. Время проведения тестирования составляет 50 минут у детей 12 месяцев и младше; 90 минут для детей 13 месяцев и старше.

Результаты обследования по Bayley-III представлены у детей из следующих клинических выборок: синдром Дауна, дети с нарушениями социально-эмоционального развития (первазивные расстройства развития в классификации DSM-IV), церебральный паралич, нарушение речи, задержка развития; наиболее широко представлена группа детей с перинатальной патологией — это асфиксия при рождении, маловесность для гестационного возраста, преждевременные роды или низкий вес при рождении (Madaschi et al., 2016; Bulbul et al., 2020; Månsson et al., 2021; Montgomery et al., 2023). Вместе с тем в научных исследованиях содержатся критические замечания в отношении прогностической способности шкал теста Bayley-III (Durrant et al., 2020) и чувствительности шкал (Anderson, Burnett, 2017), особенно коммуникативной (Wong et al., 2018). Клинические исследования в отношении группы недоношенных детей, родившихся на сроке гестации ниже 32 недель, демонстрируют статистически и клинически значимые различия в результатах при использовании национальных (немецких) и американских норм теста Бейли-III (Fuiko et al., 2019).

Тест Bayley-III наряду с инструментом скрининговой оценки ASQ-3 включается в программы наблюдения за детьми группы неонатального риска. Инструмент используется в алгоритме многоуровневой диагностики на высшем, экспертном этапе (первые этапы — скрининг или же выделение детей группы риска по анамнестическим признакам) (Hyun et al., 2023).

В РФ предпринимаются попытки адаптации методики, пока на ограниченной по численности и по возрасту выборке (Павлова и др., 2020).

Тест Бейли в качестве международного «золотого стандарта» используется для изучения психометрических свойств и прогностической ценности других инструментов, например Мюнхенской функциональной диагностики развития, МФДР (Münchener Funktionelle Entwicklungsdiagnostik, MFED) (Janning et al., 2023). Методика предназначена для оценки развития детей от 0 до 3 лет, в настоящее время проходит стандартизация инструмента и расширение возрастного диапазона

до 4 лет (Fuschlberger et al., 2024). Возможности ее применения в ранней помощи продолжают изучаться в нашей стране (Бондарькова, 2016).

К зарубежным методикам, используемым в российских исследованиях, относится Шкала Маллена раннего обучения (Mullen Scales of Early Learning, MSEL, 1995) (Колесникова и др., 2017; Жукова и др., 2018). Инструмент представляет собой набор оценок, предназначенный для измерения развития младенцев и дошкольников в возрасте от рождения до 68 месяцев. Оцениваются функции крупной моторики, зрительное восприятие, мелкая моторика, рецептивная речь и экспрессивная речь. Четыре когнитивные шкалы (зрительное восприятие, мелкая моторика, рецептивная речь и экспрессивная речь) объединяются в единую шкалу раннего обучения, которая представляет собой характеристику общего когнитивного функционирования. С использованием надежных методов анализа данных приводятся доказательства конструктивной, конвергентной и дивергентной достоверности MSEL (Swineford, 2015).

Опросник развития Баттель, второе издание (Battelle Developmental Inventory, BDI-2; Newborg, 2005), достаточно прост в применении, доступен на английском и испанском языке. Применим для оценки развития детей от рождения до восьми лет. Включает разделы: личностно-социальный, адаптация, моторика, коммуникация, познавательные процессы. В руководстве сообщается о том, что инструмент подходит для детей с аутизмом, задержками развития, задержками моторики, задержками развития речи и языка и для недоношенных детей. Данный инструмент достаточно широко применяется в отечественной практике (Черного и др., 2017; Chernego et al., 2018). В руководстве планирование и проведение программы раннего вмешательства описываются как одна из значимых целей данного теста, но не уделяется особого внимания тому, как использовать полученные результаты для их достижения. Длительность теста 60–90 минут. Инструмент наряду с Bayley-III используется для оценки сравнительной эффективности программ ранней помощи (McManus et al., 2020).

Тест оценки развития от 6 месяцев до 6 лет — Entwicklungstest 6 Monate bis 6 Jahre (ET 6–6; Petermann, Macha, 2015) был создан для оценки когнитивного, речевого, социального и эмоционального развития, мелкой и крупной моторики детей от 6 месяцев до 6 лет в немецкоговорящих странах. В руководстве не описано, как использовать полученные в тесте данные для вмешательства. Время проведения в среднем меньше 45 минут (Hasselhorn, Margraf-Stiksrud, 2015).

Инструмент оценки Интернациональная шкала Лейтер (Leiter (R) Examiner Rating Scale, Leiter-R; Roid, Miller, 1997) на английском языке с невербальными инструкциями позволяет оценить интеллект в области мышления, зрительного восприятия, памяти и внимания детей в возрасте от двух лет и до 21 года. Для детей двухлетнего возраста нет ограничений по времени, что повышает пригодность теста для детей раннего возраста с особыми потребностями. Данный невербальный инструмент применим у детей с речевыми и языковыми, слуховыми или моторными нарушениями и использовался у детей с задержками речи, английским как вторым языком, слуховыми, моторными или когнитивными нарушениями, СДВГ. К сожалению, он не рассчитан на детей младенческого возраста — до 2 лет. Длительность тестирования 25–40 минут. В нем не уделяется особого внимания роли результатов тестов при планировании вмешательства (Acar et al., 2019).

В отечественной практике специально для целей диагностики развития детей первого года жизни Л.Т. Журбой и Е.М. Мастюковой разработана диагностика нарушений психомоторного развития детей первого года жизни (Пальчик и др., 2021). На проведение данного теста специалист затрачивает в среднем от 40 до 60 минут. Проводится врачом (неврологом, педиатром, врачом общей практики), в связи с чем в нее включены такие параметры оценки, как уровень стигматизации, черепно-мозговая иннервация и патологические движения. Метод рекомендует оценивать развитие ребенка по семи нервно-психическим показателям (динамическим функциям): коммуникабельность, голосовые реакции, безусловные рефлексы, мышечный тонус, асимметричный шейный тонический рефлекс, цепной симметричный рефлекс, сенсорные реакции. К достоинствам метода относится возможность использования у недоношенных детей. В качестве критики можно отметить некоторую условность присвоения одинаковых баллов в разнородных по прогностической ценности областях.

График нервно-психического обследования младенцев «ГНОМ» разработан для оценки развития сенсорных, моторных (статика, кинетика, тонкая моторика и мимика), эмоционально-волевых, познавательных и поведенческих функций детей от 0 до 3 лет (Козловская и др., 2012). Отличается комплексностью, глубиной, дифференцированностью подходов, однако отмечается малая практическая применимость графика вследствие громоздкости процедуры диагностики (Кустова и др., 2018).

Обсуждение результатов

Изучение применения в международной практике инструментов диагностики развития детей младенческого и раннего возраста демонстрирует отсутствие идеального инструмента, сочетающего хорошие психометрические свойства с адекватной по времени процедурой тестирования и доступностью.

Благодаря сравнительным исследованиям в разных странах изучена возможность выделения универсальных основных вех раннего развития; выделены области развития, в большей (навыки самообслуживания, речь, социальные отношения) и меньшей степени (игровое поведение, тонкая и крупная моторика) подверженные влиянию культурных, этнических и социально-экономических факторов (Sheldrick et al., 2019; Ertem et al., 2018). Различия в этих сферах диктуют дальнейшее изучение норм развития в зависимости от этнических и культуральных особенностей, даже в отношении признанных в международной практике инструментов диагностики.

Диагностика развития ребенка должна носить индивидуализированный характер, сопровождаться анализом клинических данных, сведений о психосоциальных и иных аспектах контекста развития.

Выбор инструмента диагностики зависит от поставленных диагностических задач и диагностического этапа (скрининг, экспертная диагностика) (Hyun et al., 2023).

Ряд инструментов находят более широкое применение. Например, для целей скрининга хорошо зарекомендовал себя ASQ-3; инструментом стандартизированной диагностики является тест Bayley-III, сохраняющий свои лидирующие позиции в течение почти двух десятилетий (Visser et al., 2012). Ограничения, связанные с применением инструментов, связаны с необходимостью получения национальных норм, прохождения обучения, высокой стоимостью, ограниченной

доступностью (Huyn et al., 2023), а также необходимостью получения актуальных норм развития, обусловленную так называемым эффектом Флинна (Visser et al., 2012). Вместе с тем наблюдение за поведением детей раннего возраста в странах с высоким уровнем дохода демонстрирует отсутствие этого эффекта, то есть отсутствие изменений показателей развития в течение последних десятилетий (Fuschlberger et al., 2024).

Выводы

1. В настоящее время не существует единого международного инструмента оценки развития и поведения детей младенческого и раннего возраста. Наиболее часто используемым инструментом для скрининга развития является методика ASQ-3, представляющая собой родительский опросник. Среди стандартизированных экспертных тестов, оценивающих развитие, таким инструментом является методика Bayley-II I.

2. Современные диагностические инструменты, оценивающие развитие ребенка, помимо областей когнитивного, двигательного (моторного) развития, развития языка и речи, включают области развития, связанные с социально-эмоциональным функционированием и адаптацией.

3. Для интерпретации результатов, получаемых при использовании диагностических инструментов, оценивающих развитие ребенка, необходим индивидуализированный подход, предполагающий изучение клинико-анамнестических данных и психосоциальных аспектов семейного окружения (Sheldrick et al., 2019; Диагностическая классификация..., 2022).

4. В доступной нам литературе отмечено ограниченное использование в отечественной практике международно-признанных инструментов диагностики развития детей младенческого и раннего возраста.

Ограничения

Наше исследование было ограничено проведением литературного поиска по полнотекстовым источникам, доступным автору.

Литература

- Белова О. С., Соловьев А. Г., Лептиман А. Система ранней комплексной помощи детям группы риска нарушения психического развития в России // *Экология человека*. 2020. № 8. С. 49–54. <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2020-8-49-54>
- Бондарькова Ю. А. Роль Мюнхенской диагностики для оценки динамических изменений развития детей раннего возраста // *Специальное образование*. 2016. № 1 (41). С. 25–37.
- Валитова И. Е. Представления о развитии ребенка раннего возраста в обыденном сознании // *Психологические проблемы современной семьи: сб. мат-лов VIII Междунар. науч.-практ. конф. (3–6 октября 2018 г.) / под общ. ред. Ю. П. Зинченко*. Екатеринбург: [б. и.], 2018. С. 152–159.
- Гончарова О. В., Николенко Н., Ачкасов Е. Е., Куранов Г. В. Значение скрининг-исследований с использованием компьютерных и видеотехнологий в выявлении отклонений в развитии детей и организации реабилитации // *Вестник восстановительной медицины*. 2014. № 4 (62). С. 21–26.
- Диагностическая классификация нарушений психического здоровья и развития у детей от рождения до 5 лет. СПб.: Скифия, 2022.

- Жукова М. А., Овчинникова И. В., Григоренко Е. Л. Анализ психометрических свойств методики Mullen Scales of Early Learning на русскоязычной выборке // Вопросы психологии. 2018. № 5. С. 145–156.
- Каган А. В., Плотнокова Е. В., Горелик Ю. В., Андрущенко Н. В., Симаходский А. В., Севостьянова Л. Д. Методологические и практические принципы формирования многоуровневой системы реабилитации детей 0–4 лет // Профилактическая и клиническая медицина. 2020. № 4 (77). С. 60–67.
- Киселев С. Ю., Львова О. А., Глига Т., Бакушкина Н. И., Сулейманова Е. В., Гришина К. И., Баранов Д. А., Ксенофонтова О. Л., Мартиросян С. В. Оценка развития нейрокогнитивных функций у недоношенных детей первого года жизни с помощью шкалы Бейли // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2016. Т. 116, № 4 (2). С. 62–67.
- Козловская Г. В., Калинина М. А., Горюнова А. В. Определение отклонений в психическом развитии детей раннего возраста: Психодиагностический тест «ГНОМ». М.: Московский государственный индустриальный университет, 2012.
- Колесникова М. А., Солодунова М. Ю., Жукова М. А., Аникина В. О. Особенности когнитивного развития детей в домах ребенка с различным социальным окружением // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2017. Т. 7, № 4. С. 365–381. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2017.405>
- Кустова Т. В., Таранушенко Т. Е., Демьянова И. М. Оценка психомоторного развития ребенка раннего возраста: что должен знать врач-педиатр // Медицинский совет. 2018. № 11. С. 104–109. <https://doi.org/10.21518/2079-701X-2018-11-104-109>
- Макаров И. В., Пашковский В. Э., Фесенко Ю. А., Семенова Н. В. Состояние заболеваемости психическими расстройствами детей и подростков в Северо-Западном федеральном округе // Российский психиатрический журнал. 2019. № 6. С. 16–24. <https://doi.org/10.24411/1560-957X-2019-11950>
- Павлова П. А., Бакушкина Н. И., Сулейманова Е. В., Павлова Н. В., Лаврова М. А., Туктарева И. В., Чегодаев Д. А., Львова О. А., Максимов Д. М. Апробация методики “Bayley Scales of Infant and Toddler Development — Third Edition” // Российский психологический журнал. 2020. Т. 17, № 4. С. 49–64. <https://doi.org/10.21702/rpj.2020.4.4>
- Пальчик А. Б., Понятишин А. Е., Федорова Л. А. Неврология недоношенных детей М.: МЕДпресс-информ, 2021.
- Прибыткова О. Л., Малярчук Н. Н., Отева Н. И. Развитие детей раннего возраста: особенности диагностики в России и за рубежом // Успехи гуманитарных наук. 2020. № 5. С. 122–127.
- Токарская Л. В., Лаврова М. А. Методики оценки раннего детско-родительского взаимодействия // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14, № 2. С. 86–92. <https://doi.org/10.17759/chp.2018140209>
- Трушкина С. В. Психологическая диагностика детей раннего возраста: направления, цели, методы // Современные направления диагностики в клинической (медицинской) психологии / под ред. Н. В. Зверевой, И. Ф. Рожиной. М.: Сам Полиграфист, 2021. С. 221–240.
- Черного Д. И., Васильева М. Ю., Солодунова М. Ю., Никифорова Н. В., Пальмов О. И., МакКолл Р. Б., Гроарк К., Мухамедрахимов Р. Ж. Психическое развитие недоношенных детей, воспитывающихся в домах ребенка разного типа // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 2. С. 55–65.
- Acar I. H., Frohn S., Prokasky A., Molfese V. J., Bates J. E. Examining the associations between performance based and ratings of focused attention in toddlers: Are we measuring the same constructs? // Infant Child Dev. 2019. Vol. 28, no. 1. P. e2116. <https://doi.org/10.1002/icd.2116>
- Anderson P. J., Burnett A. Assessing developmental delay in early childhood — concerns with the Bayley-III scales // Clin. Neuropsychol. 2017. Vol. 31, no. 2. P. 371–381. <https://doi.org/10.1080/13854046.2016.1216518>
- Arts J., Gubbels J. S., Verhoeff A. P., Chinapaw M. J. M., Lettink A., Altenburg T. M. A systematic review of proxy-report questionnaires assessing physical activity, sedentary behavior and/or sleep in young children (aged 0–5 years) // Int. J. Behav. Nutr. Phys. Act. 2022. Vol. 19, no. 1. P. 18. <https://doi.org/10.1186/s12966-022-01251-x>
- Attell J. E., Rose C., Bertolli J., Kotzky K., Squires J., Krishna N. K., Satterfield-Nash A., Peacock G., Pereira I. O., Santelli A. C., Smith C. Adapting the Ages and Stages Questionnaire to identify and quantify development among children with evidence of Zika infection // Infants Young Child. 2020. Vol. 33, no. 2. P. 95–107. <https://doi.org/10.1097/iyc.000000000000161>

- Bayley N. Bayley scales of infant and toddler development: administration manual. San Antonio: Harcourt Assessment, 2006.
- Bilu Yo., Amit G., Sudry T., Akiva P., Avgil Tsadok M., Zimmerman D.R., Baruch R., Sadaka Ya. A developmental surveillance score for quantitative monitoring of early childhood milestone attainment: Algorithm development and validation // *JMIR Public. Health Surveill.* 2023. Vol. 9. Art. e47315. <https://doi.org/10.2196/47315>
- Bulbul L., Elitok G.K., Ayyıldız E., Kabakcı D., Uslu S., Köse G., Tiryaki Demir S., Bulbul A. Neuromotor development evaluation of preterm babies less than 34 weeks of gestation with Bayley-III at 18–24 months // *Biomed Res. Int.* 2020. Vol. 2020. Art. 5480450. <https://doi.org/10.1155/2020/5480450>
- Chernego D.I., McCall R.B., Wanless Sh.B., Groark Ch.J., Vasilyeva M.J., Palmov O.I., Nikiforova N.V., Muhamedrahimov R.J. The effect of a social — emotional intervention on the development of pre-term infants in institutions // *Infants & Young Children.* 2018. Vol. 31, no. 1. P. 37–52. <https://doi.org/10.1097/IYC.000000000000108>
- Clascoe F.P., Woods S.K., Mills T.D. PEDS-R: handbook. Nolensville: PEDStest.com, 2023.
- Del Rosario C., Slevin M., Molloy E.J., Quigley J., Nixon E. How to use the Bayley Scales of Infant and Toddler Development // *Arch Dis. Child Educ. Pract. Ed.* 2021. Vol. 106, no. 2. P. 108–112. <https://doi.org/10.1136/archdischild-2020-319063>
- Developmental surveillance and screening of infants and young children // *Pediatrics.* 2001. Vol. 108, no. 1. P. 192–196. <https://doi.org/10.1542/peds.108.1.192>
- Durrant C., Wong H.S., Cole T.J., Hutchon B., Collier L., Wright A., George C., De Haan M., Huertas Ceballos A. Developmental trajectories of infants born at less than 30 weeks' gestation on the Bayley-III Scales // *Arch. Dis. Child Fetal Neonatal Ed.* 2020. Vol. 105, no. 6. P. 623–627. <https://doi.org/10.1136/archdischild-2019-317810>
- Ertem I.O., Dogan D.G., Gok C.G., Kizilates S.U., Caliskan A., Atay G., Vatandas N., Karaaslan T., Basakan S.G., Cicchetti D.V. A guide for monitoring child development in low- and middle-income countries // *Pediatrics.* 2008. Vol. 121, no. 3. P. 581–589. <https://doi.org/10.1542/peds.2007-1771>
- Ertem I.O., Krishnamurthy V., Mulaudzi M.C., Sguassero Ya., Balta H., Gulumser O., Bilik B., Srinivasan R., Johnson B., Gan G., Calvocorelli L., Shabanova V., Forsyth B.W.C. Similarities and differences in child development from birth to age 3 years by sex and across four countries: a cross-sectional, observational study // *Lancet Glob. Health.* 2018. Vol. 6, no. 3. P. e279–e291. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(18\)30003-2](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(18)30003-2)
- Fauls J.R., Thompson B.L., Johnston L.M. Validity of the Ages and Stages Questionnaire to identify young children with gross motor difficulties who require physiotherapy assessment // *Dev. Med. Child Neurol.* 2020. Vol. 62, no. 7. P. 837–844. <https://doi.org/10.1111/dmcn.14480>
- Fuiko R., Oberleitner-Leeb C., Klebermass-Schrehof K., Berger A., Brandstetter S., Giordano V. The impact of norms on the outcome of children born very-preterm when using the Bayley-III: Differences between US and German norms // *Neonatology.* 2019. Vol. 116, no. 1. P. 29–36. <https://doi.org/10.1159/000497138>
- Fuschlberger T., Leitz E., Voigt F., Esser G., Schmid R.G., Mall V., Friedmann A. Stability of developmental milestones: Insights from a 44-year analysis // *Infant Behav. Dev.* 2024. No. 74. P. 101898. <https://doi.org/10.1016/j.infbeh.2023.101898>
- Gladstone M., Lancaster G.A., Umar E., Nyirenda M., Kayira E., van den Broek N.R., Smyth R.L. The Malawi Developmental Assessment Tool (MDAT): the creation, validation, and reliability of a tool to assess child development in rural African settings // *PLoS Med.* 2010. Vol. 25, no. 7 (5). P. e1000273. <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1000273>
- Gregory R.G. Psychological Testing: History, Principles, and Applications. London: Pearson Education, 2007.
- Hasselhorn M., Margraf-Stiksrud J. TBS-TK Rezension: “Entwicklungstest für Kinder von sechs Monaten bis sechs Jahren — Revision (ET 6–6 R)” // *Psychologische Rundschau.* 2015. Vol. 66, no. 3. P. 141–143. <https://doi.org/10.1026/0033-3042/a000120>
- Hyun S.E., Kwon J. Yi., Hong B. Yo., Yoon J. A., Choi J. Yo., Hong J., Koh S. E., Ko E. J., Kim S. K., Song M. K., Yi S. H., Cho A., Kwon B. S. Early neurodevelopmental assessments of neonates discharged from the neonatal intensive care unit: A physiatrist's perspective // *Ann. Rehabil. Med.* 2023. Vol. 74, no. 3. P. 147–161. <https://doi.org/10.5535/arm.23038>

- Janning A., Lademann H., Olbertz D. Predictive value of the Münchener Funktionelle Entwicklungsdiagnostik used to determine risk factors for motor development in German preterm infants // *Biomedicines*. 2023. Vol. 11, no. 10. P. 2626. <https://doi.org/10.3390/biomedicines11102626>
- Jeong J., Franchett E.E., Ramos de Oliveira C. V., Rehmani K., Yousafzai A. K. Parenting interventions to promote early child development in the first three years of life: A global systematic review and meta-analysis // *PLoS. Med.* 2021. No. 18 (5). Art. e1003602. <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1003602>
- Lancaster G. A., McCray G., Kariger P., Dua T., Titman A., Chandna J., McCoy D., Abubakar A., Hamadani J. D., Fink G., Tofail F., Gladstone M., Janus M. Creation of the WHO Indicators of Infant and Young Child Development (IYCD): metadata synthesis across 10 countries // *BMJ Global Health*. 2018. Vol. 3, no. 5. Art. e000747. <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2018-000747>
- Madaschi V., Macedo E. C., Mecca T. P., Paula C. S. Bayley-III scales of infant and toddler development: transcultural adaptation and psychometric properties // *Paidéia (Ribeirão Preto)*. 2016. No. 26. P. 189–197.
- Månsson J., Källén K., Eklöf E., Serenius F., Ådén U., Stjernqvist K. The ability of Bayley-III scores to predict later intelligence in children born extremely preterm // *Acta Paediatr.* 2021. Vol. 110, no. 11. P. 3030–3039. <https://doi.org/10.1111/apa.16037>
- McManus B. M., Blanchard Yv., Murphy N. J., Nugent J. K. The effects of the Newborn Behavioral Observations (NBO) system in early intervention: A multisite randomized controlled trial // *Infant Ment. Health J.* 2020. Vol. 41, no. 6. P. 757–769. <https://doi.org/10.1002/imhj.21882>
- Montgomery C., Setänen S., Kaul Yl. F., Farooqi A., Broström L., Aden U., Källén K., Serenius F. Predictive value of Bayley-III Motor Index for later motor difficulties in children born extremely preterm // *Acta Paediatr.* 2023. Vol. 112, no. 4. P. 742–752. <https://doi.org/10.1111/apa.16694>
- Naz S., Hoodbhoy Z., Jaffar A., Kaleem S., Hasan B. S., Chowdhury D., Gladstone M. Neurodevelopment assessment of small for gestational age children in a community-based cohort from Pakistan // *Arch Dis. Child.* 2023. Vol. 108, no. 4. P. 258–263. <https://doi.org/10.1136/archdischild-2022-324630>
- Newborg J. Battelle developmental inventory. 2nd ed. Itaca: Riverside, 2005.
- O'Hara L., Smith E. R., Barlow J., Livingstone N., Herath N. I., Wei Yi., Spreckelsen T. F., Macdonald G. Video feedback for parental sensitivity and attachment security in children under five years // *Cochrane Database Syst. Rev.* 2019. Vol. 11, no. 11. Art. CD012348. <https://doi.org/10.1002/14651858.cd012348.pub2>
- Perrin E. C., Sheldrick Ch., Visco Z., Mattern K. Survey of Well-being of Young Children (SWYC). User's Manual. Boston: Tufts Medical Center, 2016.
- Petermann F., Macha Th. Entwicklungstest für Kinder von 6 Monaten bis 6 Jahren. Boston: Hogrefe, 2015.
- Raspa M., Levis D. M., Kish-Doto J., Wallace I., Rice C., Barger B., Green K. K., Wolf R. B. Examining parents' experiences and information needs regarding early identification of developmental delays: Qualitative research to inform a public health campaign // *J. Dev. Behav. Pediatr.* 2015. Vol. 36, no. 8. P. 575–585. <https://doi.org/10.1097/DBP.0000000000000205>
- Roid G. H., Miller L. J. Leiter international performance scale — revised: Examiner's manual. Wood Dale: Stoelting, 1997.
- Sánchez-Vincitore L., Schaettle P., Castro A. Validation of the Malawi Developmental Assessment Tool for children in the Dominican Republic: Preliminary results // *PLoS One*. 2019. Vol. 15, no. 14 (8). P. e0221162. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0221162>
- Schonhaut L., Armijo I., Schönstedt M., Alvarez J., Cordero M. Validity of the ages and stages questionnaires in term and preterm infants // *Pediatrics*. 2013. Vol. 131, no. 5. P. e1468–e1474. <https://doi.org/10.1542/peds.2012-3313>
- Schonhaut L., Maturana A., Cepeda O., Serón P. Predictive validity of developmental screening questionnaires for identifying children with later cognitive or educational difficulties: A systematic review // *Front Pediatr.* 2021. Vol. 24, no. 9. Art. 698549. <https://doi.org/10.3389/fped.2021.698549>
- Sheel H., Suárez L., Marsh N. V. Parents' evaluation of developmental status and strength and difficulties questionnaire as screening measures for children in India: A scoping review // *Pediatr. Rep.* 2023. Vol. 24, no. 15 (1). P. 175–196. <https://doi.org/10.3390/pediatric15010014>
- Sheldrick R. C., Schlichting L. E., Berger B., Clyne A., Ni P., Perrin E. C., Vivier P. M. Establishing new norms for developmental milestones // *Pediatrics*. 2019. Vol. 144, no. 6. Art. e20190374. <https://doi.org/10.1542/peds.2019-0374>

- Sheldrick R. C., Marakovitz S., Garfinkel D., Carter A. S., Perrin E. C. Comparative accuracy of developmental screening questionnaires // *JAMA Pediatr.* 2020. Vol. 174, no. 4. P. 366–374. <https://doi.org/10.1001/jamapediatrics.2019.6000>
- Singh A., Yeh C. J., Boone Blanchard S. Ages and Stages Questionnaire: a global screening scale // *Bol. Méd. Hosp. Infant Méx.* 2017. Vol. 74, no. 1. P. 5–12. <https://doi.org/10.1016/j.bmhmx.2016.07.008>
- Swineford L. B., Guthrie W., Thurm A. Convergent and divergent validity of the Mullen Scales of Early Learning in young children with and without autism spectrum disorder // *Psychol. Assess.* 2015. Vol. 27, no. 4. P. 1364–1378. <https://doi.org/10.1037/pas0000116>
- Visser L., Ruiter S. A. J., van der Meulen B. F., Ruijsenaars W. A. J. J. M., Timmerman M. E. A review of standardized developmental assessment instruments for young children and their applicability for children with special needs // *Journal of Cognitive Education and Psychology.* 2012. Vol. 11, no. 2. P. 102–127. <https://doi.org/10.1891/1945-8959.11.2.102>
- Wong H. S., Cowan F. M., Modi N. Medicines for Neonates Investigator Group. Validity of neurodevelopmental outcomes of children born very preterm assessed during routine clinical follow-up in England // *Arch. Dis. Child Fetal Neonatal Ed.* 2018. Vol. 103, no. 5. P. F479–F484. <https://doi.org/10.1136/archdischild-2016-312535>
- Woolfenden S., Eapen V., Williams K., Hayen A., Spencer N., Kemp L. A systematic review of the prevalence of parental concerns measured by the Parents' Evaluation of Developmental Status (PEDS) indicating developmental risk // *BMC Pediatr.* 2014. Vol. 13, no. 14. P. 231. <https://doi.org/10.1186/1471-2431-14-231>

Статья поступила в редакцию 27 июля 2024 г.;
рекомендована к печати 27 февраля 2025 г.

Контактная информация:

Андрющенко Наталия Владимировна — канд. мед. наук, доц.;
<https://orcid.org/0000-0003-1301-1668>, natvladandr@gmail.com

Analysis of developmental assessment instruments for diagnosing infants and young children

N. V. Andrushchenko

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov,
41, ul. Kirochnaya, St. Petersburg, 191015, Russian Federation

For citation: Andrushchenko N. V. Analysis of developmental assessment instruments for diagnosing infants and young children. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 2, pp. 198–217. EDN CJBWET (In Russian)

The need for early diagnosis of developmental disorders, providing the child and family with early access to assistance programs, is faced with the lack of standards for their use in children aged from birth to 4 years. The article provides an overview of modern tools for assessing the development of infants and young children (from 0 to 4 years old), discusses the possibilities and limitations of their use in children, including the purposes of early intervention. To generalize the experience of international development diagnostic methods a systematic study was conducted using the NCBI (PubMed), Medline and PsycINFO databases and the keywords: developmental (neurodevelopmental) standardized assessments, test, young children, infant(s). RISC keywords were: developmental diagnostics, infants, young children. As a result, 15 tools for early developmental diagnostics were identified. Currently, there is no single international tool for assessing the development and behaviour of infants and young children.

The most used developmental screening tool is the ASQ-3, which is a parent questionnaire. Among the standardized expert tests for the development access, such an instrument is the Bayley-III. Modern diagnostic tools for the child development access, in addition to the areas of cognitive, motor (motor) development, language and speech development, include areas of development related to social-emotional functioning and adaptation. To interpret the results obtained from the use of diagnostic tools that assess the child's development, an individualized approach is required, involving the study of clinical and anamnestic data and psychosocial aspects of the family environment. In the available literature, the limited use is noted in domestic practice of internationally recognized tools for diagnosing the development of infants and young children.

Keywords: developmental (neurodevelopmental) standardized assessments, test, screening, milestone attainment, child development, young children, infant(s).

References

- Acar I. H., Frohn S., Prokasky A., Molfese V. J., Bates J. E. (2019). Examining the associations between performance based and ratings of focused attention in toddlers: Are we measuring the same constructs? *Infant Child Dev.*, 28 (1): e2116. <https://doi.org/10.1002/icd.2116>
- Anderson P. J., Burnett A. (2017). Assessing developmental delay in early childhood — concerns with the Bayley-III scales. *Clin. Neuropsychol.*, 31 (2): 371–381. <https://doi.org/10.1080/13854046.2016.1216518>
- Arts J., Gubbels J. S., Verhoeff A. P., Chinapaw M. J. M., Lettink A., Altenburg T. M. (2022). A systematic review of proxy-report questionnaires assessing physical activity, sedentary behavior and/or sleep in young children (aged 0–5 years). *Int. J. Behav. Nutr. Phys. Act.*, 19 (1): 18. <https://doi.org/10.1186/s12966-022-01251-x>
- Attell J. E., Rose C., Bertolli J., Kotzky K., Squires J., Krishna N. K., Satterfield-Nash A., Peacock G., Pereira I. O., Santelli A. C., Smith C. (2020). Adapting the ages and stages questionnaire to identify and quantify development among children with evidence of Zika infection. *Infants Young Child*, 33 (2): 95–107. <https://doi.org/10.1097/iy.0000000000000161>
- Bayley N. (2006). *Bayley scales of infant and toddler development: administration manual*. San Antonio, Harcourt Assessment.
- Belova O. S., Solov'ev A. G., Leppiman A. (2020). System of early comprehensive assistance to children at risk of mental development disorders in Russia. *Ekologiya cheloveka*, 8: 49–54. <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2020-8-49-54> (In Russian)
- Bilu Yo., Amit G., Sudry T., Akiva P., Avgil Tsadok M., Zimmerman D. R., Baruch R., Sadaka Ya. (2023). A developmental surveillance score for quantitative monitoring of early childhood milestone attainment: Algorithm development and validation. *JMIR Public. Health Surveill.*, 9: e47315. <https://doi.org/10.2196/47315>
- Bondar'kova Ju. A. (2016). The role of the Munich diagnostic for assessing dynamic changes in the development of young children. *Spetsial'noe obrazovanie*, 1 (41): 25–37. (In Russian)
- Bulbul L., Elitok G. K., Ayyıldız E., Kabakçı D., Uslu S., Köse G., Tiryaki Demir S., Bulbul A. (2020). Neuromotor development evaluation of preterm babies less than 34 weeks of gestation with Bayley III at 18–24 months. *Biomed Res. Int.*, 2020: 5480450. <https://doi.org/10.1155/2020/5480450>
- Chernego D. I., Vasil'eva M. Ju., Solodunova M. Ju., Nikiforova N. V., Pal'mov O. I., MakKoll R. B., Groark K., Muhamedrahimov R. Zh. (2017). Mental development of preterm infants in institutional environment. *Psikhologicheskii zhurnal*, 38 (2): 55–65. (In Russian)
- Chernego D. I., McCall R. B., Wanless Sh. B., Groark Ch. J., Vasilyeva M. J., Palmov O. I., Nikiforova N. V., Muhamedrahimov R. J. (2018). The effect of a social — emotional intervention on the development of preterm infants in institutions. *Infants & Young Children*, 31 (1): 37–52. <https://doi.org/10.1097/IYC.0000000000000108>
- Clascoe F. P., Woods S. K., Mills T. D. (2023). *PEDS-R: handbook*. Nolensville, PEDStest.com.
- Diagnostic classification of mental health and developmental disorders of infancy and early childhood (Version 2.0)* (2022). St. Petersburg, Skifia Publ. (In Russian)

- Del Rosario C., Slevin M., Molloy E. J., Quigley J., Nixon E. (2021). How to use the Bayley Scales of Infant and Toddler Development. *Arch. Dis. Child Educ. Pract. Ed.*, 106 (2): 108–112. <https://doi.org/10.1136/archdischild-2020-319063>
- Developmental surveillance and screening of infants and young children (2001). *Pediatrics*, 108 (1): 192–196. <https://doi.org/10.1542/peds.108.1.192>
- Durrant C., Wong H. S., Cole T. J., Hutchon B., Collier L., Wright A., George C., De Haan M., Huertas Ceballos A. (2020). Developmental trajectories of infants born at less than 30 weeks gestation on the Bayley-III Scales. *Arch. Dis. Child Fetal Neonatal Ed.*, 105 (6): 623–627. <https://doi.org/10.1136/archdischild-2019-317810>
- Ertem I. O., Dogan D. G., Gok C. G., Kizilates S. U., Caliskan A., Atay G., Vatandas N., Karaaslan T., Baskan S. G., Cicchetti D. V. (2008). A guide for monitoring child development in low- and middle-income countries. *Pediatrics*, 121 (3): 581–589. <https://doi.org/10.1542/peds.2007-1771>
- Ertem I. O., Krishnamurthy V., Mulaudzi M. C., Sguassero Ya., Balta H., Gulumser O., Bilik B., Srinivasan R., Johnson B., Gan G., Calvocoressi L., Shabanova V., Forsyth B. W. C. (2018). Similarities and differences in child development from birth to age 3 years by sex and across four countries: a cross-sectional, observational study. *Lancet Glob. Health*, 6 (3): e279–e291. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(18\)30003-2](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(18)30003-2)
- Fauls J. R., Thompson B. L., Johnston L. M. (2020). Validity of the Ages and Stages Questionnaire to identify young children with gross motor difficulties who require physiotherapy assessment. *Dev. Med. Child Neurol.*, 62 (7): 837–844. <https://doi.org/10.1111/dmcn.14480>
- Fuiko R., Oberleitner-Leeb C., Klebermass-Schrehof K., Berger A., Brandstetter S., Giordano V. (2019). The impact of norms on the outcome of children born very-preterm when using the Bayley-III: Differences between US and German norms. *Neonatology*, 116 (1): 29–36. <https://doi.org/10.1159/000497138>
- Fuschlberger T., Leitz E., Voigt F., Esser G., Schmid R. G., Mall V., Friedmann A. (2024). Stability of developmental milestones: Insights from a 44-year analysis. *Infant Behav. Dev.*, 74: 101898. <https://doi.org/10.1016/j.infbeh.2023.101898>
- Gladstone M., Lancaster G. A., Umar E., Nyirenda M., Kayira E., van den Broek N. R., Smyth R. L. (2010). The Malawi Developmental Assessment Tool (MDAT): the creation, validation, and reliability of a tool to assess child development in rural African settings. *PLoS Med.*, 25, 7 (5): e1000273. <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1000273>
- Goncharova O. V., Nikolenko N., Achkasov E. E., Kuranov G. V. (2014). Role of screening studies using computer and video technologies in diagnostics of abnormalities in children development and rehabilitation organization. *Vestnik vosstanovitel'noi meditsiny*, 4 (62): 21–26. (In Russian)
- Gregory R. G. (2007). *Psychological testing: History, Principles, and Applications*. London, Pearson Education.
- Hasselhorn M., Margraf-Stiksrud J. (2015). TBS-TK Rezension: “Entwicklungstest für Kinder von sechs Monaten bis sechs Jahren — Revision (ET 6–6 R)”. *Psychologische Rundschau*, 66 (3): 141–143. <https://doi.org/10.1026/0033-3042/a000120>
- Hyun S. E., Kwon J. Yi., Hong B. Yo., Yoon J. A., Choi J. Yo., Hong J., Koh S. E., Ko E. J., Kim S. K., Song M. K., Yi S. H., Cho A., Kwon B. S. (2023). Early neurodevelopmental assessments of neonates discharged from the neonatal intensive care unit: A physiatrist's perspective. *Ann. Rehabil. Med.*, 47 (3): 147–161. <https://doi.org/10.5535/arm.23038>
- Janning A., Lademann H., Olbertz D. (2023). Predictive value of the Münchener Funktionelle Entwicklungsdiagnostik used to determine risk factors for motor development in German preterm infants. *Biomedicine*, 11 (10): 2626. <https://doi.org/10.3390/biomedicine11102626>
- Jeong J., Franchett E. E., Ramos de Oliveira C. V., Rehmani K., Yousafzai A. K. (2021). Parenting interventions to promote early child development in the first three years of life: A global systematic review and meta-analysis. *PLoS Med.*, 18 (5): e1003602. <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1003602>
- Kagan A. V., Plotnikova E. V., Gorelik Ju. V., Andrushhenko N. V., Simahodskij A. V., Sevost'janova L. D. (2020). Methodological and practical principles for the formation of a multi-level rehabilitation system for children 0–4 years old. *Profilakticheskaja i klinicheskaja meditsina*, 4 (77): 60–67. (In Russian)
- Kiselev S. Ju., L'vova O. A., Gliga T., Bakushkina N. I., Sulejmanova E. V., Grishina K. I., Baranov D. A., Ksenofontova O. L., Martirosjan S. V. (2016). Assessment of neurocognitive functions in premature infants in the first year of life using the Bayley scale. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova*, 116, 4 (2): 62–67. (In Russian)

- Kolesnikova M. A., Solodunova M. Ju., Zhukova M. A., Anikina V. O. (2017). Cognitive development of young children in institutions with different social environments. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Pedagogics*, 7, 4: 365–381. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2017.405> (In Russian).
- Kozlovskaja G. V., Kalinina M. A., Gorjunova A. V. (2012). *Determination of deviations in the mental development of young children: Psychodiagnostic test "Gnom"*. Moscow, Moscow State Industrial University Press. (In Russian)
- Kustova T. V., Taranushenko T. E., Dem'janova I. M. (2018). Assessing the psychomotor development of a young child: what a pediatrician should know. *Meditsinskii sovet*, 11: 104–109. <https://doi.org/10.21518/2079-701X-2018-11-104-109> (In Russian)
- Lancaster G. A., McCray G., Kariger P., Dua T., Titman A., Chandna J., McCoy D., Abubakar A., Hamadani J. D., Fink G., Tofail F., Gladstone M., Janus M. (2018). Creation of the WHO Indicators of Infant and Young Child Development (IYCD): metadata synthesis across 10 countries. *BMJ Glob. Health*, 3 (5): e000747. <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2018-000747>
- Madaschi V., Macedo E. C., Mecca T. P., Paula C. S. (2016). Bayley-III scales of infant and toddler development: transcultural adaptation and psychometric properties. *Paidéia (Ribeirão Preto)*, 26: 189–197.
- Makarov I. V., Pashkovskij V. Je., Fesenko Ju. A., Semjonova N. V. (2019). The state of incidence of mental disorders in children and adolescents in the Northwestern Federal District. *Rossiiskii psikiatricheskii zhurnal*, 6: 16–24. <https://doi.org/10.24411/1560-957X-2019-11950> (In Russian)
- Månsson J., Källén K., Eklöf E., Serenius F., Ådén U., Stjernqvist K. (2021). The ability of Bayley-III scores to predict later intelligence in children born extremely preterm. *Acta Paediatr.*, 110 (11): 3030–3039. <https://doi.org/10.1111/apa.16037>
- McManus B. M., Blanchard Yv., Murphy N. J., Nugent J. K. (2020). The effects of the Newborn Behavioral Observations (NBO) system in early intervention: A multisite randomized controlled trial. *Infant Ment. Health J.*, 41 (6): 757–769. <https://doi.org/10.1002/imhj.21882>
- Montgomery C., Setänen S., Kaul Yl. F., Farooqi A., Broström L., Aden U., Källén K., Serenius F. (2023). Predictive value of Bayley-III Motor Index for later motor difficulties in children born extremely preterm. *Acta Paediatr.*, 112 (4): 742–752. <https://doi.org/10.1111/apa.16694>
- Naz S., Hoodbhoy Z., Jaffar A., Kaleem S., Hasan B. S., Chowdhury D., Gladstone M. (2023). Neurodevelopment assessment of small for gestational age children in a community-based cohort from Pakistan. *Arch. Dis. Child.*, 108 (4): 258–263. <https://doi.org/10.1136/archdischild-2022-324630>
- Newborg J. (2005). *Battelle developmental inventory*, 2nd ed. Itaca, Riverside.
- O'Hara L., Smith E. R., Barlow J., Livingstone N., Herath N. I., Wei Yi., Spreckelsen T. F., Macdonald G. (2019). Video feedback for parental sensitivity and attachment security in children under five years. *Cochrane Database Syst. Rev.*, 11 (11): CD012348. <https://doi.org/10.1002/14651858>
- Pal'chik A. B., Ponjatishin A. E., Fedorova L. A. (2021). *Neurology of premature infants*. Moscow, MEDpress-inform Publ. (In Russian)
- Pavlova P. A., Bakushkina N. I., Sulejmanova E. V., Pavlova N. V., Lavrova M. A., Tuktareva I. V., Chegodaev D. A., Lvova O. A., Maksimov D. M. (2020). Approbation of the "Bayley Scales of Infant and Toddler Development — Third Edition". *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal*, 17 (4): 49–64. <https://doi.org/10.21702/rpj.2020.4.4> (In Russian)
- Perrin E. C., Sheldrick Ch., Visco Z., Mattern K. (2016). *Survey of Well-being of Young Children (SWYC). User's Manual*. Boston, Tufts Medical Center.
- Petermann F., Macha Th. (2015). *Entwicklungstest für Kinder von 6 Monaten bis 6 Jahren*. Boston, Hogrefe.
- Pribytkova O. L., Maljarchuk N. N., Oteva N. I. (2020). Development of young children: diagnostic features in Russia and abroad. *Uspekhi gumanitarnykh nauk*, 5: 122–127. (In Russian)
- Raspa M., Levis D. M., Kish-Doto J., Wallace I., Rice C., Barger B., Green K. K., Wolf R. B. (2015). Examining parents' experiences and information needs regarding early identification of developmental delays: Qualitative research to inform a public health campaign. *J. Dev. Behav. Pediatr.*, 36 (8): 575–585. <https://doi.org/10.1097/DBP.0000000000000205>
- Roid G. H., Miller L. J. (1997). *Leiter international performance scale — revised: Examiner's manual*. Wood Dale, Stoelting.
- Sánchez-Vincitore L., Schaettle P., Castro A. (2019). Validation of the Malawi Developmental Assessment Tool for children in the Dominican Republic: Preliminary results. *PLoS One*, 15, 14 (8): e0221162. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0221162>

- Schonhaut L., Armijo I., Schönstedt M., Alvarez J., Cordero M. (2013). Validity of the ages and stages questionnaires in term and preterm infants. *Pediatrics*, 131 (5): e1468-e1474. <https://doi.org/10.1542/peds.2012-3313>
- Schonhaut L., Maturana A., Cepeda O., Serón P. (2021). Predictive validity of developmental screening questionnaires for identifying children with later cognitive or educational difficulties: A systematic review. *Front. Pediatr.*, 24, 9: 698549. <https://doi.org/10.3389/fped.2021.698549>
- Sheel H., Suárez L., Marsh N. V. (2023). Parents' evaluation of developmental status and strength and difficulties questionnaire as screening measures for children in India: A scoping review. *Pediatr. Rep.*, 24, 15 (1): 175–196. <https://doi.org/10.3390/pediatric15010014>
- Sheldrick R. C., Schlichting L. E., Berger B., Clyne A., Ni P., Perrin E. C., Vivier P. M. (2019). Establishing new norms for developmental milestones. *Pediatrics*, 144 (6): e20190374. <https://doi.org/10.1542/peds.2019-0374>
- Sheldrick R. C., Marakovitz S., Garfinkel D., Carter A. S., Perrin E. C. (2020). Comparative accuracy of developmental screening questionnaires. *JAMA Pediatr.*, 174 (4): 366–374. <https://doi.org/10.1001/jamapediatrics.2019.6000>
- Singh A., Yeh C. J., Boone Blanchard S. (2017). Ages and Stages Questionnaire: a global screening scale. *Bol. Méd. Hosp. Infant Méx.*, 74 (1): 5–12. <https://doi.org/10.1016/j.bmhmx.2016.07.008>
- Swineford L. B., Guthrie W., Thurm A. (2015). Convergent and divergent validity of the Mullen Scales of Early Learning in young children with and without autism spectrum disorder. *Psychol. Assess.*, 27 (4): 1364–1378. <https://doi.org/10.1037/pas0000116>
- Tokarskaja L. V., Lavrova M. A. (2018). Early parent — child interaction assessment techniques. *Kul'turno-istoricheskaja psikhologija*, 14 (2): 86–92. <https://doi.org/10.17759/chp.2018140209> (In Russian)
- Trushkina S. V. (2021). Psychological diagnostics of early children: directions, purposes, methods. In: N. V. Zvereva, I. F. Roshchina (eds). *Sovremennye napravleniya diagnostiki v klinicheskoi (meditsinskoi) psikhologii* (pp. 221–240). Moscow, Sam Poligrafist Publ. (In Russian)
- Valitova I. E. (2018). Representation about early child development in everyday consciousness [Conference presentation abstract]. In: *Psikhologicheskie problemy sovremennoi sem'i* (pp. 152–159). Ekaterinburg, [s. n.]. (In Russian)
- Visser L., Ruiter S. A. J., van der Meulen B. F., Ruijsenaars W. A. J. J. M., Timmerman M. E. (2012). A review of standardized developmental assessment instruments for young children and their applicability for children with special needs. *Journal of Cognitive Education and Psychology*, 11 (2): 102–127. <https://doi.org/10.1891/1945-8959.11.2.102>
- Wong H. S., Cowan F. M., Modi N. (2018). Medicines for neonates investigator group. Validity of neurodevelopmental outcomes of children born very preterm assessed during routine clinical follow-up in England. *Arch. Dis. Child Fetal Neonatal Ed.*, 103 (5): F479–F484. <https://doi.org/10.1136/archdis-child-2016-312535>
- Woolfenden S., Eapen V., Williams K., Hayen A., Spencer N., Kemp L. (2014). A systematic review of the prevalence of parental concerns measured by the Parents' Evaluation of Developmental Status (PEDS) indicating developmental risk. *BMC Pediatr.*, 14: 231. <https://doi.org/10.1186/1471-2431-14-231>
- Zhukova M. A., Ovchinnikova I. V., Grigorenko E. L. (2018). Analysis of the psychometric characteristics of the Mullen Scale of Early Learning method on a Russian-speaking sample. *Voprosy psikhologii*, 5, 145–156. (In Russian)

Received: July 27, 2024
Accepted: February 27, 2025

Author's information:

Natalia V. Andrushchenko — PhD in Medicine, Associate Professor;
<https://orcid.org/0000-0003-1301-1668>, natvladandr@gmail.com

Разработка и психометрическое обоснование методики диагностики симптомов РАС у детей 5–7 лет*

А. Д. Наследов^а, Л. О. Ткачева, С. А. Мирошников,
Е. О. Пахомова, О. В. Защиринская

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Наследов А. Д., Ткачева Л. О., Мирошников С. А., Пахомова Е. О., Защиринская О. В. Разработка и психометрическое обоснование методики диагностики симптомов РАС у детей 5–7 лет // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 2. С. 218–239. EDN DOMSGZ

Исследования факторной структуры симптомов аутизма в детском возрасте представляют особый исследовательский интерес, поскольку позволяют нам выявить возрастную динамику изменения симптомов, а также разработать наилучшие методы диагностики и коррекции. Ранее, на выборке из 374 детей 5–6 лет с расстройствами аутистического спектра (РАС) мы выявили 8-факторную структуру 75 симптомов РАС, включающую в себя следующие факторы: 1) нарушения эмпатии; 2) нарушения понимания речи; 3) эмоциональные нарушения; 4) настойчивость на одинаковости; 5) гиперактивность/расторможенность; 6) сенсорная дезинтеграция; 7) нарушения моторики; и 8) эхолалия. В рамках данного исследования было обследовано 255 детей 7 лет (157 с расстройствами аутистического спектра, 50 — с задержкой психического развития, 48 — нормативно развивающиеся). С использованием мультигруппового конфирматорного факторного анализа была подтверждена эквивалентность этой 8-факторной структуры для выборки 157 детей 7 лет с расстройствами аутистического спектра. Подтверждена дискриминантная валидность факторов по их средней извлеченной дисперсии и по соотношению корреляций между факторами и между пунктами для каждого фактора. Каждый фактор образует достаточно надежную шкалу по внутренней согласованности входящих в него пунктов. При помощи дискриминантного анализа было показано, что три модели, включающие эти восемь факторов как предикторы, построенные на каждой из «обучающих выборок» детей 5, 6 и 7 лет, с точностью от 88,2 до 92 % разделяют детей других возрастов («тестовых выборок») на группы РАС и не-РАС. Разработана дискриминантная 8-факторная модель шкалы симптомов аутизма, обладающая точностью 91,2 % отделения группы детей с РАС от остальных детей, с чувствительностью 92,7 % (точность отнесения к группе РАС) и специфичностью 87,7 % (точность отнесения к группе не-РАС). Разработаны тестовые нормы для этой шкалы, позволяющие быстро оценить вероятность риска расстройств аутистического спектра у детей 5–7 лет. В случае выявления высокого риска восемь шкал этой методики позволяют оценить, какие группы симптомов наиболее выражены.

Ключевые слова: психодиагностика, расстройства аутистического спектра, психометрическое обоснование, расстройства развития, детское развитие, маркеры аутизма, факторная структура аутизма.

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00155 «Исследование прогностических индикаторов расстройств аутистического спектра у детей дошкольного возраста»; <https://www.rscf.ru/project/23-18-00155/>.

^а Автор для корреспонденции.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

Введение

Расстройство аутистического спектра (РАС) — это расстройство психического развития, характеризующееся социальными, коммуникативными, поведенческими и эмоциональными нарушениями, которые обычно проявляются в раннем детстве (Tanner, Dounavi, 2021). Несмотря на то что проблема аутизма интенсивно изучалась в последние десятилетия, своевременная дифференциальная диагностика РАС по-прежнему является сложной задачей из-за большой гетерогенности этого заболевания. Так, известно, что в клинической картине РАС на уровне анатомии мозга и его функциональных сетей (Guo et al., 2022), поведенческих особенностей и когнитивных способностей (Rosello et al., 2018), сенсорных профилей, а также в траекториях развития детей с РАС (Fountain et al., 2023) присутствует разнообразие. Кроме того, отсутствуют четкие биологические маркеры аутизма, поскольку клинические фенотипы РАС пересекаются, особенно в раннем детском возрасте, со многими другими заболеваниями, среди которых наиболее распространенными являются СДВГ (синдром дефицита внимания и гиперактивности) и ЗПР (задержка психического развития). Между тем совершенствование выявления симптомов РАС в детском возрасте является приоритетной задачей исследователей аутизма, поскольку точная идентификация позволяет провести своевременное вмешательство, что, в свою очередь, способствует раскрытию потенциала ребенка и достижению оптимальных результатов.

Исторически в рамках развития исследований в этой области сложилось два методологических подхода — клинический и психометрический. Клинический подход позволяет понять этиологию и патогенез аутизма. Широко известными представителями данного подхода являются отечественные ученые, такие как С.С. Мнухин (Мнухин и др., 1967; Мнухин, Исаев, 1969), К.С. Лебединская (Лебединская, 1979; Лебединская, Никольская, 1991), Ж.М. Глозман (Глозман, 2009; Глозман, 2012), и многие другие авторы. Психометрический подход характерен для большинства зарубежных методик и фокусируется на разработке быстрых и точных скрининговых инструментов для идентификации детей группы риска по РАС. Подобная идентификация не позволяет поставить точный диагноз, однако в значительной степени экономит усилия специалистов, поскольку показывает необходимость их вмешательства. Чтобы разработать скрининг, нужно провести исследование на выборке значительной численности и применить факторно-аналитический подход. Именно поэтому в последнее время исследования в этой области были сосредоточены на разработке и идентификации факторных моделей симптомов аутизма на выборках детей разного возраста. Подобный интерес продиктован, с одной стороны, высокой распространенностью этого заболевания, с другой стороны, возможностью отследить возрастную динамику симптомов РАС, что, в свою очередь, позволяет разрабатывать более точные диагностические инструменты и выбирать оптимальные стратегии вмешательства. Большинство существующих факторных моделей аутизма согласуются с классической триадой основных аутистических симптомов, таких как нарушения социальной коммуникации, наличие ограниченных интересов и повторяющегося поведения, изложенных в Диагностическом и статистическом руководстве по психическим расстройствам пятого издания (DSM-V) (American Psychiatric Association, 2013). При этом необходимо

отметить, что большая часть факторных моделей аутизма основана на уже разработанных скринингах, шкалах или опросниках, см., например: (Zain et al., 2023; Chee et al., 2024), что заранее предопределяет и ограничивает структуру полученной модели. Другим слабым местом таких моделей является высокий разброс измерений в разных культурах. Было показано, что значимые межкультурные сравнения требуют неизменности измерений (Boer et al., 2018). В соответствии с этим запросом реальные межкультурные различия в факторной структуре симптомов РАС могут быть выявлены только в том случае, если показатель оценивает одну и ту же характеристику в обеих культурах, что трудно выполнить, когда диагностический инструмент был валидизирован и адаптирован к другой культуре.

Наше предыдущее исследование было посвящено выявлению факторной структуры симптомов РАС у детей 5–6 лет. В 2023 г. мы обследовали 504 ребенка этого возраста: 374 — с РАС, 78 — типично развивающихся и 52 — с ЗПР. Для обследования была использована обширная онлайн-анкета, разработанная нами для выявления 330 возможных симптомов аутизма. На этапе выявления факторной структуры симптомов аутизма использовались данные 374 детей с РАС. Основным результатом стало выявление 8-факторной структуры симптомов РАС, эквивалентность которой была подтверждена с использованием межгруппового конфирматорного факторного анализа для детей, различающихся по возрасту (5 и 6 лет) и по полу (Nasledov et al., 2024). Итоговая структура состояла из 75 пунктов, описывающих симптомы РАС, и включала в себя следующие факторы (в порядке уменьшения доли объясняемой дисперсии)¹:

- 1) «Нарушения эмпатии» (Emp);
- 2) «Нарушения понимания речи» (SU);
- 3) «Эмоциональные нарушения» (Em);
- 4) «Настойчивость на одинаковости» (PS);
- 5) «Гиперактивность/Расторможенность» (Hyp);
- 6) «Сенсорная дезинтеграция» (SD);
- 7) «Нарушения моторики» (Mot);
- 8) «Эхолалия» (Ech).

Факторы SU и Em были инвертированы — при их интерпретации и в вычислениях учитывался обратный полюс пунктов.

Целями настоящего исследования стала проверка эквивалентности выявленной 8-факторной структуры для выборки детей 7 лет и разработка методики диагностики симптомов РАС у детей 5–7 лет.

Метод

Процедура диагностики и выборка. В 2024 г. нами было обследовано 255 детей (157 с РАС, 50 — с ЗПР, 48 — нормативно развивающиеся), с использованием той же онлайн-анкеты, включающей 330 пунктов, которая использовалась нами ранее для обследования 5–6-летних детей (Nasledov et al., 2024)².

¹ Состав факторов приведен на сайте: URL: https://info23rnf.testpsy.net/Pril_5_7.htm (дата обращения: 15.02.2025).

² С анкетой можно ознакомиться по ссылке: URL: <http://lndspb.ru/go/0gW8-Gav6-fjGKJN> (дата обращения: 15.02.2025).

Таблица 1. Состав объединенной выборки детей 5–7 лет

Возраст (лет)			Группа			Всего
			РАС	норма	ЗПР	
5	Пол	м	126	20	18	164
		ж	53	13	2	68
	Всего		179	33	20	232
6	Пол	м	142	24	22	188
		ж	50	21	10	81
	Всего		192	45	32	269
7	Пол	м	111	27	26	164
		ж	46	21	24	91
	Всего		157	48	50	255
Всего	Пол	м	379	71	66	516
		ж	149	55	36	240
	Всего		528	126	102	756

Сбор данных проводился 28 специалистами (психологами и дефектологами) консультационных центров, специализированных и массовых дошкольных учреждений, работающих с детьми на регулярной основе (в режиме консультирования). Отнесение в группу РАС, нормы и ЗПР определялось указанными специалистами, непосредственно работающими с детьми, на основе их заключения по результатам работы с ребенком либо на основе ранее полученного заключения других специалистов (например, предъявляемого при поступлении ребенка в ДОУ). Таким образом, данные собирались по детям, уже отнесенным специалистами к группам РАС, нормы или ЗПР до начала исследования.

Разрешение этического комитета для проведения этого исследования не требовалось, поскольку сбор данных шел в рамках плановой работы специалистов с детьми, регламентированной информированными согласиями, подписанными родителями при составлении договора с учреждениями.

Данные для 255 детей 7 лет были объединены с данными обследования 2023 г. 504 детей 5–6 лет. Состав объединенной выборки по возрасту, полу и диагнозу приведен в табл. 1.

Анализ данных. Проверка адекватности 8-факторной структуры для объединенной выборки 5–7-летних детей с РАС производилась с применением конфирматорного факторного анализа. Результаты оценивались с использованием следующих индексов. Сравнительный индекс соответствия (CFI), индекс Такера — Льюиса (TLI), среднеквадратическая ошибка аппроксимации (RMSEA) и ее точность (Pclose). Отношение $\chi^2/df < 2$ считалось приемлемым. Значения CFI и TLI от 0,90 до 0,92 были сочтены адекватными, более 0,95 — отличными. Значения RMSEA не более 0,06 считались адекватными, значения Pclose более 0,1 оценивались как

приемлемое согласие, а около 0,4 и выше — как отличное соответствие (Byrne, 2010; Kline, 2011).

Как было обнаружено ранее, восемь факторов в значительной степени коррелируют, что может вызывать сомнения в их дискриминантной валидности: действительно ли они соответствуют восьми разным конструктам. Для проверки дискриминантной валидности применялись два критерия: традиционный Форнела — Ларкера (Fornell, Larcker, 1981) и более современный «соотношения корреляций гетерочерты и моночерты» (The heterotrait-monotrait ratio of correlations, HTMT) (Henseler et al., 2015). Критерий Форнела — Ларкера сводится к соотносению средней выявленной дисперсии фактора (Average Variance Extracted, AVE) с квадратами корреляции этого фактора с остальными факторами: его дискриминантная валидность подтверждается, если его AVE превышает любой квадрат его корреляции с остальными факторами. Второй критерий HTMT сводится к соотносению корреляций между конструктами (факторами) с корреляциями пунктов внутри фактора: дискриминантная валидность фактора подтверждается, если это соотношение не превышает 0,85–0,90.

Для проверки эквивалентности 8-факторной структуры в отношении разных частей выборки, как и ранее, применялся мультигрупповой конфирматорный факторный анализ (МКФА) 24 пакетов пунктов (по 3 пакета на фактор, по 2–4 пункта в пакете, со случайным распределением пунктов по пакетам внутри каждого из 8 факторов) (Nasledov et al., 2024). МКФА проводился по той же схеме, что и ранее (Nasledov et al., 2024), с использованием тех же критериев принятия решений. В случае эквивалентности 8-факторной модели для выборок детей 5–6 и 7 лет представляются корректными психометрическое обоснование 8-шкальной методики диагностики симптомов аутизма и разработка соответствующих тестовых норм для детей 5–7 лет.

Следующий шаг — проверка надежности шкал, соответствующих факторам, по внутренней согласованности входящих в них пунктов. В качестве показателя такой надежности применялся критерий «Наибольшей нижней границы» (Greatest Lower Bound, GLB), предложенный и обоснованный Л. Ли и П. Бентлером (Ли, Бентлер, 2011).

Далее значения факторов вычислялись как средние значения входящих в них пунктов, таким образом значение фактора представляло собой долю утвердительных ответов на пункты, входящие в фактор.

Для оценки прогностической ценности разрабатываемой методики применялся дискриминантный анализ: вычислялись показатели точности разделения выборки на детей с РАС и без РАС при помощи дискриминантной функции, аргументами которой выступали 8 вычисленных факторов симптомов РАС. В целях перекрестной валидации дискриминантный анализ проводился трижды, по выборкам детей 5, 6 и 7 лет. Каждый раз дискриминантная функция строилась по выборке детей соответствующего возраста и определялась ее точность в отношении остальных детей, не включенных в ее построение.

Для разработки общей шкалы выраженности симптомов РАС использовались значения дискриминантной функции, построенной для разделения всей выборки детей 5–7 лет на детей с РАС и без РАС (норма и ЗПР). Значения дискриминантной функции выступали в качестве так называемых сырых баллов. Для построения

тестовых норм использовалась 10-балльная шкала стенов, с процентильными границами сырых баллов, обеспечивающими строгое соответствие распределения 10-балльной шкалы нормальному распределению для выборки детей с РАС. Распределения 8 частных шкал симптомов РАС отличаются от нормального и имеют слишком узкий диапазон для процентильной нормализации. Поэтому для интерпретации симптомов РАС по каждой из 8 шкал использовались границы квартилей.

Весь анализ производился при помощи программы JASP 0.18.3.

Результаты

Конфирматорный факторный анализ 8-факторной структуры для всей выборки детей с РАС. В соответствии с индексами модификации в модель были добавлены 14 ковариаций между факторами и 2 ковариации между ошибками. Индексы согласия подтверждают хорошее соответствие 8-факторной итоговой модели исходным данным: $\chi^2 = 459,002$; $df = 236$ ($\chi^2/df < 2$); CFI = 0,959, TLI = 0,953, RMSEA = 0,042, $P_{close} = 0,988$.

Проверка эквивалентности модели для детей 5–6 и 7 лет. Результаты проверки представлены в табл. 2.

Модель без ограничений (Unconstrained) достаточно хорошо соответствует исходным данным по всем приведенным показателям: $\chi^2/df < 2$; CFI > 0,90 и TLI > 0,90; RMSEA < 0,06. Если для предшествующего и последующего уровня ограничений снижение CFI и TLI и повышение RMSEA не превышает 0,01, эквивалентность на этом, последующем уровне подтверждается. Исходя из этих соображений, эквивалентность моделей для выборок 5–6- и 7-летних детей безусловно подтверждается для всех уровней ограничения:

- уровень измерений явных переменных (Measurement weights);
- уровень ковариаций между факторами (Structural covariances);
- строгая инвариантность: равенство остатков явных переменных (Measurement residuals).

Таким образом, подтверждена высокая конфигурационная, метрическая, скалярная и строгая инвариантность измерительной модели для групп 5–6- и 7-летних детей с РАС.

Проверка дискриминантной валидности факторов. В табл. 3 приведены значения средней извлеченной дисперсии для факторов (AVE) и соотношения корреляций между факторами и между пунктами для каждого фактора (HTMT).

Таблица 2. Индексы согласия модели для детей 5–6 и 7 лет

Модель (уровни ограничений)	χ^2	df	CFI	TLI	RMSEA
Unconstrained	809,616	446	0,925	0,908	0,055
Measurement weights	828,549	462	0,925	0,910	0,055
Structural covariances	881,485	478	0,917	0,905	0,056
Measurement residuals	894,059	588	0,912	0,903	0,057

Таблица 3. Коэффициенты надежности (GLB), средняя извлеченная дисперсия факторов (AVE) и соотношение их гетеро- и моночерт (HTMT)

Factor	GLB	AVE	HTMT							
			Emp	SU	Em	PS	Нур	SD	Mot	Ech
Emp	0,897	0,708	1							
SU	0,912	0,742	0,211	1						
Em	0,949	0,774	0,174	0,073	1					
PS	0,878	0,602	0,296	0,117	0,14	1				
Нур	0,845	0,548	0,332	0,122	0,054	0,223	1			
SD	0,725	0,400	0,086	0,055	0,046	0,253	0,3	1		
Mot	0,783	0,529	0,199	0,075	0,068	0,065	0,25	0,209	1	
Ech	0,772	0,485	0,137	0,174	0,019	0,236	0,031	0,099	0,069	1

Максимальное абсолютное значение корреляции между факторами (Нур и SD) составляет 0,350, соответственно квадрат корреляции 0,1225 значительно меньше минимального значения AVE (0,4), по критерию Форнела — Ларкера дискриминантная валидность факторов подтверждается. Также подтверждается дискриминантная валидность факторов по критерию HTMT: их значения значительно меньше 0,85.

Надежность 8 шкал по внутренней согласованности входящих в них пунктов вычислялась по критерию «Наибольшей нижней границы» (GLB), результаты приведены в табл. 3. Надежность шкал находится в диапазоне от приемлемой (более 0,7) до высокой (более 0,9).

Проверка прогностической точности шкал. Применялся дискриминантный анализ: группирующая переменная — группа (1 — РАС, 2 — не-РАС), предикторы — значения восьми шкал. Анализ проводился три раза:

1. «Обучающая выборка» — дети 5 лет, «тестовая выборка» — дети 6–7 лет;
2. «Обучающая выборка» — дети 6 лет, «тестовая выборка» — дети 5 и 7 лет;
3. «Обучающая выборка» — дети 7 лет, «тестовая выборка» — дети 5–6 лет.

Результаты классификаций приведены в табл. 4.

Точность классификаций для «обучающих выборок» 91,1–94,1 %, точность классификаций для «тестовых выборок» незначительно ниже — от 88,2 до 91,0 %. Чувствительность для обучающих выборок 92,7–94,5 %, для тестовых выборок 87,1–92 %, специфичность для обучающих выборок 80,8–90,3 %. Таким образом, значения дискриминантной функции с восемью шкалами в качестве ее аргументов обеспечат достаточно высокую точность отнесения ребенка к группе РАС или не-РАС.

Дискриминантный анализ и дискриминантная функция для детей 5–7 лет. К набору из восьми предикторов (шкал) был добавлен возраст в годах, так как его включение статистически значимо улучшало различение классов (p для F-удаления = 0,012). Кроме того, включение возраста в качестве предиктора нивелирует его влияние на предсказание принадлежности ребенка к группе РАС/не-РАС по выраженности симптомов расстройств. Результаты классификации приведены в табл. 5.

Таблица 4. Результаты классификаций для обучающих и тестовых выборок

Выборки	Группа	Предсказанная принадлежность к группе	
		РАС	не-РАС
Обучающая выборка 5 лет (%)	РАС	94,5	5,5
	Не-РАС	15,1	84,9
Тестовая выборка 6–7 лет (%)	РАС	87,1	12,9
	Не-РАС	9,7	90,3
92,3 % обучающих и 88,2 % тестовых наблюдений классифицированы правильно			
Обучающая выборка 6 лет (%)	РАС	92,7	7,3
	Не-РАС	13	87
Тестовая выборка 5 и 7 лет (%)	РАС	91,7	8,3
	Не-РАС	10,6	89,4
91,1 % обучающих и 91,0 % тестовых наблюдений классифицированы правильно			
Обучающая выборка 7 лет (%)	РАС	93	7
	Не-РАС	4,1	95,9
Тестовая выборка 5–6 лет (%)	РАС	92	8
	Не-РАС	19,2	80,8
94,1 % обучающих и 89,1 % тестовых наблюдений классифицированы правильно			

Таблица 5. Результаты классификации всех детей в возрасте 5–7 лет

Исходная принадлежность к группе		Группа	Предсказанная принадлежность к группе		Всего
			РАС	не-РАС	
Выбранные наблюдения	Кол-во	РАС	492	39	531
		Не-РАС	28	200	228
	%	РАС	92,7	7,3	100
		Не-РАС	12,3	87,7	100

Примечание: 91,2 % исходных сгруппированных наблюдений классифицированы правильно.

При общей точности классификации 91,2 % чувствительность (точность отнесения к группе РАС) дискриминантной модели составляет 92,7 %, специфичность (точность отнесения к группе не-РАС) составляет 87,7 %.

Коэффициенты дискриминантной функции приведены в табл. 6. На положительном полюсе дискриминантной функции — дети с РАС, на отрицательном — дети без РАС. Абсолютные значения стандартизованных коэффициентов пропорциональны относительному вкладу предикторов в различение классов: наибольший вклад вносят «Эмоциональные нарушения» (Em), наименьший — «Моторные нарушения» (Mot). Структурные коэффициенты — это корреляции предикторов со значениями

Таблица 6. Коэффициенты дискриминантной функции

Предиктор	Стандартизованные	Структурные	Не стандартизованные
Возраст (лет)	–0,122	–0,215	–0,162
SU	0,211	0,392	0,673
Em	0,673	0,81	2,838
Emp	0,335	0,337	1,082
PS	0,104	0,403	0,458
Нур	–0,258	0,195	–1,047
SD	0,309	0,551	1,442
Ech	0,235	0,38	1,111
Mot	–0,094	0,192	–0,318
Константа	–	–	–1,975

дискриминантной функции: все восемь шкал положительно коррелируют со значениями дискриминантной функции, возраст — отрицательно. Не стандартизованные коэффициенты — это коэффициенты линейного уравнения, позволяющие вычислить значения дискриминантной функции по значениям предикторов.

Разработка тестовых норм шкалы симптомов аутизма для детей 5–7 лет. Выборкой стандартизации выступали данные 531 ребенка с РАС в возрасте 5–7 лет. Сырыми баллами являлись дискриминантные оценки, вычисленные по уравнению дискриминантной функции, коэффициенты которой приведены в табл. 6 (не стандартизованные). В качестве стандартной шкалы выбрана шкала стенов с процентильными границами, обеспечивающими строгое соответствие итогового распределения в этой шкале нормальному распределению. Тестовые нормы представлены в табл. 7.

Таблица 7. Тестовые нормы Шкалы симптомов аутизма для детей 5–7 лет

Процентиль	Д. о. (в. г.)*	Стен	Вероятность РАС
2,28	–1,27942	1	0,0122
6,68	–0,50680	2	0,2269
15,87	0,5774	3	0,6933
30,85	0,67732	4	0,9274
50	1,02540	5	0,9751
69,15	1,38950	6	0,9897
84,13	1,85327	7	0,9968
93,32	2,23880	8	0,9990
97,72	2,58315	9	0,9996
100	> 2,5831470	10	0,9999

Примечание: * дискриминантная оценка (верхняя граница).

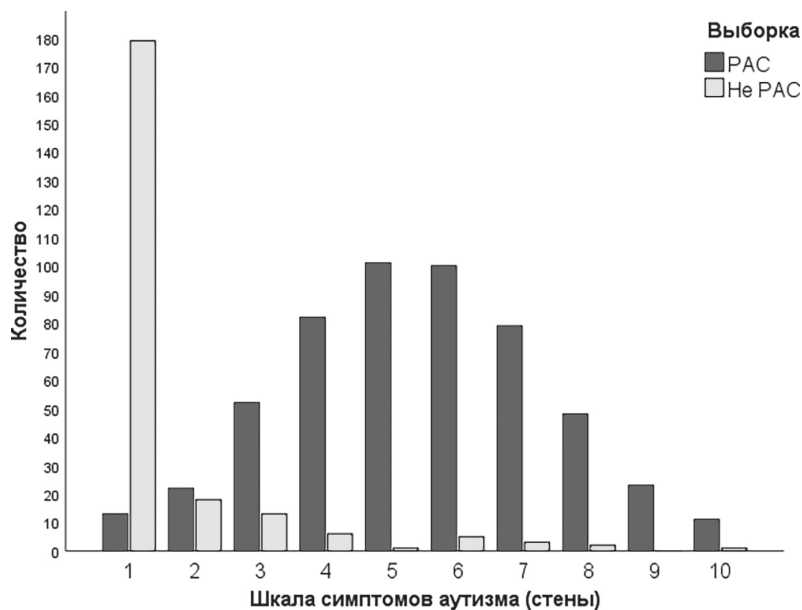

Рис. Распределения частот по Шкале симптомов аутизма для детей 5–7 лет с РАС и без РАС

Для каждого ребенка была вычислена вероятность принадлежности к группе РАС. В столбце «Вероятность РАС» представлены средние значения этой вероятности для каждого стена.

На рисунке представлены распределения частот шкалы стенов для выборок детей с РАС и без РАС.

В табл. 8 приведены квартильные точки для восьми шкал, рассчитанные для выборки детей с РАС, позволяющие интерпретировать выраженность каждой группы симптомов:

$P \leq 25$ — низкая

$25 < P \leq 50$ — ниже средней

$50 < P < 75$ — выше средней

$P \geq 75$ — высокая.

При этом под «средней» выраженностью подразумевается медиана выраженности симптоматики для детей с РАС.

Таблица 8. Квартильные точки для 8 шкал (выборка детей с РАС)

Р*	Emp	PS	Нур	SD	Ech	Mot	SU	Em
25	0,300	0,091	0,100	0,200	0,000	0,143	0,111	0,778
50	0,500	0,273	0,200	0,400	0,222	0,429	0,444	0,889
75	0,900	0,545	0,500	0,600	0,444	0,714	0,778	1,000

Примечание: * проценти.

Выраженность симптомов целесообразно интерпретировать в отношении тех детей, для которых высока вероятность РАС по Шкале симптомов аутизма, то есть начиная со стана более 2.

Обсуждение

Одним из основных результатов данного исследования является обоснование того, что 8-факторная модель симптомов аутизма, полученная на выборке детей 5–6 лет, эквивалентна и для детей 7 лет. Это позволило объединить выборки детей, и разработать 8-шкальную методику диагностики симптомов аутизма для детей 5–7 лет, психометрически обосновать ее и обеспечить нормами, позволяющими корректно интерпретировать результаты диагностики. Ниже перечислены шкалы методики в порядке уменьшения квадратов суммы факторных нагрузок в исходной 8-факторной модели: Эмпатия (Emp), Понимание речи (SU), Эмоции (Em), Стремление к одинаковости (PS), Гиперактивность/Расторможенность (Hyp), Сенсорная дезинтеграция (SD), Двигательные расстройства (Mot), Эхолалия (Ech). Сначала мы разберем названия шкал/факторов, а затем обсудим, как они влияют на клиническую картину и поведенческие проявления РАС в соответствии с текущим состоянием науки.

Шкала «Эмпатия» (Emp) была названа так потому, что включает в себя 10 пунктов, связанных с ситуациями понимания и прогнозирования поведения других людей на основе интерпретации их эмоций и чувств. Заслуживает внимания, что этот фактор не относится к классической триаде аутистических симптомов. Ранее было показано, что аутизм и алекситимия, которая понимается как неспособность идентифицировать и выражать собственные чувства, часто совпадают в популяции аутистов (Bird, Cook, 2013). Было показано, что аутичные дети испытывают трудности с распознаванием чужих эмоциональных сигналов и поддержанием совместного внимания, которые являются необходимыми ключами к социальному познанию (Mundy, 2018). Высказывается предположение, что в процессе социализации аутичные дети постепенно овладевают эмпатией, а успех в обучении определяется многими биологическими и социальными факторами (Wang et al., 2022). Сравнительные исследования, в которых изучаются аутичные дети и их типично развивающиеся сверстники, показывают, что у детей и подростков с РАС снижено внимание к эмоциональным реакциям других, более низкий уровень эмоционального заражения и менее выраженное эмоциональное возбуждение (Li et al., 2023). Таким образом, полученные результаты согласуются с литературными данными, и отсутствие эмпатии, предположительно, можно рассматривать как ключевой симптом аутизма у детей 5–7 лет. Стоит отметить, что в соответствии с нашими ранее полученными данными у детей 3–4 лет этот симптом отсутствовал (Наследов и др., 2023; Nasledov et al., 2023). Это может иллюстрировать возрастную динамику симптомов аутизма, а также может быть показателем улучшения эмоционального интеллекта с возрастом.

Следующая шкала «Понимание речи» (SU) состоит из девяти пунктов, связанных с выполнением простых действий в соответствии со словесными инструкциями взрослого. Хорошо известно, что языковые навыки у аутичных людей сильно различаются, и этот спектр простирается от изысканного использования речи

и лингвистической креативности до их полного отсутствия. В то же время в раннем возрасте у многих детей-аутистов диагностируются языковые нарушения из-за поведенческих и нейрофизиологических аномалий, связанных с речью при аутизме. Значительная часть населения, страдающего аутизмом, в раннем детстве обладает предлингвистическим или минимально вербальным развитием (Liu et al., 2024), но даже у дошкольников с высоким уровнем вербальности наблюдается более высокий уровень задержки речи с ее аномальными компонентами (Foldager et al., 2023). Задержки в экспрессивной речи также являются типичными показателями РАС, которые со временем имеют тенденцию к распространению в виде задержек и нарушений в других когнитивных и поведенческих доменах (Elsabbagh, 2020). Кроме того, у некоторых детей наблюдается регресс речи, который часто, но не обязательно связан с менее благоприятными результатами развития по сравнению с детьми без регрессии. Неудивительно, что SU был нашим вторым фактором, поскольку считается, что развитие речи и языковые способности для детей с аутизмом являются наиболее важными предикторами социальной адаптации и успешности освоения образовательных программ (Miranda et al., 2023). В этой связи очевидно, что акцент на поддержке языковых потребностей должен быть включен в комплексные программы раннего вмешательства для детей с РАС.

Третья шкала была названа «Эмоции» (Em), потому что она включает в себя девять пунктов, связанных с ситуациями эмоционального контакта с другими людьми, отсутствием эмоционального отклика и эмоциональной реакции в ответ на эмоции других. Известно, что дошкольники с РАС часто страдают от эмоциональной дисрегуляции (ЭД), известной как дефицит способности управлять эмоциями. Распространенность ЭД среди аутистов высока. Некоторые исследователи связывают ЭД с коммуникативными нарушениями при РАС, подчеркивая ведущую роль ЭД в социально-эмоциональных нарушениях (Loveland, 2005). Также известно, что проявление ЭД является тревожным показателем, связанным с более серьезными поведенческими и клиническими последствиями (Conner et al., 2021). Интересно, что с течением времени наблюдается положительная тенденция в развитии навыков эмоциональной регуляции у аутичных индивидов, поэтому наиболее уязвимой группой для ЭД являются дошкольники. Было показано, что у детей младшего школьного возраста регуляция эмоций улучшается, затем на фоне пубертата наблюдается ее снижение и наиболее более эффективной эмоциональная регуляция становится у взрослых (Cai et al., 2023).

Следующая шкала была обозначена как «Настойчивость на одинаковости» (PS), поскольку она состоит из 11 пунктов, связанных с вызванным переменах стрессом, потребностью в одинаковости режима и окружающей среды, ритуализмом, сопротивлением новому. Это основной аутистический симптом, один из подтипов повторяющегося и ограничивающего поведения, который включает в себя такие разнообразные когнитивные и поведенческие паттерны, как сопротивление переменам, предпочтение устоявшихся процедур и ритуализованного поведения (American Psychiatric Association, 2013), и появление этого фактора неудивительно. Однако примечательно то, что он занимает четвертое место по факторной нагрузке в нашей модели симптомов аутизма у детей 5–7 лет. Принято выделять области проявления PS, а именно ритуалы, рутины и PS во взаимодействии с другими людьми (Spackman et al., 2023). Согласно результатам предыдущих исследований,

PS является стойким симптомом у детей с РАС, который сохраняется или усугубляется с возрастом (Tian et al., 2022). Возможно, паттерны PS реализуются для снижения тревожности в виде стратегий избегания или аутостимуляции (Sellick et al., 2021). Также обсуждается связь между сенсорной дезинтеграцией в форме сенсорной гиперчувствительности и ритуалистическим поведением. Предполагается, что ритуалы и распорядок дня могут быть направлены на уменьшение или ограничение неблагоприятных сенсорных переживаний и, таким образом, могут рассматриваться как специфические стратегии саморегуляции, выполняемые аутичными индивидами с более высоким уровнем ЭД (Spackman et al., 2023).

Пятую шкалу мы назвали «Гиперактивность» (Нур), потому что она включает в себя десять пунктов, связанных с гиперактивным поведением, включая агрессию, расторможенность и низкий поведенческий контроль. Этот симптом не относится к основным аутистическим и считается одним из наиболее часто встречающихся сопутствующих состояний у детей с РАС (Hong et al., 2021). В настоящее время Нур у детей с аутизмом рассматривается как очень важный диагностический симптом, требующий особого внимания, поскольку он связан со снижением адаптивного поведения. Общепризнано, что РАС и гиперактивность, будучи независимыми состояниями, могут проявляться вместе, но их следует оценивать и лечить отдельно. Симптомы гиперактивности могут проявляться в раннем возрасте и сохраняться до школьного возраста (Hong et al., 2021). Считается, что Нур у детей с аутизмом может быть связана с несколькими факторами, среди которых в первую очередь выделяют нейрохимический дисбаланс и сопутствующие психопатологические симптомы (Zhao et al., 2022). Предполагается, что, если симптомы расторможенности остаются выраженными в то время, когда ребенок начинает образовательный маршрут в школе, то результаты его обучения будут гораздо менее многообещающими (Rosello et al., 2018). Несмотря на то что проблема гиперактивности у детей с аутизмом недостаточно изучена, специалисты сходятся во мнении, что необходимы специальные мероприятия, направленные на устранение этого усугубляющего симптома. Рекомендуется использовать комплексный подход, который включает фармакологические вмешательства; поведенческую терапию, включая вмешательства в естественной среде; развитие социальных навыков; включение родителей в процесс реабилитации и подходы нейроразнообразия (Kalra et al., 2023).

Шкала «Сенсорная дезинтеграция» (SD) была названа так из-за десяти элементов в ее составе, которые связаны с различными показателями повышенной или пониженной сенсорной чувствительности и соответствующими действиями по аутостимуляции или избеганию определенных сенсорных стимулов. Хорошо известно, что дети с аутизмом отличаются большим разнообразием сенсорных профилей и испытывают трудности с сенсорной обработкой информации (Ben-Sasson et al., 2019). Появление этого фактора не было неожиданным, учитывая, что основной аутистический симптом — стремление к одинаковости — тесно связан с SD (American Psychiatric Association, 2013). Как правило, сенсорные трудности могут быть описаны как недостаточная или избыточная чувствительность сенсорных функций и соответствуют специфическим поведенческим паттернам, таким как поиск сенсорных впечатлений или избегание некоторых сенсорных стимулов (Scheerer et al., 2021). Существует большая гетерогенность сенсорных подтипов у детей с аутизмом, что указывает на ключевую роль SD в этой популяции

(Ben-Sasson et al., 2019). В другом исследовании было обнаружено, что поведенческие проблемы, такие как стереотипия, гиперактивность и раздражительность, связаны с SD, что проявляется в поиске ощущений аутичными детьми в возрасте 3–9 лет (Gundogdu et al., 2023). Считается, что симптомы SD связаны со значительными ежедневными функциональными ограничениями и могут рассматриваться как диагностический критерий PAC (Lane et al., 2022). Предположительно, лучшим способом лечения SD у детей с аутизмом является проведение терапии сенсорной интеграции (Alamdarloo, Mradi, 2021), однако предполагается, что это вмешательство, вероятно, будет эффективным для достижения индивидуальных целей и должно разрабатываться для каждого ребенка отдельно, с учетом его сенсорных особенностей и специфических сенсорных трудностей.

Седьмая шкала — это «Моторика» (Mot). Она состоит из семи пунктов, связанных с трудностями при выполнении тонко дифференцированных двигательных движений и задержкой моторного развития. Несмотря на то что этот симптом не относится к классическим аутистическим симптомам, его появление у детей 5–7 лет неудивительно, поскольку известно, что двигательное развитие дошкольников является важным предиктором последующей психосоциальной дезадаптации и академических достижений. Примерно треть детей с PAC в возрасте до 6 лет испытывают двигательные трудности (Licari et al., 2020). Более того, было обнаружено, что задержка крупной и мелкой моторики у этих детей, как правило, становится более выраженной с возрастом (Mohd Nordin et al., 2021). Известно, что дети с аутизмом, как правило, страдают от нарушений сенсомоторной интеграции, проявляющихся в более низких уровнях большинства сенсомоторных параметров, таких как время реакции, периферических ощущений, силе конечностей, равновесии и нарушениях походки по сравнению со сверстниками с ТР (Perin et al., 2020). Также было выявлено, что как мелкая, так и крупная моторика связаны с уровнем интеллектуального развития независимо от тяжести симптомов PAC (Kaur et al., 2018). Обсуждается, что ранние двигательные нарушения могут даже предшествовать проявлению классических симптомов PAC. Большинство исследователей сходятся во мнении, что раннее выявление двигательной задержки у детей с PAC может быть важным диагностическим ключом и позволит службам раннего вмешательства оптимизировать интервенцию и повлиять на перспективу развития (Mohd Nordin et al., 2021).

Последняя шкала была названа «Эхолалия» (Ech), поскольку она включает в себя девять пунктов, связанных с немедленной и отсроченной эхолалией и вербальными стереотипами. Эхолалия — распространенное явление у аутичных детей, проявляющееся в повторении чужой речи и выявляемое примерно у 75–80 % вербальных детей с PAC (Blackburn et al., 2023). Существует множество широко документированных и подробно исследованных подтипов эхолалии; каждый из них имеет свои собственные функции. Так, например, принято различать немедленную и отсроченную эхолалию (Gladfelter, VanZuiden, 2020). Примечательно, что DSM-V описывает эхолалию как патологическое и предположительно бессмысленное повторение слова или фразы и относит это состояние к группе ограничивающих и повторяющихся форм поведения при PAC (American Psychiatric Association, 2013). Однако в последнее время основное внимание в изучении Ech при PAC уделяется ее функциональной роли у детей с аутизмом, что предполагает ее роль в качестве

коммуникативной и когнитивной стратегии (Xie et al., 2023). Считается, что Ech в зависимости от ее типа может быть как показателем речевого развития, так и признаком регресса, стереотипии и когнитивных нарушений (Thompson et al., 2019). Было предложено выделить многомерные коммуникативные профили при РАС, чтобы лучше понять функциональную роль повторов в речи. Кроме того, важно отметить, что Ech в форме звукоподражания является нормальным этапом речевого развития у всех детей определенного возраста. Таким образом, возможно, что Ech может способствовать овладению языком у детей с аутизмом, при условии что это переходный этап, обеспечивающий доступ к более высоким уровням речевого развития и семантического обобщения (Blackburn et al., 2023).

Заключение

Важным результатом нашего исследования стало обоснование эквивалентности 8-факторной модели симптомов аутизма для выборок детей 5–6 и 7 лет: выявленная структура симптомов является устойчивой для всего возрастного диапазона детей с РАС 5–7 лет. Результаты проверки дискриминантной валидности факторов свидетельствуют о том, что каждому из восьми факторов соответствует своя группа симптомов аутизма, и эти группы проявляются независимо друг от друга. Проверка прогностической точности 8-факторной модели при помощи дискриминантного анализа демонстрирует, что эта модель, построенная по любой части выборки детей 5–7 лет, обладает высокой прогностической точностью в отношении остальных детей этого возрастного диапазона, достаточно точно (от 88,2 до 91,0 %) отделяя детей с диагнозом РАС от остальных. В целом разработанная дискриминантная модель шкалы при общей точности диагностики 91,2 % обладает чувствительностью (точностью отнесения к группе РАС) 92,7 % при специфичности (точности отнесения к группе не РАС) 87,7 %. Разработанная дискриминантная модель легла в основу методики диагностики симптомов аутизма для детей 5–7 лет. Разработаны нормы для этой шкалы, позволяющие быстро оценить вероятность риска РАС у детей этого возрастного диапазона. В случае выявления высокого риска РАС у ребенка восемь шкал этой методики позволяют оценить, какие группы симптомов наиболее выражены, для определения оптимальных методов коррекции и расчета образовательного маршрута. Разработанные нормы легли в основу онлайн-скрининга симптомов РАС у детей 5–7 лет, который дополнил разработанный нами ранее скрининг РАС для детей 3–4 лет. Оба скрининга позволяют получить полную интерпретацию как общего результата (выраженность симптомов РАС и вероятность РАС), так и относительную выраженность отдельных групп симптомов РАС, что может использоваться для планирования дальнейшей диагностической и коррекционной работы специалистов с ребенком³.

Литература

Глозман Ж. М. Нейропсихология детского возраста. М.: Академия, 2009.

Глозман Ж. М. Нейропсихологическое обследование: качественная и количественная оценка данных. М.: Смысл, 2012.

---

³ Оба скрининга доступны для использования на странице: URL: <https://ras.testpsy.net/> (дата обращения: 15.02.2025).

- Лебединская К. С. Клинико-психологический подход к проблеме раннего детского аутизма в СССР. М., 1979.
- Лебединская К. С., Никольская О. С. Диагностика раннего детского аутизма. М.: Просвещение, 1991.
- Ли Л., Бентлер П. The greatest lower bound to reliability: Corrected and resampling estimators // Моделирование и анализ данных. 2011. Т. 1, № 1. С. 87–104.
- Мнухин С. С., Зеленецкая А. Е., Исаев Д. Н. О синдроме «раннего детского аутизма», или синдроме Каннера у детей // Журнал невропатологии и психиатрии. 1967. Т. 10. С. 1501–1506.
- Мнухин С. С., Исаев Д. Н. Об органической основе некоторых форм шизоидных и аутистических психопатий // Актуальные вопросы клинической психопатологии и лечения психических заболеваний. 1969. С. 112–121.
- Наследов А. Д., Ткачева Л. О., Заширинская О. В., Мирошников С. А. Верификация факторной структуры симптомов аутизма у детей 3–4 лет // Российский психиатрический журнал. 2023. № 4. С. 72–83. <https://doi.org/10.34757/1560-957X.2023.27.4.008>
- Alamdarloo G. H., Mradi H. The effectiveness of sensory integration intervention on the emotional-behavioral problems of children with autism spectrum disorder // Advances in Autism. 2021. Vol. 7, no. 2. P. 152–166. <https://doi.org/10.1108/aia-12-2019-0051>
- American Psychiatric Association. Diagnostic and statistical manual of mental disorders. 5th ed. Arlington: American Psychiatric Publishing, 2013.
- Ben-Sasson A., Gal E., Fluss R., Katz-Zetler N., Cermak S. A. Update of a meta-analysis of sensory symptoms in ASD: A new decade of research // Journal of Autism and Developmental Disorders. 2019. Vol. 49, no. 12. P. 4974–4996. <https://doi.org/10.1007/s10803-019-04180-0>
- Blackburn C., Tueres M., Sandanayake N., Roberts J., Sutherland R. A systematic review of interventions for echolalia in autistic children // International Journal of Language & Communication Disorders. 2023. Vol. 58, no. 6. P. 1977–1993. <https://doi.org/10.1111/1460-6984.12931>
- Bird G., Cook R. Mixed emotions: the contribution of alexithymia to the emotional symptoms of autism // Translational Psychiatry. 2013. Vol. 3, no. 7. P. e285. <https://doi.org/10.1038/tp.2013.61>
- Boer D., Hanke K., He J. On detecting systematic measurement error in cross-cultural research: A review and critical reflection on equivalence and invariance tests // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2018. Vol. 49, no. 5. P. 713–734. <https://doi.org/10.1177/0022022117749042>
- Byrne B. M. Structural equation modeling with AMOS: Basic concepts, applications and programming. 2nd ed. New York: Taylor & Francis Group, 2010.
- Cai R. Yi., Love A., Robinson A., Gibbs V. The inter-relationship of emotion regulation, self-compassion, and mental health in autistic adults // Autism in Adulthood: Challenges and Management. 2023. Vol. 5, no. 3. P. 335–342. <https://doi.org/10.1089/aut.2022.0068>
- Chee Z. J., Scheeren A. M., De Vries M. The factor structure and measurement invariance of the Autism Spectrum Quotient-28: A cross-cultural comparison between Malaysia and the Netherlands // Autism: The International Journal of Research and Practice. 2024. Vol. 28, no. 1. P. 32–42. <https://doi.org/10.1177/13623613221147395>
- Conner C. M., Golt J., Shaffer R., Righi G., Siegel M., Mazefsky C. A. Emotion dysregulation is substantially elevated in autism compared to the general population: Impact on psychiatric services // Autism Research: Official Journal of the International Society for Autism Research. 2021. Vol. 14, no. 1. P. 169–181. <https://doi.org/10.1002/aur.2450>
- Elsabbagh M. Linking risk factors and outcomes in autism spectrum disorder: is there evidence for resilience? // BMJ (Clinical research ed.). 2020. Vol. 368. Art. l6880. <https://doi.org/10.1136/bmj.l6880>
- Foldager M., Vestergaard M., Lassen J., Petersen L. S., Oranje B., Aggernaes B., Simonsen E. Atypical semantic fluency and recall in children and adolescents with autism spectrum disorders associated with autism symptoms and adaptive functioning // Journal of Autism and Developmental Disorders. 2023. Vol. 53, no. 11. P. 4280–4292. <https://doi.org/10.1007/s10803-022-05677-x>
- Fornell C., Larcker D. F. Evaluating structural equation models with unobservable variables and measurement error // Journal of Marketing Research. 1981. Vol. 18. P. 39–50. <https://doi.org/10.2307/3151312>
- Fountain C., Winter A. S., Cheslack-Postava K., Bearman P. S. Developmental trajectories of autism // Pediatrics. 2023. Vol. 152, no. 3. Art. e2022058674. <https://doi.org/10.1542/peds.2022-058674>
- Gladfelter A., VanZuiden C. The influence of language context on repetitive speech use in children with autism spectrum disorder // American Journal of Speech-Language Pathology. 2020. Vol. 29, no. 1. P. 327–334. https://doi.org/10.1044/2019_AJSLP-19-00003

- Gundogdu U., Aksoy A., Eroglu M. Sensory profiles, behavioral problems, and auditory findings in children with autism spectrum disorder // *International Journal of Developmental Disabilities*. 2023. Vol. 69, no. 3. P. 442–451. <https://doi.org/10.1080/20473869.2023.220059>
- Guo X., Zhai G., Liu J., Cao Ya., Zhang X., Cui D., Gao L. Inter-individual heterogeneity of functional brain networks in children with autism spectrum disorder // *Molecular Autism*. 2022. Vol. 13, no. 1. P. 52. <https://doi.org/10.1186/s13229-022-00535-0>
- Henseler J., Ringle C. M., Sarstedt M. A new criterion for assessing discriminant validity in variance-based structural equation modeling // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2015. Vol. 43, no. 1. P. 115–135.
- Hong J. S., Singh V., Kalb L. Attention deficit hyperactivity disorder symptoms in young children with autism spectrum disorder // *Autism Research: Official Journal of the International Society for Autism Research*. 2021. Vol. 14, no. 1. P. 182–192. <https://doi.org/10.1002/aur.2414>
- Kalra R., Gupta M., Sharma P. Recent advancement in interventions for autism spectrum disorder: A review // *Journal of Neurorestoratology*. 2023. Vol. 11, no. 3. Art. 100068. <https://doi.org/10.1016/j.jnrt.2023.100068>
- Kaur M., Srinivasan S., Bhat A. Comparing motor performance, praxis, coordination, and interpersonal synchrony between children with and without Autism Spectrum Disorder (ASD) // *Research in Developmental Disabilities*. 2018. Vol. 72. P. 79–95. <https://doi.org/10.1016/j.ridd.2017.10.025>
- Kline R. B. Principles and practice of structural equation modeling. 3rd ed. New York: The Guilford Press, 2011.
- Lane A. E., Simpson K., Masi A., Grove R., Moni M. A., Montgomery A., Roberts J., Silove N., Whalen O., Whitehouse A. J. O., Eapen V. Patterns of sensory modulation by age and sex in young people on the autism spectrum // *Autism Research: Official Journal of the International Society for Autism Research*. 2022. Vol. 15, no. 10. P. 1840–1854. <https://doi.org/10.1002/aur.2762>
- Li B., Blijd-Hoogewys E., Stockmann L., Vergari I., Rieffe C. Toward feeling, understanding, and caring: The development of empathy in young autistic children // *Autism: The International Journal of Research and Analysis*. 2023. Vol. 27, no. 5. P. 1204–1218. <https://doi.org/10.1177/13623613221117955>
- Licari M. K., Alvares G. A., Varcin K., Evans K. L., Cleary D., Reid S. L., Glasson E. J., Bebbington K., Reynolds J. E., Wray J., Whitehouse A. J. O. Prevalence of motor difficulties in autism spectrum disorder: Analysis of a population-based cohort // *Autism Research: Official Journal of the International Society for Autism Research*. 2020. Vol. 13, no. 2. P. 298–306.
- Liu M., Brady N. C., Boorom O., Fleming K., Yue J., Liu Q. Prelinguistic communication complexity predicts expressive language in initial minimally verbal autistic children // *International Journal of Language & Communication Disorders*. 2024. Vol. 59, no. 1. P. 413–425. <https://doi.org/10.1111/1460-6984.12956>
- Loveland K. A. Social-emotional impairment and self-regulation in autism spectrum disorders // *Emotional Development: Recent research advances* / eds J. Nadel, D. Muir. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 365–382.
- Miranda A., Berenguer C., Baixauli I., Roselló B. Childhood language skills as predictors of social, adaptive and behavior outcomes of adolescents with autism spectrum disorder // *Research in Autism Spectrum Disorders*. 2023. Vol. 103, no. 2. P. 102143. <https://doi.org/10.1016/j.rasd.2023.102143>
- Mohd Nordin A., Ismail J., Kamal Nor N. Motor development in children with autism spectrum disorder // *Frontiers in Pediatrics*. 2021. Vol. 9. Art. 598276. <https://doi.org/10.3389/fped.2021.598276>
- Mundy P. A review of joint attention and social-cognitive brain systems in typical development and autism spectrum disorder // *The European Journal of Neuroscience*. 2018. Vol. 47, no. 6. P. 497–514. <https://doi.org/10.1111/ejn.13720>
- Nasledov A., Miroshnikov S., Tkacheva L., Fedorov S. Factor structure of ASD symptoms in Russian 3–4-year-olds // *OBM Neurobiology*. 2023. Vol. 7, no. 4. P. 190. <https://doi.org/10.21926/obm.neurobiol.2304190>
- Nasledov A., Tkacheva L., Miroshnikov S. Factor structure of ASD symptoms in Russian 5–6-year-old children: Age perspective // *OBM Neurobiology*. 2024. Vol. 8, no. 4. P. 259. <https://doi.org/10.21926/obm.neurobiol.2404259>
- Perin C., Valagussa G., Mazzucchi M., Gariboldi V., Cerri C. G., Meroni R., Grossi E., Cornaggia Z. M., Menant J., Piscitelli D. Physiological profile assessment of posture in children and adolescents with autism spectrum disorder and typically developing peers // *Brain Sciences*. 2020. Vol. 10, no. 10. Art. 681. <https://doi.org/10.3390/brainsci10100681>

- Rosello B., Berenguer C., Baixauli I., Colomer C., Miranda A. ADHD symptoms and learning behaviors in children with ASD without intellectual disability. A mediation analysis of executive functions // *PloS One*. 2018. Vol. 13, no. 11. Art. e0207286. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0207286>
- Scheerer N.E., Curcin K., Stojanoski B., Anagnostou E., Nicolson R., Kelley E., Georgiades S., Liu X., Stevenson R.A. Exploring sensory phenotypes in autism spectrum disorder // *Molecular Autism*. 2021. Vol. 12, no. 1. Art. 67. <https://doi.org/10.1186/s13229-021-00471-5>
- Sellick T., Ure A., Williams K. Repetitive and restricted behaviours and anxiety in autism spectrum disorder: protocol for a systematic review and meta-analysis // *Systematic reviews*. 2021. Vol. 10, no. 1. Art. 303. <https://doi.org/10.1186/s13643-021-01830-2>
- Spackman E., Smillie L.D., Frazier T.W., Hardan A.Y., Uljarević M. Characterizing subdomains of insistence on sameness in autistic youth // *Autism Research: official journal of the International Society for Autism Research*. 2023. Vol. 16, no. 12. P. 2326–2335. <https://doi.org/10.1002/aur.3033>
- Tanner A., Dounavi K. The emergence of autism symptoms prior to 18 months of age: A systematic literature review // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2021. Vol. 51, no. 3. P. 973–993. <https://doi.org/10.1007/s10803-020-04618-w>
- Thompson L., Gillberg C., Landberg S., Kantzer A.K., Miniscalco C., Barnevik Olsson M., Eriksson M.A., Fernell E. Autism with and without regression: A two-year prospective longitudinal study in two population-derived Swedish cohorts // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2019. Vol. 49, no. 6. P. 2281–2290. <https://doi.org/10.1007/s10803-018-03871-4>
- Tian J., Gao X., Yang L. Repetitive restricted behaviors in autism spectrum disorder: From mechanism to development of therapeutics // *Frontiers in Neuroscience*. 2022. Vol. 16. Art. 780407. <https://doi.org/10.3389/fnins.2022.780407>
- Wang X., Auyeung B., Pan N., Lin L.Z., Chen Q., Chen J.J., Liu S.-Yu., Dai M.-X., Gong J.-H., Li X.-H., Jing J. Empathy, theory of mind, and prosocial behaviors in autistic children // *Frontiers in Psychiatry*. 2022. Vol. 13. Art. 844578. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.844578>
- Xie F., Pascual E., Oakley T. Functional echolalia in autism speech: Verbal formulae and repeated prior utterances as communicative and cognitive strategies // *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 14. Art. 1010615. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1010615>
- Zain E., Fukui N., Watanabe Yu., Hashijiri K., Motegi T., Ogawa M., Egawa J., Nishijima K., Someya T. The three-factor structure of the Autism-Spectrum Quotient Japanese version in pregnant women // *Frontiers in Psychiatry*. 2023. Vol. 14. Art. 1275043. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2023.1275043>
- Zhao H., Mao X., Zhu C., Zou X., Peng F., Yang W., Li B., Li G., Ge T., Cui R. GABAergic system dysfunction in autism spectrum disorders // *Frontiers in Cell and Developmental Biology*. 2022. Vol. 9. Art. 781327. <https://doi.org/10.3389/fcell.2021.781327>

Статья поступила в редакцию 26 сентября 2024 г.;
рекомендована к печати 27 февраля 2025 г.

Контактная информация:

Наследов Андрей Дмитриевич — канд. психол. наук, доц.;

<https://orcid.org/0000-0003-4687-3184>, a.nasledov@spbu.ru

Ткачева Любовь Олеговна — канд. психол. наук, доц.; <https://orcid.org/0000-0002-9822-1914>, l.tkachewa@spbu.ru

Мирошников Сергей Александрович — канд. психол. наук;

<https://orcid.org/0000-0001-7079-0624>, sergeyamir@gmail.com

Пахомова Екатерина Олеговна — аспирант; <https://orcid.org/0009-0009-2714-8885>, st096418@stud.ent.spbu.ru

Защиринская Оксана Владимировна — д-р психол. наук, доц.;

<https://orcid.org/0000-0002-2666-3529>, zaoks@mail.ru

Development and psychometric validation of a diagnostic method for autism spectrum disorder symptoms in children aged 5–7 years*

A. D. Nasledov^a, L. O. Tkacheva, S. A. Miroshnikov,
E. O. Pakhomova, O. V. Zashchirinskaya

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Nasledov A. D., Tkacheva L. O., Miroshnikov S. A., Pakhomova E. O., Zashchirinskaya O. V. Development and psychometric validation of a diagnostic method for autism spectrum disorder symptoms in children aged 5–7 years. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 2, pp. 218–239. EDN DOMSGZ (In Russian)

Research on the factor structure of autism symptoms in childhood is particularly valuable as it helps identify how symptoms change with age and informs the development of more effective diagnostic and intervention methods. In an earlier study of 374 children aged 5–6 with Autism Spectrum Disorder (ASD), an 8-factor structure encompassing 75 ASD symptoms were identified. These factors include: 1) empathy impairments, 2) speech understanding, 3) emotional dysregulation, 4) persistence on sameness, 5) hyperactivity/disinhibition, 6) sensory disintegration, 7) motor impairments, and 8) echolalia. In the present study, 255 children (157 with ASD, 50 with developmental delay, and 48 typically developing) were assessed. Using multi-group confirmatory factor analysis, the 8-factor structure was validated in a sample of 157 children aged 7 years. The discriminant validity of the factors was supported by their average variance extracted and the ratio of correlations between factors and items. Each factor proved to be a reliable scale based on internal consistency. Discriminant analysis revealed that models incorporating these 8 factors could distinguish ASD from non-ASD children with an accuracy of 88.2 to 92 % across different age groups. An 8-factor discriminant model for the autism symptom scale was developed, showing 91.2 % accuracy in distinguishing ASD from non-ASD groups, with 92.7 % sensitivity and 87.7 % specificity. Test norms for the scale were created, allowing for quick assessment of ASD risk in children aged 5–7. When a high ASD risk is identified, the 8 scales help determine which symptom groups are most prominent.

Keywords: psychodiagnosis, autism spectrum disorders, psychometric validation, mental disorders, childhood development, markers of ASD, factor structure of autism.

References

- Alamdarloo G. H., Mradi H. (2020). The effectiveness of sensory integration intervention on the emotional-behavioral problems of children with autism spectrum disorder. *Advances in Autism*, 7 (2): 152–166. <https://doi.org/10.1108/aia-12-2019-0051>
- American Psychiatric Association. *Diagnostic and statistical manual of mental disorders*. 5th ed. Arlington, American Psychiatric Publishing, 2013.
- Ben-Sasson A., Gal E., Fluss R., Katz-Zetler N., Cermak S. A. (2019). Update of a meta-analysis of sensory symptoms in ASD: A new decade of research. *Journal of autism and developmental disorders*, 49 (12): 4974–4996. <https://doi.org/10.1007/s10803-019-04180-0>

---

* The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation, project no. 23-18-00155 “Study of predictive indicators of autism spectrum disorders in preschool children”; <https://www.rscf.ru/en/project/23-18-00155/>.

^a Author for correspondence.

- Blackburn C., Tueres M., Sandanayake N., Roberts J., Sutherland R. (2023). A systematic review of interventions for echolalia in autistic children. *International Journal of Language & Communication Disorders*, 58 (6): 1977–1993. <https://doi.org/10.1111/1460-6984.12931>
- Bird G., Cook R. (2013). Mixed emotions: the contribution of alexithymia to the emotional symptoms of autism. *Translational psychiatry*, 3 (7): e285. <https://doi.org/10.1038/tp.2013.61>
- Boer D., Hanke K., He J. (2018). On detecting systematic measurement error in cross-cultural research: A review and critical reflection on equivalence and invariance tests. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 49 (5): 713–734. <https://doi.org/10.1177/0022022117749042>
- Byrne B.M. (2010). *Structural equation modeling with AMOS: Basic concepts, applications and programming*. 2nd ed. New York, Taylor & Francis Group.
- Cai R. Yi., Love A., Robinson A., Gibbs V. (2023). The inter-relationship of emotion regulation, self-compassion, and mental health in autistic adults. *Autism in Adulthood: Challenges and management*, 5 (3): 335–342. <https://doi.org/10.1089/aut.2022.0068>
- Chee Z.J., Scheeren A.M., De Vries M. (2024). The factor structure and measurement invariance of the Autism Spectrum Quotient-28: A cross-cultural comparison between Malaysia and the Netherlands. *Autism: The international journal of research and practice*, 28 (1): 32–42. <https://doi.org/10.1177/13623613221147395>
- Conner C.M., Golt J., Shaffer R., Righi G., Siegel M., Mazefsky C.A. (2021). Emotion dysregulation is substantially elevated in autism compared to the general population: Impact on psychiatric services. *Autism Research: Official journal of the International Society for Autism Research*, 14 (1): 169–181. <https://doi.org/10.1002/aur.2450>
- Elsabbagh M. (2020). Linking risk factors and outcomes in autism spectrum disorder: is there evidence for resilience? *BMJ (Clinical research ed.)*, 368: l6880. <https://doi.org/10.1136/bmj.l6880>
- Foldager M., Vestergaard M., Lassen J., Petersen L.S., Oranje B., Aggernaes B., Simonsen E. (2023). Atypical semantic fluency and recall in children and adolescents with autism spectrum disorders associated with autism symptoms and adaptive functioning. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 53 (11): 4280–4292. <https://doi.org/10.1007/s10803-022-05677-x>
- Fornell C., Larcker D.F. (1981). Evaluating structural equation models with unobservable variables and measurement error. *J. Mark. Res.*, 18: 39–50. <https://doi.org/10.2307/3151312>
- Fountain C., Winter A.S., Cheslack-Postava K., Bearman P.S. (2023). Developmental trajectories of autism. *Pediatrics*, 152 (3): e2022058674. <https://doi.org/10.1542/peds.2022-058674>
- Gladfelter A., VanZuiden C. (2020). The influence of language context on repetitive speech use in children with autism spectrum disorder. *American Journal of Speech-Language Pathology*, 29 (1): 327–334. https://doi.org/10.1044/2019_AJSLP-19-00003
- Glozman Zh.M. (2009). *Neuropsychology of childhood*. Moscow, Akademiia Publ. (In Russian)
- Glozman Zh.M. (2012). *Neuropsychological assessment: qualitative and quantitative evaluation of data*. Moscow, Smysl Publ. (In Russian)
- Gundogdu U., Aksoy A., Eroglu M. (2023). Sensory profiles, behavioral problems, and auditory findings in children with autism spectrum disorder. *International Journal of Developmental Disabilities*, 69 (3): 442–451. <https://doi.org/10.1080/20473869.2023.220059>
- Guo X., Zhai G., Liu J., Cao Ya., Zhang X., Cui D., Gao L. (2022). Inter-individual heterogeneity of functional brain networks in children with autism spectrum disorder. *Molecular Autism*, 13 (1), 52. <https://doi.org/10.1186/s13229-022-00535-0>
- Henseler J., Ringle C.M., Sarstedt M. (2015). A new criterion for assessing discriminant validity in variance-based structural equation modeling. *Journal of the Academy of Marketing Science*, 43 (1): 115–135.
- Hong J.S., Singh V., Kalb L. (2021). Attention deficit hyperactivity disorder symptoms in young children with autism spectrum disorder. *Autism Research: Official journal of the International Society for Autism Research*, 14 (1): 182–192. <https://doi.org/10.1002/aur.2414>
- Kalra R., Gupta M., Sharma P. (2023). Recent advancement in interventions for autism spectrum disorder: A review. *Journal of Neurorestoratology*, 11 (3): 100068. <https://doi.org/10.1016/j.jnrt.2023.100068>
- Kaur M., Srinivasan S., Bhat A. (2018). Comparing motor performance, praxis, coordination, and interpersonal synchrony between children with and without Autism Spectrum Disorder (ASD). *Research in Developmental Disabilities*, 72: 79–95. <https://doi.org/10.1016/j.ridd.2017.10.025>
- Kline R.B. (2011). *Principles and practice of structural equation modeling*. 3rd ed. New York, Guilford Press.

- Lane A.E., Simpson K., Masi A., Grove R., Moni M.A., Montgomery A., Roberts J., Silove N., Whalen O., Whitehouse A.J.O., Eapen V. (2022). Patterns of sensory modulation by age and sex in young people on the autism spectrum. *Autism Research: Official journal of the International Society for Autism Research*, 15 (10): 1840–1854. <https://doi.org/10.1002/aur.2762>
- Lebedinskaia K.S. (1979). *Clinical and psychological approach to the problem of early childhood autism in the USSR*. Moscow. (In Russian)
- Lebedinskaia K.S., Nikol'skaia O. S. (1991). *Diagnosis of early childhood autism*. Moscow, Prosveshchenie Publ. (In Russian)
- Li B., Blijd-Hoogewys E., Stockmann L., Vergari I., Rieffe C. (2023). Toward feeling, understanding, and caring: The development of empathy in young autistic children. *Autism: The International Journal of Research and Practice*, 27 (5): 1204–1218. <https://doi.org/10.1177/13623613221117955>
- Li L., Bentler P. (2011). The greatest lower bound to reliability: Corrected and resampling estimators. *Modelirovaniye i analiz dannykh*, 1 (1): 87–104. (In Russian)
- Licari M.K., Alvares G.A., Varcin K., Evans K.L., Cleary D., Reid S.L., Glasson E.J., Bebbington K., Reynolds J.E., Wray J., Whitehouse A.J. O. (2020). Prevalence of motor difficulties in autism spectrum disorder: Analysis of a population-based cohort. *Autism Research: Official Journal of the International Society for Autism Research*, 13 (2): 298–306. <https://doi.org/10.1002/aur.2230>
- Liu M., Brady N.C., Boorom O., Fleming K., Yue J., Liu Q. (2024). Prelinguistic communication complexity predicts expressive language in initial minimally verbal autistic children. *International Journal of Language & Communication Disorders*, 59 (1), 413–425. <https://doi.org/10.1111/1460-6984.12956>
- Loveland K.A. (2005). Social-emotional impairment and self-regulation in autism spectrum disorders. In: *Emotional Development: Recent research advances*. J. Nadel, D. Muir, eds (pp. 365–382). Oxford, Oxford University Press.
- Miranda A., Berenguer C., Baixauli I., Roselló B. (2023). Childhood language skills as predictors of social, adaptive and behavior outcomes of adolescents with autism spectrum disorder. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 103 (2): 102143. <https://doi.org/10.1016/j.rasd.2023.102143>
- Mnukhin S.S., Zelenetskaia A. E., Isaev D.N. (1967). On the syndrome of “early childhood autism” or Kanner syndrome in children. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii*, 10: 1501–1506. (In Russian)
- Mnukhin S.S., Isaev D.N. (1969). On the organic basis of some forms of schizoid and autistic psychopathy. In: *Aktual'nye voprosy klinicheskoi psikhopatologii i lecheniia psikhicheskikh zabolevanii* (pp. 112–121). (In Russian)
- Mohd Nordin A., Ismail J., Kamal Nor N. (2021). Motor development in children with autism spectrum disorder. *Frontiers in Pediatrics*, 9: 598276. <https://doi.org/10.3389/fped.2021.598276>
- Mundy P. (2018). A review of joint attention and social-cognitive brain systems in typical development and autism spectrum disorder. *The European Journal of Neuroscience*, 47 (6), 497–514. <https://doi.org/10.1111/ejn.13720>
- Nasledov A., Miroshnikov S., Tkacheva L., Fedorov S. (2023). Factor structure of ASD symptoms in Russian 3–4-year-olds. *OBM Neurobiology*, 7 (4): 190. <https://doi.org/10.21926/obm.neurobiol.2304190>
- Nasledov A., Tkacheva L., Miroshnikov S. (2024). Factor structure of ASD symptoms in Russian 5–6-year-old children: Age Perspective. *OBM Neurobiology*, 8 (4): 259. <https://doi.org/10.21926/obm.neurobiol.2404259>
- Nasledov A.D., Tkacheva L.O., Zashchirinskaya O.V., Miroshnikov S.A. (2023). Verification of the factor structure of autism symptoms in children aged 3–4 years. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal*, 27 (4): 72–83. <https://doi.org/10.34757/1560-957X.2023.27.4.008> (In Russian)
- Perin C., Valagussa G., Mazzucchelli M., Gariboldi V., Cerri C.G., Meroni R., Grossi E., Cornaggia C.M., Menant J., Piscitelli D. (2020). Physiological profile assessment of posture in children and adolescents with autism spectrum disorder and typically developing peers. *Brain Sciences*, 10 (10): 681. <https://doi.org/10.3390/brainsci10100681>
- Rosello B., Berenguer C., Baixauli I., Colomer C., Miranda A. (2018). ADHD symptoms and learning behaviors in children with ASD without intellectual disability. A mediation analysis of executive functions. *PLoS One*, 13 (11): e0207286. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0207286>
- Scheerer N.E., Curcin K., Stojanoski B., Anagnostou E., Nicolson R., Kelley E., Georgiades S., Liu X., Stevenson R.A. (2021). Exploring sensory phenotypes in autism spectrum disorder. *Molecular Autism*, 12 (1): 67. <https://doi.org/10.1186/s13229-021-00471-5>

- Sellick T., Ure A., Williams K. (2021). Repetitive and restricted behaviours and anxiety in autism spectrum disorder: protocol for a systematic review and meta-analysis. *Systematic Reviews*, 10 (1): 303. <https://doi.org/10.1186/s13643-021-01830-2>
- Spackman E., Smillie L. D., Frazier T. W., Hardan A. Y., Uljarević M. (2023). Characterizing subdomains of insistence on sameness in autistic youth. *Autism Research: Official journal of the International Society for Autism Research*, 16 (12): 2326–2335. <https://doi.org/10.1002/aur.3033>
- Tanner A., Dounavi K. (2021). The emergence of autism symptoms prior to 18 months of age: A systematic literature review. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 51 (3): 973–993. <https://doi.org/10.1007/s10803-020-04618-w>
- Thompson L., Gillberg C., Landberg S., Kantzer A. K., Miniscalco C., Barnevik Olsson M., Eriksson M. A., Fernell E. (2019). Autism with and without regression: A two-year prospective longitudinal study in two population-derived Swedish cohorts. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 49 (6): 2281–2290. <https://doi.org/10.1007/s10803-018-03871-4>
- Tian J., Gao X., Yang L. (2022). Repetitive restricted behaviors in autism spectrum disorder: From mechanism to development of therapeutics. *Frontiers in Neuroscience*, 16: 780407. <https://doi.org/10.3389/fnins.2022.780407>
- Wang X., Auyeung B., Pan N., Lin L. Z., Chen Q., Chen J. J., Liu S. Yu., Dai M. X., Gong J. H., Li X. H., Jing J. (2022). Empathy, theory of mind, and prosocial behaviors in autistic children. *Frontiers in Psychiatry*, 13: 844578. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.844578>
- Xie F., Pascual E., Oakley T. (2023). Functional echolalia in autism speech: Verbal formulae and repeated prior utterances as communicative and cognitive strategies. *Frontiers in Psychology*, 14: 1010615. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1010615>
- Zain E., Fukui N., Watanabe Yu., Hashijiri K., Motegi T., Ogawa M., Egawa J., Nishijima K., Someya T. (2023). The three-factor structure of the Autism-Spectrum Quotient Japanese version in pregnant women. *Frontiers in Psychiatry*, 14: 1275043. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2023.1275043>
- Zhao H., Mao X., Zhu C., Zou X., Peng F., Yang W., Li B., Li G., Ge T., Cui R. (2022). GABAergic system dysfunction in autism spectrum disorders. *Frontiers in Cell and Developmental Biology*, 9: 781327. <https://doi.org/10.3389/fcell.2021.781327>

Received: September 26, 2024

Accepted: February 27, 2025

Authors' information:

Andrey D. Nasledov — PhD in Psychology, Associate Professor;

<https://orcid.org/0000-0003-4687-3184>, a.nasledov@spbu.ru

Lubov O. Tkacheva — PhD in Psychology, Associate Professor;

<https://orcid.org/0000-0002-9822-1914>, l.tkachewa@spbu.ru

Sergey A. Miroshnikov — PhD in Psychology; <https://orcid.org/0000-0001-7079-0624>, sergeyamir@gmail.com

Yekaterina O. Pakhomova — Postgraduate Student; <https://orcid.org/0009-0009-2714-8885>, st096418@student.spbu.ru

Oksana V. Zashchirinskaia — Dr. Sci. in Psychology, Associate Professor;

<https://orcid.org/0000-0002-2666-3529>, zaoks@mail.ru

Факторы, влияющие на материнское отношение к детям дошкольного возраста с интеллектуальными нарушениями: результаты пилотного исследования

М. А. Родина^{1а}, М. Е. Блох^{1,2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

² Научно-исследовательский институт акушерства, гинекологии и репродуктологии им. Д. О. Отта,

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 3

Для цитирования: Родина М. А., Блох М. Е. Факторы, влияющие на материнское отношение к детям дошкольного возраста с интеллектуальными нарушениями: результаты пилотного исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 2. С. 240–252. EDN RHMUKZ

В статье представлены результаты пилотного исследования факторов материнского отношения к детям дошкольного возраста с диагнозами «задержка психического развития» и «умственная отсталость», а также нейротипично развивающимся детям. Цель исследования: анализ психологических особенностей матери и ребенка с целью выявления ключевых факторов, влияющих на формирование материнского отношения. Исследование проводилось на базе компенсирующего и общеобразовательных детских садов. В исследовании приняли участие 34 матери: 18 матерей детей с интеллектуальными нарушениями, составляющих основную группу, и 16 матерей нейротипичных детей, включенных в группу сравнения. Средний возраст матерей — 36,2 лет, средний возраст детей — 4,8 года. Полученные данные свидетельствуют, что именно поведенческие характеристики ребенка (враждебные паттерны поведения, симптомы тревоги, социальной девиации, когнитивных дисфункций) и общее психоэмоциональное состояние матери (наличие депрессивных симптомов, напряжение в социальных контактах, уровень нейротизма, степень уверенности в себе и своей силе, устойчивости к стрессовым нагрузкам) существенно влияют на формирование ее отношений с детьми. Так, мамы особенных детей проявляют более высокую склонность защищать своих детей и более высокий уровень контроля по сравнению с матерями нейротипичных детей, а также транслируют сниженный уровень оценки собственного ребенка. Однако необходимы дальнейшие исследования для полного понимания этой взаимосвязи.

Ключевые слова: материнское отношение, дети дошкольного возраста, задержка психического развития, умственная отсталость.

Введение

Материнское отношение — это сложное, системно организованное качество поведения матери, являющееся результатом взаимодействия многочисленных мотивационных отношений (Poulsen et al., 2018). Л. Е. Сокол описывает его как убеждения и оценки женщины в отношении материнства (Sokol, Battle, 2015),

---

^а Автор для корреспонденции.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

а Дж. Силинскас — как эмоциональную связь и теплоту, которые мать проявляет по отношению к своему ребенку (Silinskas et al., 2020). Последнее определение стремится раскрыть материнское отношение через обращение к другому термину, активно используемому в зарубежных исследованиях, — материнской привязанности как устойчивой внутренней репрезентации отношения матери к ребенку, включающей в себя склонность и стремление к поиску близости с ним.

В зарубежной и отечественной психологии изучаются различные факторы, оказывающие влияние на становление и развитие материнского отношения, на его характер и качество. Материнское отношение выражается в психологической связи матери и ребенка, в действиях, реакциях и переживаниях, формирующихся под влиянием культурных моделей материнского поведения, собственной жизненной истории матери, личностных и психологических особенностей матери и ребенка (Степина, Картукова, 2021). Чувства матери по отношению к собственной беременности и беременности в целом, к процессу воспитания, к специфическим особенностям ребенка, а также отношение к собственной социальной роли, которая появляется при рождении ребенка, составляют эмоциональный компонент, который так же влияет на формирование психофизического и психоэмоционального состояния сына или дочери, как и когнитивные установки в отношении перечисленных феноменов и потенциальные поведенческие реакции матери (Шурухина и др., 2020). Огромную роль в формировании материнского отношения играют взаимоотношения матери с окружающими людьми, наличие поддержки с их стороны, качество отношений с супругом или партнером (Poulsen et al., 2018), психологические особенности женщины (характерологические показатели, адаптационный потенциал, уровень самооценки и невротизации и др. (Арбатская, Устинова, 2017), уровень текущего стресса (Дьячкова, Баяндина, 2021), установки относительно родительства, эмоциональное переживание беременности, опыт взаимодействия с собственной матерью (Jacob et al., 2021).

Матери детей с любым типом нарушения развития имеют риск формирования эмоциональных расстройств, так как семья, в которой родился такой ребенок, находится в психотравмирующей ситуации. Нарушения психического здоровья и развития детей непосредственно влияют на качество жизни матерей, которые испытывают больше проблем с собственным физическим и ментальным состоянием в связи со сложившейся ситуацией и отношением к этой ситуации окружающих, при сравнении с матерями нейротипичных детей (Fereidouni et al., 2021). Матери могут считать себя неполноценными из-за интернализованного стыда и вины, отсутствия понимания со стороны близких. Психологические защиты не предохраняют мать от тревожности, но способствуют гипохондрозии в случае наличия у ребенка неврологической патологии (Валитова, 2021). Исследования показывают, что матери детей с ограниченными интеллектуальными возможностями могут испытывать эмоциональную вовлеченность, поддерживать оптимальный эмоциональный контакт, чрезмерно опекать и эмоционально дистанцироваться от ребенка (Batool, Khan, 2018). Кроме того, родительский опыт включает в себя сожаление по поводу несвоевременной постановки диагноза, трудности с адаптацией, пристальное внимание общества, семейные конфликты, усталость и принятие инвалидности своих детей (Fitriyah, 2020). При этом принятие ребенка со стороны матери варьируется в зависимости от качества и степени нарушения здоровья ребенка

вне зависимости от пола ребенка, его возраста, количества детей в семье, уровня дохода семьи, возраста матери и ее уровня образования (Zembat, Yıldız, 2010). Отнесение диагноза ребенка к определенной нозологической группе также имеет влияние на материнское отношение; при различных нозологиях могут меняться такие факторы, как эмоциональные реакции и понимание поведения ребенка матерью, а также общественные убеждения относительно имеющегося заболевания. Негативно окрашенное воспитание со стороны матери с элементами враждебности, пренебрежения и холодности может напрямую зависеть от поведенческих проявлений темперамента ребенка, включая его негативно окрашенную аффективность и жестокость (Garon-Carrier et al., 2022).

Таким образом, особенности здоровья ребенка выступают фактором, оказывающим значительное влияние на материнское отношение. Тип и тяжесть заболевания, его продолжительность, доступность медицинской помощи и социальной поддержки, а также личностные особенности матери являются значимыми факторами, участвующими в формировании материнского отношения к ребенку. Необходимость дополнительного ухода и медицинской помощи может приводить к чувству постоянного напряжения и усталости у матерей, что может влиять на их эмоциональное состояние и способность уделять внимание другим аспектам жизни. Связанные с заболеванием ограничения социальной жизни как матери, так и ребенка могут также создавать дополнительные трудности в установлении близких отношений внутри диады.

Воспитание особенного ребенка оказывает влияние на функционирование личности и семьи и может усугубляться особенностями и поведением, связанными с расстройством ребенка (Sokol, Battle, 2015). Материнское отношение к детям с задержкой интеллектуального развития подвержено воздействию огромного количества факторов, включая социокультурные, психологические, биологические и индивидуальные особенности как матери, так и ребенка.

Цель данного исследования: изучить психологические характеристики матери и ребенка, выделив наиболее значимые факторы, участвующие в формировании материнского отношения.

Гипотеза исследования: психологические характеристики детей с интеллектуальными нарушениями (тревожность, социальная отчужденность, когнитивные дисфункции, возможные враждебные паттерны поведения), а также психоэмоциональное состояние матерей (уровень нейротизма, выраженность депрессивных симптомов, напряжение в социальных контактах) оказывают значительное влияние на формирование материнского отношения, которое проявляется в повышенном уровне контроля и сниженной оценке собственного ребенка по сравнению с отношением матерей нейротипичных детей.

Выборка и методы

В статье представлены результаты пилотного исследования, проведенного в период с февраля по май 2024 г. на базе ГБДОУ № 80 компенсирующего вида и районного методического объединения Калининского района Санкт-Петербурга, очно и онлайн с использованием программного обеспечения для администрирования опросов — Google Forms.

Выборку пилотного этапа исследования составляют 34 пары-диады: 18 пар матерей детей с интеллектуальными нарушениями (группа М1), а также 16 пар матерей нейротипичных детей (группа М2). Средний возраст матерей в группе М1—37,5 + 3,6 (31–45) лет, в группе М2—34,5 + 6,8 (27–48) лет. Семейное положение: 2 (11 %) матери детей с интеллектуальными нарушениями находятся в разводе, остальные (89 %) — в браке; все матери нейротипичных детей находятся в браке. Средний возраст детей — 4,8 + 1,3 (3–6) лет. Половое распределение: в группе детей с интеллектуальными нарушениями — 11 (61 %) мальчиков, 7 (39 %) девочек; в группе нейротипичных детей — мальчиков и девочек поровну (50 % / 50 %).

Основной диагноз у 6 детей из выборки — умственная отсталость, у 12 — задержка психического (или психоречевого) развития. С момента постановки диагноза в среднем прошло 2,8 + 1,3 года. Сопутствующими заболеваниями среди детей с интеллектуальными нарушениями выступали: гемиатрофия левого полушария — 1 случай (5 % от группы), эпилепсия — 1 (5 %), ТНР (тяжелое нарушение речи) — 1 (5 %) и СДВГ (синдром дефицита внимания и гиперактивности) — 1 (5 %), резидуальная энцефалопатия — 1 (5 %). 50 % матерей особенных детей имели осложнения течения беременности и родов, такие как: токсикоз — 1 случай (5 %), фетоплацентарная недостаточность — 2 (11 %), угроза прерывания беременности — 1 (5 %), герпетическая инфекция — 1 (5 %), преэклампсия — 1 (5 %), стрессы во время беременности — 4 (22 %); преждевременные роды — 2 (11 %), экстренное кесарево сечение (ЭКС) — 2 (11 %), асфиксия/гипоксия плода в родах — 4 (22 %). Также среди возможных факторов, повлиявших на развитие ребенка, матери отмечают пройденные ею самой курсы химиотерапии и лучевой терапии (при онкологии) за 4 года до беременности — 1 случай (5 %), случаи медицинской ошибки при родах и в первые моменты после рождения ребенка — 2 (11 %), цитомегаловирус — 2 (5 %), апноэ в первый месяц рождения — 1 (5 %), тяжелая реакция на прививку АКДС — 1 (5 %). 25 % матерей нейротипичных детей имели осложнения течения беременности: гестационный сахарный диабет — 2 случая (12,5 %), угроза прерывания — 2 (12,5 %), аппендицит на 38-й неделе беременности — 1 (6 %), стрессы во время беременности — 1 (6 %). В 75 % случаев беременность протекала без осложнений.

Методы: анкета для получения данных о демографических характеристиках матери и ребенка (возраст ребенка и матери, пол ребенка, семейное положение матери), а также данных о наличии у ребенка диагноза, дате его постановки, особенно протекания беременности и родов; биографический опросник (Biographisches Inventar zur Diagnose von Verhaltensstoerungen, BIV; адаптация В. А. Чикер (Чикер, 2006)); Шкала депрессии А. Т. Бека (Beck Depression Inventory, BDI; (Beck et al., 1961)); Тест отношений беременной (Добряков, 2010), адаптированный для ретроспективной оценки; Тест семантического дифференциала Ч. Осгуда с использованием определений «Я-мать» и «Мой ребенок» (Осгуд и др., 1972); Тест-опросник родительского отношения (авторы А. Я. Варга и В. В. Столин (Варга, 1988)); проверочный лист поведения детей от 4 до 15 лет (Child Behavior Checklist, CBCL), адаптированный для оценки родителем (Дмитриев и др., 2010).

Обработка данных проводилась с использованием программы STATISTICA, версия 10. Использованы факторный анализ, а также корреляционный анализ с использованием корреляционных матриц.

Результаты

Средние результаты по шкалам биографического опросника в обеих группах относятся к средним значениям, при этом найдено статистически значимое (при $p \leq 0,05$) отличие между группами по фактору «социальное положение», который описывает качество межличностного социального взаимодействия: в группе М1 этот показатель выше (7,1 + 1,3 против 6,0 + 1,8 в группе М2), что указывает на более выраженное напряжение в личных и социальных ситуациях и трудности социальной адаптации.

Результаты оценки шкалы депрессии Бека продемонстрировали наличие депрессивных симптомов в группе М1 у 44,4 % (8 матерей из 18), при этом у 5 матерей — субдепрессия, у 1 — умеренная депрессия, у 2 — выраженная (средней степени тяжести) депрессия. В группе М2 25 % (4 матери из 16) также имеют депрессивные переживания (у 2 — субдепрессия, у 2 — умеренная депрессия).

Результаты опросника родительского отношения показали в обеих группах высокие значения шкалы «принятие — отвержение», низкие значения шкал «контроль» и «отношение к неудачам», средние значения шкал «кооперация» и «симбиоз». При этом в группе М1 степень эмоционального принятия ребенка (25,9 + 4,8) и вероятность прибегания к кооперативному стилю воспитания (6,05 + 0,9) достоверно ниже (при $p \leq 0,05$), чем в группе М2 (28,7 + 2,3 и 6,7 + 0,4 соответственно). Внутри М1 матери детей с диагнозом «умственная отсталость» демонстрируют достоверно (при $p \leq 0,04$) более низкие значения принятия ребенка, чем матери детей с диагнозом «задержка психического развития» (22,6 + 6,5 и 27,6 + 2,8 соответственно), а также более высокие значения симбиоза (5,5 + 1,4 и 3,6 + 1,6 соответственно) и контроля (4 + 1,1 и 2,2 + 0,9 соответственно).

Опросник CBCL позволяет оценить выраженность поведенческих проблем у ребенка. Критических и пограничных значений по средним значениям в группах исследования при сравнении их со статистическими нормами обнаружено не было. При этом средние значения выраженности поведенческих проблем в группе М1 статистически значимо выше, чем в группе М2 по нескольким шкалам (табл. 1).

При анализе ретроспективной оценки отношений беременной в М1 22 % (4 матери), а в М2 — 31 % матерей демонстрируют оптимальный тип гестационной

Таблица 1. Сравнение средних значений по шкалам опросника CBCL

Параметр	Группа М1		Группа М2		<i>p</i>
	М	SD	М	SD	
Тревожность	5,9	3,99	2,7	1,98	0,008
Нарушения социализации	5,4	2,43	1,9	1,75	0,000
Проблемы мышления	1,8	1,34	0,9	1	0,036
Проблемы с вниманием	13,3	5,71	6,1	4,31	0,000
Агрессия	10,5	6,92	5,1	4,74	0,013
Внутренние проблемы	10,4	6,89	4,6	2,48	0,003
Внешние проблемы	12,4	8,33	6	5,4	0,013

доминанты, остальные респонденты — смешанный; при качественном анализе обращает на себя внимание, что в группе М1 в два раза чаще, чем в М2, встречаются гипогестогнозический и депрессивный компоненты в структуре смешанного типа, что может свидетельствовать о недооценке значимости и важности изменений в связи с появлением ребенка и, возможно, о наличии депрессивной и/или тревожной симптоматики уже на этапе беременности.

Результаты теста семантического дифференциала указывают на высокое среднее значение совокупных оценок как определения «Я-мать» ($MM_2 = 2,5 + 0,5$, $MM_1 = 2,3 + 0,7$), так и «мой ребенок» ($MM_2 = 2,9 + 0,1$; $MM_1 = 2,9 + 0,3$). При этом значения фактора оценки определения «Я-мать» достоверно выше (при $p < 0,05$) в группе М2 ($2,1 + 0,9$), чем в группе М1 ($2,0 + 0,9$). Значения фактора силы ниже в М2 ($MM_2 = 2,1 + 0,8$ против $MM_1 = 2,1 + 0,7$). Фактор активности не имеет значительных отличий. Значение фактора оценки определения «мой ребенок» в группе М2 выше, чем в группе М1 ($2,6 + 0,3$ против $2,5 + 0,3$) при $p < 0,05$. Значения фактора активности и силы не имеют статистически значимых различий.

При анализе корреляционных связей в группе М1 выявлены положительные взаимосвязи между показателем уровня депрессии и шкалами «сила я» ($R = 0,78$ при $p \leq 0,01$), «нейротизм» ($R = 0,72$ при $p \leq 0,01$), «психофизическая конституция» ($R = 0,72$ при $p \leq 0,01$), «социальное положение» ($R = 0,56$ при $p \leq 0,05$), «социальная активность» ($R = 0,54$ при $p \leq 0,05$), то есть чем больше неуверенность, эмоциональная лабильность, неустойчивость к стрессам, напряженность в социальных ситуациях и коммуникации у матерей детей с интеллектуальными нарушениями, тем выше значения у них депрессивных переживаний. В группе М2 также выявлены корреляции, но менее сильные между показателем уровня депрессии и шкалами «сила я» ($R = 0,58$ при $p \leq 0,05$), «нейротизм» ($R = 0,72$ при $p \leq 0,05$), «психофизическая конституция» ($R = 0,78$ при $p \leq 0,01$), «социальное положение» ($R = 0,67$ при $p \leq 0,05$), «социальная активность» ($R = 0,51$ при $p \leq 0,05$), «семейная ситуация» ($R = 0,54$ при $p \leq 0,05$), то есть чем больше неуверенность, эмоциональная лабильность, неустойчивость к стрессам, напряженность в социальных ситуациях и коммуникации у матерей нейротипичных детей, чем более неудовлетворительными они считают свои взаимоотношения с родителями, тем выше значения у них депрессивных симптомов. Также в общей выборке найдена значимая корреляция между депрессивным состоянием матери и показателем «делинквентное поведение» в оценке ее ребенка ($R = 0,35$ при $p \leq 0,05$) и отрицательная связь с собственной оценкой себя как матери в тесте «Семантический дифференциал» ($R = -0,81$, $p \leq 0,05$).

Само наличие диагноза имеет достоверную положительную корреляцию (при $p \leq 0,05$) со следующими показателями оценки матерью своего ребенка: тревожность ($R = 0,45$ при $p \leq 0,008$), нарушения социализации ($R = 0,65$ при $p \leq 0,001$), проблемы с вниманием ($R = 0,59$ при $p \leq 0,001$) и мышлением ($R = 0,36$ при $p \leq 0,036$), агрессией ($R = 0,42$ при $p \leq 0,013$).

Статистически значимая отрицательная корреляция была найдена между показателем выраженности замкнутости в поведении ребенка и показателем выраженности кооперации в материнской диаде ($R = -0,44$ при $p \leq 0,01$). Также была выявлена корреляция между показателем тревожности ребенка ($R = 0,44$ при $p \leq 0,01$), уровнем нарушения его социализации ($R = 0,34$ при $p \leq 0,05$), проблем с вниманием

($R = 0,34$ при $p \leq 0,05$), уровнем агрессии ($R = 0,35$ при $p \leq 0,05$) и показателем отношения родителя к неудачам своего ребенка, что можно интерпретировать как более критичное отношение к результатам ребенка при более высоком показателе его тревожности, агрессивном поведении, трудной социальной адаптации и проблем с вниманием. Также сниженная адаптация и проблемы с вниманием положительно коррелируют с уровнем контроля в диаде ($R = 0,36$ при $p \leq 0,05$ и $R = 0,4$ при $p \leq 0,02$ соответственно). Значимая отрицательная корреляция между родительским принятием и уровнем выраженности проблем с вниманием у ребенка ($R = -0,4$, $p \leq 0,03$).

Анализ возможных корреляций между показателями опросника отношений беременной и результатами других методик показал следующее. Найдена статистически значимая корреляция психологического компонента тревожной гестационной доминанты с наличием диагноза у ребенка ($R = 0,68$ при $p \leq 0,01$); с личностной чертой ребенка — тревожностью ($R = 0,51$, при $p \leq 0,05$; шкала CBCL); с напряжением у матери в процессе установления личных и социальных контактов ($R = 0,54$, при $p \leq 0,05$); с показателем у матери экстраверсии ($R = -0,49$ при $p \leq 0,05$); а также с некоторыми шкалами опросника родительского отношения — «симбиоз» ($R = 0,51$ при $p \leq 0,05$) и «контроль» ($R = 0,62$ при $p \leq 0,05$); на этом фоне менее поощряется самостоятельность ребенка (R шкалы «кооперация» = $-0,57$ при $p \leq 0,05$) и снижается интерес матери к стремлениям ребенка (R шкалы «отношение к неудачам» = $0,73$ при $p \leq 0,01$).

С помощью факторного анализа полученных данных (метод главных компонент, вращение — нормализованный варимакс; табл. 2) было выделено два фактора.

Таблица 2. Результаты факторного анализа

Показатели	Факторы	
	1	2
Наличие диагноза у ребенка	0,78	-0,09
Тревожность ребенка	0,77	-0,01
Нарушения социализации ребенка	0,87	0,14
Проблемы с вниманием у ребенка	0,83	0,2
Проявление агрессии в поведении ребенка	0,75	0,04
Внутренние проблемы (вкл. тревожность)	0,81	0,04
Внешние проблемы (вкл. агрессию)	0,72	0,06
Выраженность депрессии у матери	0,09	0,85
Оценка «Я-мама»	-0,03	-0,72
Сила Я матери	-0,07	0,84
Нейротизм матери	0,38	0,79
Психофизическая конституция матери	0,11	0,87
Общая дисперсия	7,91	7,72
Общая доля	0,21	0,2

Первый фактор получил название «характеристики ребенка»; наиболее чувствительные к этому фактору переменные — наличие у него диагноза, тревожность, возможные нарушения его социализации, элементы агрессивного поведения, проблемы со вниманием. Можно утверждать, что данный фактор выделяется в базе полученных показателей как ведущий.

Второй фактор можно назвать «характеристиками матери». Среди чувствительных к фактору переменных выделяются: «сила Я», «нейротизм», «психофизическая конституция», показатель выраженности депрессии, а также оценка респонденткой определения «Я-мать».

Обсуждение результатов

Психозэмоциональное состояние матерей. Результаты исследования показали, что в группе М1 матери испытывают депрессивные симптомы чаще, чем матери в группе М2; при этом в первой группе присутствуют случаи выраженной депрессии (средней степени тяжести), во второй группе таких случаев не зафиксировано. Также у матерей детей с интеллектуальными нарушениями (при сравнении с группой М2) более выражено напряжение в ситуациях установления и поддержки социальных контактов, что также положительно коррелирует с уровнем эмоционального состояния матери. Также результатами исследования подтверждается взаимосвязь между общим эмоциональным состоянием матери и уровнем ее нейротизма, уверенности в себе и устойчивости к стрессовым нагрузкам, что соответствует результатам ранее проведенных исследований (Валитова, 2021; Fitrtiyah, 2020; Lee, 2020; Jones et al., 2015). Характеристики матери формируют второй блок выделенных в исследовании переменных, задающих общий характер реализации материнского отношения.

Характеристики детей. Нозологические характеристики детей с интеллектуальными нарушениями имеют большое значение для психозэмоционального состояния матерей. Установлено, что в М1 более выражены враждебные паттерны поведения и симптомы тревоги у детей. В дополнение к этому в этой группе обнаружены симптомы социальной девиации и когнитивных дисфункций (проблемы с вниманием и мышлением). Эти результаты согласуются с данными других исследований, которые также показали, что дети с интеллектуальными нарушениями имеют более высокий уровень тревожности и проблем с вниманием (Jacob et al., 2021).

Отношения матерей с детьми. По результатам исследования, характеристики ребенка выступают ведущим фактором, влияющим на реализацию материнского отношения. Так, уровень эмоционального принятия ребенка коррелирует с наличием диагноза — в группе М1 уровень принятия ниже, чем в группе М2. Зафиксирована менее выраженная склонность к сотрудничеству у матерей в группе М1, снижение автономии ребенка; особенно это отражено в подгруппе детей с умственной отсталостью. На сотрудничество в актуальных диадах значительно влияет такая поведенческая характеристика ребенка, как замкнутость — между показателями отрицательная корреляция, то есть при значительном проявлении в поведении ребенка изолированности кооперация в диаде будет снижена.

Усложнение диагноза, снижение интеллектуального уровня ребенка и рост проявлений в его поведении элементов дезадаптации и дефицита внимания ведут

к большему проявлению контроля в детско-родительских отношениях, а также к сокращению дистанции между матерью и ребенком. Эти результаты соответствуют предыдущим исследованиям, подтверждающим, что матери детей с особыми потребностями проявляют более защитное отношение и более высокий уровень контроля (Batool, Khan, 2018). Такое поведение более присуще матерям, которые имели тенденцию к тревожному гестационному паттерну. Тревожное отношение матери в момент беременности также коррелирует с тревожным состоянием ребенка в дошкольном возрасте. Обнаруженные гипогестогнозический и депрессивный компоненты общего отношения матери к беременности, чаще встречаемые в группе М1, указывают на необходимость более тщательного мониторинга и поддержки психологического состояния беременных женщин, особенно матерей особенных детей, так как нестабильное эмоциональное состояние может служить причиной развития более тяжелых эмоциональных нарушений матери, что также будет отражаться на ее отношении к ребенку.

Утверждение, что наличие диагноза и сопровождающие его поведенческие особенности имеют влияние на материнское отношение, подтверждается ранее проведенными исследованиями. Так, само наличие диагноза провоцирует изменения в межличностных взаимоотношениях в диаде, а также формирует сниженный эмоциональный фон матери (Fereidouni et al., 2021; Zembat, Yıldız, 2010). Нами была зафиксирована корреляция между уровнями выраженности депрессивных симптомов у матери и девиантного поведения ребенка. Выраженная тревожность в поведении ребенка, его социальная дезадаптация и агрессивное поведение (а также делинквентность поступков) выступают факторами изменений в материнском отношении, что подтверждается исследованиями других авторов (Garon-Carrier et al., 2022).

По совокупному показателю Теста семантического дифференциала высоко оценивают себя и ребенка матери обеих выделенных групп, при этом результаты указывают на то, что матери нейротипичных детей по фактору «оценка» указывают значения выше, чем матери из группы М2. Однако значения в группе М1 по фактору силы ниже, чем в группе М2, что может указывать на более негативное восприятие и оценку детей. Наличие различий в оценках указывает на то, что матери нейротипичных и особенных детей по-разному воспринимают себя и своих детей, что может иметь важные психологические и социальные последствия для реализации материнского отношения.

Заключение

Факторный анализ продемонстрировал возможности сужения количества переменных, однако стоит отметить, что данные результаты не являются окончательными из-за ограниченного количества респондентов. На данном этапе исследования мы можем утверждать, что именно поведенческие характеристики ребенка в их связи с нозологическим статусом имеют решающее влияние на качество материнского отношения. Значимым фактором являются и характеристики матери, включая как личностные черты, так и ситуативные состояния. Под вопросом остается возможное влияние на реализацию материнского отношения перцепции матерью актуальной беременности в этот период, а также ее взаимоотношения с окружающими, включая супружеские отношения.

Таким образом, результаты пилотного исследования факторов материнского отношения к детям с интеллектуальными нарушениями дошкольного возраста подтверждают предположение о взаимосвязи регистрируемых нами переменных — характеристик матери и ребенка — и их влиянии на реализацию материнского поведения. В дальнейшем мы расширим выборку респондентов, сделаем упор на углубленное изучение выделенных на данном этапе факторов, влияющих на рассматриваемый феномен, а также уточним влияние других факторов, которые не были раскрыты в ходе проведенного исследования, что будет важно для дальнейшего понимания и поддержки изучаемых нами детей и их семей.

Ограничения

Необходимо отметить, что данное исследование имеет свои ограничения. В частности, использовалась относительно небольшая выборка, что может ограничивать обобщение результатов.

Литература

- Арбатская К. И., Устинова Н. А. Психологические особенности семей, воспитывающих ребенка с особыми образовательными потребностями // Педагогическое образование в России. 2017. № 8. С. 85–89.
- Валитова И. Е. Материнское отношение к болезни ребенка раннего возраста (на примере неврологической патологии) // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2021. Т. 12, № 3. С. 554–565.
- Варга А. Я. Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы / под ред. А. Я. Варги, В. В. Столина. М.: МГУ, 1988.
- Дмитриев М. Г., Белов В. Г., Парфенов Ю. А. Психолого-педагогическая диагностика делинквентного поведения у трудных подростков. СПб.: Пони, 2010.
- Добряков И. В. Перинатальная психология. СПб.: Питер, 2010.
- Дьячкова Е. С., Баяндина Т. В. Психологические особенности матерей, воспитывающих детей с ОВЗ и инвалидностью // Медицинская психология в России. 2021. Т. 13, № 3. С. 8.
- Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствометрия / под ред. Ю. М. Лотмана, В. М. Петрова. М.: Мир, 1972. С. 278–297.
- Степина Н. В., Картукова Т. Н. Материнское отношение к детям с нарушениями в развитии // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 73-2. С. 217–220.
- Чикер В. А. Психологическая диагностика организации и персонала. СПб.: Речь, 2006.
- Шурухина Г. А., Самигуллин Р. Р., Габдрахманова А. А. Особенности эмоционального интеллекта матерей, имеющих детей с ограниченными возможностями здоровья // Психолого-педагогический поиск. 2020. № 4 (56). С. 108–116.
- Batool H., Khan A. An analysis of attitude of parents towards children with intellectual disability // Journal of Early Childhood Care and Education. 2018. Vol. 2. P. 21–34.
- Beck A. T., Ward C. H., Mendelson M., Mock J., Erbaugh J. An inventory for measuring depression // Archives of General Psychiatry. 1961. Vol. 4, no. 6. P. 561–571.
- Fereidouni Z., Kamyab A. H., Dehghan A., Khiyali Z., Ziapour A., Mehedi N., Toghrol R. A comparative study on the quality of life and resilience of mothers with disabled and neurotypically developing children in Iran // Heliyon. 2021. Vol. 7, no. 6. Art. e07285. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e07285>
- Fitriyah A. [Abstract] Ibu dan Politik Pengasuhan Anak Penyandang Disabilitas Intelektual // INKLUSI. 2020. Vol. 7. P. 71. <https://doi.org/10.14421/ijds.070104>
- Garon-Carrier G., Pascuzzo K., Gaudreau W., Lemelin J-P., Déry M. Maternal functioning and child's externalizing problems: Temperament and sex-based driven effects // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. Art. e874733. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.874733>

- Jacob U.S., Pillay J., Oyefeso E. O. Attention span of children with mild intellectual disability: Does music therapy and pictorial illustration play any significant role? // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Art. e677703. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.677703>
- Jones J.D., Cassidy J., Shaver P.R. Adult attachment style and parenting // J.A. Simpson, W.S. Rholes (eds). *Attachment Theory and Research: New directions and emerging themes*. New York: Guilford Press, 2015. P. 234–260.
- Lee J.H. Effectiveness of group art therapy for mothers of children with disabilities // *The Arts in Psychotherapy*. 2020. Vol. 73, no. 3. Art. e101754. <https://doi.org/10.1016/j.aip.2020.101754>
- Poulsen H., Hazen N., Jacobvitz D. Parents' prenatal joint attachment representations and early caregiving: the indirect role of prenatal marital affect // *Attachment & Human Development*. 2018. Vol. 21, no. 4. P. 1–19. <https://doi.org/10.1080/14616734.2018.1492003>
- Silinskas G., Kiuru N., Aunola K., Metsäpelto R.-L., Lerkkanen M.-K., Nurmi J.-E. Maternal affection moderates the associations between parenting stress and early adolescents' externalizing and internalizing behavior // *Journal of Early Adolescence*. 2020. Vol. 40, no. 2. P. 221–248. <https://doi.org/10.1177/0272431619833490>
- Sockol L.E., Battle C.L. Maternal attitudes, depression, and anxiety in pregnant and postpartum multiparous women // *Archives of Women's Mental Health*. 2015. Vol. 18, no. 4. P. 585–593. <https://doi.org/10.1007/s00737-015-0511-6>
- Zembat R., Yıldız D. A comparison of acceptance and hopelessness levels of disabled preschool children's mothers // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2010. Vol. 2, no. 2. P. 1457–1461. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2010.03.218>

Статья поступила в редакцию 12 июня 2024 г.;
рекомендована к печати 27 февраля 2025 г.

Контактная информация:

Родина Марьяна Александровна — аспирант; <https://orcid.org/0009-0004-0992-5808>,
st122272@student.spbu.ru

Блох Мария Евгеньевна — канд. мед. наук, доц.; <https://orcid.org/0000-0001-8609-6936>,
blohme@list.ru

Factors influencing maternal attitudes towards preschoolers with intellectual disabilities: Results of a pilot study

M. A. Rodina^{1a}, M. E. Blokh^{1,2}

¹ St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² Scientific Research Institute of Obstetrics, Gynecology and Reproductology named after D. O. Ott,
3, Mendeleevskaya liniya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Rodina M. A., Blokh M. E. Factors influencing maternal attitudes towards preschoolers with intellectual disabilities: Results of a pilot study. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 2, pp. 240–252. EDN RHMUKZ (In Russian)

The article presents the findings of a pilot study on the factors influencing maternal attitudes toward preschool children with special health conditions, such as intellectual disabilities, as well as neurotypically developing children. The purpose of the study is to analyze the psychological characteristics of the mother and child in order to identify the key factors influencing the formation of a maternal attitude. The study was conducted on the basis of compensatory

^a Author for correspondence.

and public kindergartens of Saint Petersburg, Russia. The study involved 34 mothers: 18 mothers of children with intellectual disabilities and 16 mothers of neurotypical children. Demographic data indicated mean ages of 36.2 years for mothers ($SD = 5.47$) and 4.8 ($SD = 1.27$) years for children. The acquired data indicate that it is the behavioral characteristics of the child (hostile patterns of behavior, symptoms of anxiety, social deviance, cognitive dysfunctions) and the general psycho-emotional state of the mother (the presence of depressive symptoms, tension in establishing social contacts, the level of neuroticism and self-confidence and strength, resistance to stress loads) that significantly affect the formation of her relationships with the child. Mothers of children with special needs exhibited a more protective attitude and a higher level of control compared to mothers of neurotypically developing children. Additionally, they demonstrated a lower level of positive evaluation of their child's personality (e. g., in the "my child" assessment). However, further research is required to fully understand this relationship.

Keywords: maternal attitude, preschool children, intellectual disability, neurotypical development, special needs parenting.

References

- Arbatskaya K. I., Ustinova N. A. (2017). Psychological characteristics of families raising a child with special educational needs. *Pedagogical Education in Russia*, 8: 85–89. (In Russian)
- Batool H., Khan A. (2018). An analysis of attitude of parents towards children with intellectual disability. *Journal of Early Childhood Care and Education*, 2: 21–34.
- Beck A. T., Ward C. H., Mendelson M., Mock J., Erbaugh J. (1961). An inventory for measuring depression. *Archives of General Psychiatry*, 4 (6): 561–571.
- Chiker V. A. (2006). *Psychological diagnostics of the organization and personnel*. St. Petersburg, Rech' Publ. (In Russian)
- Dmitriev M. G., Belov V. G., Parfenov Yu. A. (2010). *Psychological and pedagogical diagnostics of delinquent behavior in difficult adolescents*. St. Petersburg, Poni Publ. (In Russian)
- Dobryakov I. V. (2010). *Perinatal psychology*. St. Petersburg, Piter Publ. (In Russian)
- Dyachkova E. S., Bayandina T. V. (2021). Psychological characteristics of mothers carrying out children with disabilities. *Med. psihol. Ross.*, 13 (3): 8. <https://doi.org/10.24412/2219-8245-2021-3-8> (In Russian)
- Fereidouni Z., Kamyab A. H., Dehghan A., Khiyali Z., Ziapour A., Mehedi N., Togholi R. (2021). A comparative study on the quality of life and resilience of mothers with disabled and neurotypically developing children in Iran. *Heliyon*, 7 (6): e07285. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e07285>
- Fitriyah A. (2020). Ibu dan Politik Pengasuhan Anak Penyandang Disabilitas Intelektual. *INKLUSI*, 7: 71. <https://doi.org/10.14421/ijds.070104>
- Garon-Carrier G., Pascuzzo K., Gaudreau W., Lemelin J.-P., Déry M. (2022). Maternal functioning and child's externalizing problems: Temperament and sex-based driven effects. *Frontiers in Psychology*, 13: e874733. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.874733>
- Jacob U. S., Pillay J., Oyefeso E. O. (2021). Attention span of children with mild intellectual disability: Does music therapy and pictorial illustration play any significant role? *Frontiers in Psychology*, 12: e677703. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.677703>
- Jones J. D., Cassidy J., Shaver P. R. (2015). Adult attachment style and parenting. In: J. A. Simpson, W. S. Rholes (eds). *Attachment Theory and Research: New Directions and Emerging Themes* (pp. 234–260). New York, Guilford Press.
- Lee J. H. (2020). Effectiveness of group art therapy for mothers of children with disabilities. *The Arts in Psychotherapy*, 73 (3): e101754. <https://doi.org/10.1016/j.aip.2020.101754>
- Osgood Ch., Susi J., Tannenbaum P. (1972). Application of the semantic differential technique to research on aesthetics and related problems. In: Yu. M. Lotman, V. M. Petrova (eds). *Semiotics and Artometrics*. Moscow, Mir Publ. (In Russian)
- Poulsen H., Hazen N., Jacobvitz D. (2018). Parents' prenatal joint attachment representations and early caregiving: the indirect role of prenatal marital affect. *Attachment & Human Development*, 21 (4), 1–19. <https://doi.org/10.1080/14616734.2018.1492003>

- Shurukhina G. A., Samigullin R. R., Gabdrakhmanova A. A. (2020). Features of emotional intelligence of mothers with children with disabilities. *Psychological and Pedagogical Search*, 4 (56): 108–116. <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.56.4.011> (In Russian)
- Silinskas G., Kiuru N., Aunola K., Metsäpelto R.-L., Lerkkanen M.-K., Nurmi J.-E. (2020). Maternal affection moderates the associations between parenting stress and early adolescents' externalizing and internalizing behavior. *Journal of Early Adolescence*, 40 (2): 221–248. <https://doi.org/10.1177/0272431619833490>
- Sockol L. E., Battle C. L. (2015). Maternal attitudes, depression, and anxiety in pregnant and postpartum multiparous women. *Archives of Women's Mental Health*, 18 (4): 585–593. <https://doi.org/10.1007/s00737-015-0511-6>
- Stepina N. V., Kartukova T. N. (2021). Maternal attitude to children with developmental disabilities. *Problems of Modern Pedagogical Education*, 73-2: 217–220.
- Valitova I. (2021). Maternal attitude to the disease of a young child (on the example of neurological pathology). *Psychiatry, Psychotherapy and Clinical Psychology*, 12 (3), 554–565. <https://doi.org/10.34883/PI.2021.12.3.016>
- Varga A. Ya. (1988). *Workshop on psychodiagnostics. Psychodiagnostic materials*. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press. (In Russian)
- Zembat R., Yıldız D. (2010). A comparison of acceptance and hopelessness levels of disabled preschool children's mothers. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 2 (2), 1457–1461. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2010.03.218>

Received: June 12, 2024

Accepted: February 27, 2025

Authors' information:

Mariana A. Rodina — Postgraduate Student; <https://orcid.org/0009-0004-0992-5808>, st122272@student.spbu.ru

Maria E. Blokh — PhD in Medicine, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0001-8609-6936>, blohme@list.ru

Исследование навыков информационно-психологической безопасности студентов из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в период постопеки*

Е. Ю. Коржова^а, О. Н. Тузова, А. В. Повхова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Для цитирования: Коржова Е. Ю., Тузова О. Н., Повхова А. В. Исследование навыков информационно-психологической безопасности студентов из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в период постопеки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 2. С. 253–266. EDN RPGCIG

В работе представлено эмпирическое исследование особенностей и уровня сформированности когнитивных компонентов навыков информационно-психологической безопасности у студентов из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Данная группа исследования относится к уязвимой категории, что требует создания условий для формирования информационно-психологической безопасности в рамках сопровождения детей-сирот на разных этапах взросления, в том числе в период постопеки. В исследовании приняли участие 240 обучающихся вуза (46 % юношей, 54 % девушек) в возрасте 18–25 лет ($M = 21,99$; $SD = 1,6$). В основную группу исследования вошли 120 студентов из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в период постопеки. Группу сравнения составили 120 студентов, имеющих родителей. Были использованы Пятифакторный опросник осознанности Р. Бэр с соавторами (адаптация Н. М. Юмартовой и Н. В. Гришиной), а также тест-опросник интеллектуальных умений Ю. Ф. Гущина и И. И. Ильасова для выявления уровня критического мышления обучающихся вуза. Для обработки статистических данных использовался статистический пакет STATISTICA версии 10. Для определения статистической значимости различий в независимых выборках применялся U-критерий Манна — Уитни, а для выявления взаимосвязи критического мышления и осознанности — корреляционный анализ ρ Спирмена. Было установлено, что у студентов из основной группы преобладает средний уровень развития таких навыков информационно-психологической безопасности, как осознанность и критичность мышления, при этом средние значения по всем параметрам достоверно ниже, чем в группе сравнения. Выявлена взаимосвязь между уровнем критического мышления и такими компонентами осознанности, как наблюдение, описание и реагирование. Эмпирические результаты свидетельствуют о необходимости формирования когнитивных навыков информационно-психологической безопасности у студентов из числа детей-сирот через внедрение методов развития критического мышления и осведомленности как в учебно-образовательный процесс, так и в социально-воспитательную работу вуза.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00195.

^а Автор для корреспонденции.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

Ключевые слова: сироты, постопекаемые, обучающиеся вуза, навыки информационно-психологической безопасности, осознанность, критическое мышление, информационно-психологическая безопасность.

Введение

Современное информационное пространство насыщено различными информационными поводами, которые могут нанести ущерб психологическому равновесию личности и сформировать деструктивные установки, что ставит вопрос о развитии навыков работы с информацией у современного человека (Быркинов, 2023а). Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, с наибольшей долей вероятности могут стать жертвами информационно-психологического воздействия, поскольку утрата родительского звена приводит к психологической травматизации ребенка, что, в свою очередь, затрудняет социальную адаптацию, повышает неуверенность в себе, формирует чувство неполноценности (Тузова, Кардакова, 2015). Такой личностью легче управлять, манипулировать, оказывать на нее психологическое давление, склонять ее к асоциальным действиям. В то же время обучение в высшей школе требует умения работать с большим количеством информации, что также обуславливает необходимость высокого уровня развития навыков информационно-психологической безопасности (Герцен и др., 2018; Кузнецова, Луговской, 2023; Турдиева, 2019).

В настоящее время информационно-психологическая безопасность изучается как одна из составляющих информационной безопасности (Быркинов, 2023а). В современных исследованиях проблема психологического воздействия на личность в информационной среде рассматривается в контексте поиска защиты от подобного влияния (Быркинов, 2023б; Герцен и др., 2018; Грачев, Мельник, 2013). Поднимаются вопросы цифровой социализации (Солдатова, Войскунский, 2021), рисков и негативных факторов влияния информационных источников, в том числе в интернете, на человека (Вартанова, 2022; Герцен и др., 2018; Ненашев, 2016), изучаются взаимосвязи между культурой и осведомленностью об информационной безопасности (Wiley et al., 2020), затрагиваются этические вопросы информационной культуры общества (Al Hogail, Mirza, 2014; Nasir et al., 2019), описываются различные механизмы для создания безопасной информационно-психологической среды (Смирнов, 2022; Tulakova et al., 2020), предпринимаются попытки решить задачу формирования и развития у обучающихся навыков информационно-психологической безопасности (Байкова, Кравчук, 2023; Рерке и др., 2022). Обеспечение информационно-психологической безопасности также тесно связано с проблемами использования интернета, киберсоциализации молодежи, интернет-зависимости и интернет-мошенничества (Баранова, 2012; Corradini, Nardelli, 2019).

Теоретический анализ литературы демонстрирует широкое разнообразие научных подходов к исследованию информационно-психологической безопасности. В частности, Т.М. Краснянская и В.Г. Тылец выделяют сценарный, темпоральный, ресурсный и компетентностный подходы, которые, по их мнению, обладают «потенциалом пропедевтического и кризисного практико-ориентированного решения проблем информационно-психологической безопасности» (Краснянская, Тылец, 2020, с. 56). Модель данного исследования выстроена в рамках

ресурсно-компетентностного подхода, который позволяет оценить компетентностные возможности личности для обеспечения собственной информационно-психологической безопасности.

В качестве компонентов навыков информационно-психологической безопасности Н. М. Юмартова и Н. В. Гришина выделяют: навыки когнитивной регуляции (критическое мышление), навыки поведенческой и эмоциональной регуляции (комплекс знаний и навыков, помогающих личности осознавать, распознавать свои психические состояния и причины их возникновения), а также осознанность действий, под которой понимается способность действовать не автоматически, то есть недопущение ситуаций, в которых эмоциональные состояния диктуют поведение личности и берут верх над рациональной стороной психики (Юмартова, Гришина, 2016).

В нашей работе акцент делается на изучении когнитивных компонентов навыков информационно-психологической безопасности, которые показывают возможности личности противостоять потенциальным информационным угрозам. К когнитивным компонентам навыков информационно-психологической безопасности мы относим осознанность (способность личности к осознанной фиксации и вербальному выражению внутреннего опыта, к осознанному совершению действий, принятию своих мыслей и эмоций без самоосуждения, сознательный выбор своих реакций) и критическое мышление.

Молодежь, в силу более интенсивного использования медиaprостранства, наиболее подвержена информационному воздействию (Лотова и др., 2021; Ненашев, 2016). В этой связи перед высшей школой встает задача по обеспечению информационно-психологической безопасности студентов. Как отмечают некоторые авторы, в ходе учебного процесса важно уделять внимание развитию критического мышления (Рерке и др., 2022). Умение работать с информацией: анализировать, осмысливать, видеть причинно-следственные связи и т. п. — позволяет не только успешно обучаться, но и создать для себя безопасное информационно-психологическое пространство.

При организации информационно-психологической безопасности в вузе, по нашему мнению, необходимо уделять особое внимание студентам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Данный контингент можно отнести к группе риска в отношении уязвимости перед информационными угрозами по нескольким причинам. Во-первых, это психологические особенности постопекаемых. В частности, С. И. Полозов выявил у детей-сирот в период постопеки такие психологические проблемы, как несформированность социальных умений и навыков, определенную пассивность жизненной позиции, низкую самооценку, высокую импульсивность, рентность установок по отношению к своему статусу, то есть состояние готовности к специфической реакции получения выгоды из своего неблагоприятного положения (Полозов, 2013, с. 293). И. А. Меркуль и В. О. Волчанская обращают внимание на то, что у постопекаемых преобладает «негативное восприятие жизни, негативное восприятие будущего, что приводит к отсутствию его планирования» (Меркуль, Волчанская, 2021, с. 195). Во-вторых, имеют значение психологические особенности жизненной ситуации постопеки и необходимость адаптироваться к ней. В период постопеки наблюдаются проблемы социализации и сепарации постопекаемых, имеют место нарушения в межличностном взаимодействии постопекунов и постопекаемых, у постопекаемых появляется необходимость

оказывать помощь пожилым опекунам (Коржова и др., 2023; Xu et al., 2022; White et al., 2020; Fučík, Janků, 2019). Обозначенные субъективные и объективные факторы влияют на психоэмоциональную устойчивость личности, в связи с чем на нее проще оказать манипулятивное воздействие.

Несмотря на существование большого количества работ по проблемам безопасности, практических рекомендаций по ее обеспечению, в том числе у лиц в период после окончания опеки (постопекаемых), недостаточно. Возникает противоречие между необходимостью обеспечить информационно-психологическую безопасность личности и отсутствием практических и методических разработок, направленных на формирование навыков информационно-психологической безопасности у студентов из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в процессе обучения в вузе.

Предметом исследования выступают навыки информационно-психологической безопасности у студентов из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в период постопеки.

Для выявления необходимости в организации специальных условий для развития навыков информационно-психологической безопасности у студентов из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, были поставлены исследовательские вопросы:

1. Каковы особенности осознанности и уровень развития критического мышления студентов из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей?

2. Существует ли взаимосвязь критического мышления и компонентов осознанности у данной категории студентов?

Выборка исследования

В исследовании приняли участие 240 обучающихся вуза (46 % юношей, 54 % девушек) в возрасте 18–25 лет ($M = 21,99$; $SD = 1,6$). Из них 120 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей из опекунских семей в период постопеки, которые составили основную группу в данном исследовании. В группу сравнения вошли 120 студентов из биологических семей.

Методы

Для изучения навыков информационно-психологической безопасности, к которым относят осознанность и критическое мышление, были использованы две методики:

1. Пятифакторный опросник осознанности Р. Бэр (R. Baer) с соавторами в адаптации Н.М. Юмартовой и Н.В. Гришиной (Юмартова, Гришина, 2016). Назначение методики — выявление сформированности компонентов осознанности: «Наблюдение», «Описание», «Безоценочность», «Осознанность действий», «Нереагирование».

2. Тест-опросник интеллектуальных умений Ю.Ф. Гущина и И.И. Ильасова (Гущин, Ильасов, 2013–2024). Назначение методики — исследование уровня навыков критического мышления обучающихся вуза.

Методы количественной обработки данных: описательная статистика, U-критерий Манна — Уитни, а также корреляционный анализ ρ Спирмена для выявления взаимосвязи критического мышления и осознанности. Для обработки статистических данных использовался статистический пакет STATISTICA версии 10.

Двум группам респондентов были предложены две методики, направленные на выявление навыков информационно-психологической безопасности: осознанности и критического мышления. Затем проведен сравнительный анализ полученных результатов у студентов из основной группы и группы сравнения.

Результаты

Результаты исследования осознанности по опроснику «Пятифакторный опросник осознанности» у студентов из основной группы и группы сравнения, представлены в табл. 1. По каждой шкале можно набрать от 0 до 40 баллов. Результат от 0 до 19 баллов считается низким, результат от 20 до 29 баллов — средним, результат от 30 до 40 баллов считается высоким.

Шкала «Наблюдение» характеризует способность респондентов к фиксации внутреннего опыта, а также испытываемых чувств, ощущений, эмоций, воспринимаемых раздражителей внешнего мира. В рамках оценки навыков информационно-психологической безопасности данная шкала позволяет увидеть способность респондентов к отслеживанию своей реакции в момент осуществления такого воздействия. Полученные результаты свидетельствуют о наличии различий между группами: у студентов из основной группы средний балл (25,25) ниже, чем у студентов из группы сравнения (28,025 баллов). Достоверность различий по всем шкалам представлена в табл. 3.

Шкала «Описание» характеризует способность к вербальному выражению собственного опыта. Применительно к оценке навыков информационно-психологической безопасности эта шкала характеризует умение не только заметить, но и охарактеризовать внутренние переживания, связанные с испытанным информационно-психологическим воздействием. По шкале описания в основной группе средний балл (27,025) также ниже, чем в группе сравнения (30,142), что

Таблица 1. Описательные статистики компонентов осознанности в основной группе и группе сравнения

Компоненты осознанности:	Основная группа (<i>n</i> = 120)				Группа сравнения (<i>n</i> = 120)			
	М	SD	Мо	Ме	М	SD	Мо	Ме
Наблюдение	25,25	5,86	25	25	28,03	5,21	31	28,5
Описание	27,03	5,62	32	27	30,14	6,18	27	30
Безоценочность	24,97	7,26	27	25	26,17	6,95	32	26
Осознанность действий	25,35	5,94	21	26	27,9	7,06	36	29
Нереагирование	21,44	4,25	25	21	21,25	4,87	19	22

Примечание: М — среднее значение, SD — стандартное отклонение, Мо — мода, Ме — медиана.

**Таблица 2. Описательные статистики результатов критического мышления
в основной группе и группе сравнения**

Показатель	Основная группа (n = 120)				Группа сравнения (n = 120)			
	М	SD	Мо	Ме	М	SD	Мо	Ме
Критическое мышление	10,27	4,76	Множе- ственная	12	12,7	3,17	14	13

Примечание: М — среднее значение, SD — стандартное отклонение, Мо — мода, Ме — медиана.

говорит о более низком уровне развития способности к самонаблюдению. Шкала «Безоценочность» характеризует умение принимать любой пережитый внутренний опыт, в том числе негативный, без стремления от него избавиться. Среднеарифметическое значение респондентов обеих групп находится на среднем уровне, как и по шкале «Нереагирование». Результаты по этой шкале демонстрируют умение не заикливаться умственно на пережитом опыте и мыслях, не увлекаться ими, что в контексте исследования показывает, что респонденты склонны фиксироваться в течение долгого времени на эмоциях, возникших в результате испытанного информационно-психологического воздействия.

Шкала «Осознанность действий» характеризует способность совершать действия, осознавая их содержание и смысл. Данная шкала в контексте исследования отражает способность респондентов понимать, какие именно действия они совершают и как они связаны с эмоциями, вызванными ранее испытанным информационно-психологическим воздействием. У студентов из основной группы среднее значение составило 25,35 баллов. У студентов из группы сравнения средний результат 27,9 баллов.

Также всем участникам исследования были предложены задания теста-опросника интеллектуальных умений. Результаты представлены в табл. 2. Максимальное количество баллов, которое могли набрать участники, составляет 20.

Большинство респондентов продемонстрировали средний уровень развитости критического мышления, что соответствует возрастной норме: согласно результатам исследований, развитое критическое мышление способны продемонстрировать в среднем от 30 до 60 % студентов (Турдиева, 2019).

Достоверность различий в уровне осознанности и критического мышления у студентов из основной группы и группы сравнения была подтверждена с помощью U-критерия Манна — Уитни (табл. 3).

Между указанными группами установлены достоверно значимые различия по уровню критического мышления ($U = 5547$ при $p = 0,0021$), а также по таким компонентам осознанности, как наблюдение ($U = 5227,5$ при $p = 0,0002$), описание ($U = 4976$, при $p = 0,00003$) и осознанность действий ($U = 5665,5$ при $p = 0,004$). Студенты из группы сравнения имеют более высокие показатели по этим параметрам.

Анализируя результаты взаимосвязи критического мышления и компонентов осознанности, можно отметить, что у студентов из группы сравнения взаимосвязи по шкалам не выявлены. В основной группе выявлена взаимосвязь между уровнем критического мышления и некоторыми компонентами осознанности (табл. 4).

**Таблица 3. Различия в показателях по методике осознанности
в основной группе и группе сравнения**

Критическое мышление и компоненты осознанности	Сумма рангов в основной группе	Сумма рангов в группе сравнения	U-критерий	Z	Значение p
Критическое мышление	12 807	16 113	5547	-3,073	0,0021
Наблюдение	12 487,5	16 432,5	5227,5	-3,667	0,0002
Описание	12 236	16 684	4976	-4,135	0,00003
Безоценочность	13 770,5	15 149,5	6510,5	-1,281	0,2
Осознанность действий	12 925,5	15 994,5	5665,5	-2,853	0,004
Нереагирование	14 367	14 553	7107	-0,172	0,863

Таблица 4. Взаимосвязь критического мышления и осознанности

Показатель	Компоненты осознанности				
	наблюдение	описание	безоценочность	осознанность действий	нереагирование
Критическое мышление	0,358*	0,227*	0,071	0,097	0,314*

Примечание: * ρ Спирмена ($p \leq 0,05$).

У студентов из основной группы выявлена взаимосвязь между высокими результатами критического мышления с более высокими результатами по таким показателям осознанности, как наблюдение, описание и нереагирование.

Обсуждение результатов

Полученные результаты показали, что студенты из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по многим изучаемым показателям в большинстве случаев демонстрируют более низкие результаты. Это не только осложняет процесс обучения в вузе, но и повышает угрозы информационно-психологической безопасности личности. В качестве таких угроз могут выступать: группы девиантного поведения в сети, виртуализация личности, кибербуллинг, эмоциональные и поведенческие нарушения, материалы, вредящие психическому здоровью, сексуальные домогательства, интернет-зависимость (Баранова, 2012).

Такие компоненты осознанности, как описание и осознанность действий, у респондентов из основной группы развиты значительно ниже, чем у группы сравнения. Студенты из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, затрудняются описывать собственный опыт, что согласуется с исследованиями, направленными на изучение жизненной ситуации опеки и оценки детьми из опекунских семей событийной наполненности. В частности, показано, что детям-сиротам

трудно ответить на вопрос о тех семейных событиях, которые вызывают у них положительные эмоции (Коржова и др., 2019).

Анализ результатов также показал, что большая часть студентов имеет средний уровень развития критического мышления, что подтверждается результатами других авторов. Так, в работе А. З. Минахметовой установлено, что выраженность критического мышления у студентов соответствует среднему уровню, они показывают невысокий уровень умения анализировать информацию и на ее основе делать умозаключения (Минахметова, 2022). Следует отметить, что студенты из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, имеют достоверно более низкий уровень развития критического мышления, чем студенты, имеющие родителей.

В основной группе исследования выявлена взаимосвязь между уровнем критического мышления и некоторыми компонентами осознанности: наблюдением, описанием и нереагированием. Можно констатировать, что более высокий уровень развития критического мышления выявлен у тех студентов из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые умеют фиксировать внутренний опыт, способны отслеживать испытываемые чувства, ощущения, эмоции в момент воздействия на них, могут их дифференцировать и описывать, а также способны не заикливаться на пережитом опыте и мыслях, не увлекаться ими. Ранее проводимые исследования подтверждают, что детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, присуща алекситимия, склонность к возвращению к негативным переживаниям, сложность в принятии опыта (Тузова, Кардакова, 2015; Коржова и др., 2019), что, как показало данное исследование, взаимосвязано с развитием критического мышления.

Выводы

Отвечая на поставленные в данном исследовании вопросы, можно сделать ряд выводов. Уровень развития навыков информационно-психологической безопасности у студентов из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, ниже среднего. Особенности осознанности проявляются в невысокой способности фиксировать внутренний опыт, вербально оценивать свой жизненный опыт. Таким студентам сложнее совершать действия, осознавая их содержание и смысл, тяжело принимать любой пережитый внутренний опыт, в том числе негативный, без стремления от него избавиться. Они склонны к руминации, заикливаются на негативных эмоциях. Студенты из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, имеют более низкие показатели как по всем компонентам осознанности, так и по критическому мышлению, чем студенты, которых воспитывали родители. Установлена взаимосвязь между уровнем критического мышления и компонентами осознанности: чем выше уровень критического мышления, тем выше такие показатели осознанности, как наблюдение, описание и нереагирование.

Вероятно, особенности формирования навыков информационно-психологической безопасности детей-сирот обусловлены спецификой жизненной ситуации, травматичным опытом, отсутствием родителей. В период завершения опеки дети-сироты продолжают нуждаться в социальной и психологической поддержке, в силу не только особой жизненной ситуации, но и ряда возрастных особенностей, таких

как стремление к справедливости, становление собственного мировоззрения. При высокой интенсивности интеллектуальной деятельности они подвержены информационно-психологическому влиянию. Следовательно, именно данная категория лиц в наибольшей степени нуждается в формировании когнитивных навыков информационно-психологической безопасности через внедрение методов развития критического мышления и осведомленности как в учебно-образовательный процесс, так и в социально-воспитательную работу вуза.

Ограничения

Данное исследование об особенностях и уровне сформированности таких когнитивных компонентов информационно-психологической безопасности студентов из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, как осознанность и критическое мышление, носит констатирующий характер.

Однако информационно-психологическая безопасность личности, помимо когнитивных компонентов, включает в себя:

- личностные компоненты, например, способы психологической защиты от деструктивного влияния информационной среды и иные ресурсы личности;
- эмоциональные компоненты, такие как саморегуляция;
- операциональные компоненты, к которым можно отнести информационную компетентность и т. п.

Исследование данных аспектов позволит существенно расширить понимание механизмов обеспечения информационно-психологической безопасности студентов вуза и в частности студентов из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, как наиболее уязвимой категории молодежи.

Полученные эмпирические данные не позволяют конкретизировать причины более низких результатов у студентов из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по сравнению со студентами, воспитываемыми родителями, но ведут к формулированию гипотез об источниках формирования критического мышления и осознанности, что требует дальнейшего исследования. Возникает необходимость исследовать влияние детско-родительских отношений и особенностей жизненного пути на формирование навыков информационно-психологической безопасности.

Открытым остается вопрос о взаимосвязях компонентов осознанности и критического мышления, что может являться перспективой дальнейшего исследования.

Литература

- Баранова Ю. М. К вопросу об информационно-психологической безопасности детей и подростков в сети Интернет // Социальная психология и общество. 2012. № 4. С. 122–129.
- Байкова Л. А., Кравчук М. В. Ценностные ориентации как критерий сформированности информационно-психологической безопасности обучающихся в вузе // Психолого-педагогический поиск. 2023. № 3 (67). С. 73–82. <https://doi.org/10.37724/RSU.2023.67.3.009>
- Бырканов А. В. Проблема информационно-психологической безопасности в психологии // Общество: социология, психология, педагогика. 2023а. № 1. С. 95–99. <https://doi.org/10.24158/spp.2023.1.13>

- Быркин А. В. Психологические аспекты информационно-психологического воздействия на личность // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023б. Т. 12, № 7-1. С. 143–149. <https://doi.org/10.34670/AR.2023.73.53.016>
- Вартанова Е. Л. Полисубъектность медиасреды и ее потенциальное влияние на социальный конфликт // Меди@льманах. 2022. № 3 (110). С. 8–14. <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.3.2022.814>
- Герцен С. М., Глазунова И. А., Лобанова Е. А. Влияние социальных сетей на студентов вузов // Высшее образование сегодня. 2018. № 7. С. 44–47. <https://doi.org/10.25586/RNU.HET.18.07.P44>
- Грачев Г. В., Мельник И. К. Манипулирование личностью. Организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М.: RUGRAM, 2013.
- Гущин Ю. Ф., Ильясов И. И. Опыт разработки теста оценки критического мышления школьников // Психология и методология образования. 2013–2024. URL: <https://psyhoinfo.ru/ocenka-kachestva-obrazovaniya/intellektualnoe-razvitie-i-uroven-uchebnyh-dostizheniy-uchashchih-sya/opit-razrabotki-testa-otsenki-kriticheskogo-mishleniya-shkolnikov> (дата обращения: 30.06.2024).
- Коржова Е. Ю., Микляева А. В., Безгодова С. А., Юркова Е. В. Событийная оценка жизненной ситуации детьми, воспитывающимися в семьях кровной и некровной опеки // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2019. № 193. С. 47–55.
- Коржова Е. Ю., Тузова О. Н., Карасаева А. М., Повхова А. В. Кровнородственная опекунская семья в период постопеки: проблемы и перспективы исследования в отечественной психологии // Научное мнение. 2023. № 11. С. 93–101. https://doi.org/10.25807/22224378_2023_11_93
- Краснянская Т. М., Тылец В. Г. Методологические подходы к исследованию информационно-психологической безопасности // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2020. № 5. С. 54–61. <https://doi.org/10.17805/trudy.2020.5.6>
- Кузнецова Н. В., Луговской А. В. Развитие критического мышления для обеспечения информационно-психологической безопасности студентов вуза // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 1 (98). С. 22–25. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-198-22-25>
- Лотова Н. К., Андросова М. И., Сергеева К. К. Психологические особенности личности студента вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70-3. С. 27–31.
- Меркуль И. А., Волчанская В. О. Актуальные проблемы социализации детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из числа детей-сирот // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26, № 6. С. 189–199. <https://doi.org/10.17759/pse.2021260615>
- Минахметова А. З. Взаимосвязь критического мышления и психологического благополучия студентов // Казанский педагогический журнал. 2022. № 5 (154). С. 185–191. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2022.156.6.023>
- Ненашев С. М. Информационно-технологическая и информационно-психологическая безопасность пользователей социальных сетей // Вопросы кибербезопасности. 2016. № 5 (18). С. 65–72. <https://doi.org/10.21581/2311-3456-2016-5-65-72>
- Полозов С. И. Оптимизация деятельности общественных организаций в решении проблем жизнеустройства сирот в Липецкой области // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 20(163). С. 290–297.
- Смирнов А. А. Правовые механизмы обеспечения информационно-психологической безопасности // Право и государство: теория и практика. 2022. № 1 (205). С. 153–155. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_1_153
- Солдатова Г. У., Войскунский А. Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 3. С. 431–450. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-431-450>
- Рерке В. И., Демаков В. И., Ракитский В. В. Модель развития информационно-психологической безопасности у обучающихся образовательной организации // Современный ученый. 2022. № 5. С. 182–187.
- Тузова О. Н., Кардакова И. Н. Психологическая реабилитация ребенка в процессе сопровождения семьи с кровнородственной формой опеки // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. 2015. № 7. С. 477–486. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-7-37>
- Турдиева К. У. Развитие критического мышления у студентов // Наука и образование сегодня. 2019. № 6-2 (41). С. 77–78.

- Юмартова Н. М., Гришина Н. В. Осознанность (mindfulness): психологические характеристики и адаптация инструментов измерения // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 4. С. 105–115.
- Al Hogail A., Mirza A. Information security culture: A definition and a literature review // World Congress on Computer Applications and Information Systems. New York: Institute of Electrical and Electronic Engineers, 2014. P. 1–7. <https://doi.org/10.1109/WCCAIS.2014.6916579>
- Corradini I., Nardelli E. Building organizational risk culture in cyber security: The role of human factors // International Conference on Applied Human Factors and Ergonomics. Advances in Human Factors in Cybersecurity. 2019. Vol. 782. P. 193–202. https://doi.org/10.1007/978-3-319-94782-2_19
- Fučík P., Janků K. S. The challenges and paradoxes of kinship foster care in a socially excluded locality // Socialni Prace. 2019. Vol. 19, no. 3. P. 44–61.
- Nasir A., Abdullah Arshah R., Ab Hamid M. R., Fahmy S. An analysis on the dimensions of information security culture concept: A review // Journal of Information Security and Applications. 2019. Vol. 44. P. 12–22. <https://doi.org/10.1016/j.jisa.2018.11.003>
- Tulakova Z., Tulakova S., Muxammadjonov X., Umarov X., Abdullaxujayev D. Information-psychological security mechanisms // Мировая наука. 2020. № 6 (39). С. 72–74.
- Xu Ya., Jedwab M., Lee K. A., Levkoff S. E. The negative effects of adverse childhood experiences (ACEs) on behavioral problems of children in kinship care: the protective role of kinship caregivers' mental health // Journal of Emotional and Behavioral Disorders. 2022. Vol. 31, no. 1. May. P. 41–53. <https://doi.org/10.1177/10634266221076475>
- White K. R., Rolock N., Marra L., Faulkne M., Ocasio K., Fong R. Understanding wellbeing and caregiver commitment after adoption or guardianship from foster care // Journal of Public Child Welfare. 2020. Vol. 15, no. 2. P. 1–26. <https://doi.org/10.1080/15548732.2020.1850601>
- Wiley A., McCormac A., Calic D. More than the individual: Examining the relationship between culture and Information Security Awareness // Computers & Security. 2020. Vol. 88. Art. 101640. <https://doi.org/10.1016/j.cose.2019.101640>

Статья поступила в редакцию 1 июля 2024 г.;
рекомендована к печати 27 февраля 2025 г.

Контактная информация:

Коржова Елена Юрьевна — д-р психол. наук; <https://orcid.org/0000-0002-1128-14211421>,
elenakorjova@gmail.com

Тузова Ольга Николаевна — канд. психол. наук; <https://orcid.org/0000-0003-1906-8702>,
olg.tuzova@yandex.ru

Повхова Анастасия Витальевна — лаборант-исследователь;
<https://orcid.org/0009-0008-5775-3931>, povhova.anastasia@yandex.ru

Research of information and psychological security skills of students with orphan status in the post-guardian period*

E. Yu. Korjova^a, O. N. Tuzova, A. V. Povkhova

The Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, nab. r. Moyki, St. Petersburg, 191186, Russian Federation

For citation: Korjova E. Yu., Tuzova O. N., Povkhova A. V. Research of information and psychological security skills of students with orphan status in the post-guardian period. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 2, pp. 253–266. EDN RPGCIG (In Russian)

* The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00195.

^a Author for correspondence.

Orphaned children and children left without parental care are a vulnerable category of citizens requiring the organization of psychological, pedagogical, and social support at different stages of adulthood, including during the period of post-guardianship. Awareness and critical thinking as information and psychological security skills among students with orphan status were studied. The comparison group included students with parents. The Student's t-test, and Spearman's correlation analysis were used. The study involved 240 students (46 % boys, 54 % girls), aged 18–25 years ($M = 21.99$; $SD = 1.6$). The main group included 120 orphans and children left without parental care during the period of post-guardianship. The comparison group consisted of 120 students with parents. The Five-Factor Mindfulness Questionnaire by R. Baer et al. (adaptation by N.M. Yumartova, N.V. Grishina) and The Questionnaire of Intellectual Skills by Yu. F. Gushchin, I.I. Ilyasov. The statistical package STATISTICA version 10 was used to process statistical data. The average values in all parameters in the main group were significantly lower than in the comparison group. The formation of information and psychological security skills (awareness, critical thinking) among students with orphan status was lower than among students. The interrelation between the level of critical thinking and such components of awareness as observation, description and non-reaction was revealed. There is a need to develop and implement psychological and pedagogical programs aimed at developing the skills of information and psychological security for students both in the educational process and in the social and educational work.

Keywords: information and psychological security, awareness, critical thinking, information and psychological security skills, orphans, post-graduates, university students.

References

- Al Hogail A., Mirza A. (2014). Information security culture: A definition and a literature review. In: *World Congress on Computer Applications and Information Systems* (pp. 1–7). New York, Institute of Electrical and Electronic Engineers. <https://doi.org/10.1109/WCCAIS.2014.6916579>
- Baranova Yu. M. (2012). Psychological aspects of information safety of children and adolescents on the Internet. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo*, 4: 122–129. (In Russian)
- Bajkova L. A., Kravchuk M. V. (2023). Value orientations as a criterion of formation of informational and psychological security of university students. *Psikhologo-pedagogicheskii poisk*, 3 (67): 73–82. <https://doi.org/10.37724/RSU.2023.67.3.009> (In Russian)
- Byrkanov A. V. (2023). Psychological aspects of information and psychological impact on personality. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia*, 12 (7-1): 143–149. <https://doi.org/10.34670/AR.2023.73.53.016> (In Russian)
- Byrkanov A. V. (2023). The problem of information-psychological security in psychology. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 1, 95–99. <https://doi.org/10.24158/spp.2023.1.13> (In Russian)
- Corradini I., Nardelli E. (2019). Building organizational risk culture in cyber security: The role of human factors. In: *International Conference on Applied Human Factors and Ergonomics. Advances in Human Factors in Cybersecurity*, 782: 193–202. https://doi.org/10.1007/978-3-319-94782-2_19
- Fučík P., Janků K. S. (2019). The challenges and paradoxes of kinship foster care in a socially excluded locality. *Socialni Prace*, 19, 3: 44–61.
- Gercen S. M., Glazunova I. A., Lobanova E. A. (2018). The impact of social media on university students. *Vyshee obrazovanie segodnia*, 7: 44–47. <https://doi.org/10.25586/RNU.HET.18.07.P44> (In Russian)
- Grachev G. V., Mel'nik I. K. (2013). *Personality manipulation. Organization, methods and technologies of information and psychological impact*. Moscow, RUGRAM Publ. (In Russian)
- Gushchin Iu. F., Il'iasov I. I. (2013–2014). Experience in developing a critical thinking assessment test. *Psikhologiya i metodologiya obrazovaniia*. Available at: <https://psyhoinfo.ru/ocenka-kachestva-obrazovaniya/intellektualnoe-razvitiie-i-uroven-uchebnyh-dostizheniy-uchashchihsya/opit-razrabotki-testa-otsenki-kriticheskogo-mishleniya-shkolnikov> (accessed: 30.06.2024). (In Russian)
- Korjova E. Yu., Miklyaeva A. V., Bezgodova S. A., Yurkova E. V. (2019). Event assessment of life situation by children in kinship and non-kinship care families. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 193: 47–55. (In Russian)

- Korjova E. Yu., Tuzova O. N., Karasaeva A. M., Povxova A. V. (2023). Kinship guardian family in the period of post-guardianship: problems and prospects of research in domestic psychology. *Nauchnoe mnenie*, 11: 93–101. https://doi.org/10.25807/2224378_2023_11_93 (In Russian)
- Krasnyanskaya T. M., Tylecz V. G. (2020). Methodological approaches to the study of information and psychological security. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*, 5: 54–61. <https://doi.org/10.17805/trudy.2020.5.6> (In Russian)
- Kuznecova N. V., Lugovskoj A. V. (2023). The development of critical thinking for information and psychological security assurance among university students. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, 1 (98): 22–25. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-198-22-25> (In Russian)
- Lotova N. K., Androsova M. I., Sergeeva K. K. (2021). Psychological features of university student personality. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 70-3: 27–31. (In Russian)
- Merkul' I. A., Volchanskaya V. O. (2021). Socialization problems in orphans and children without parental care. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 26, 6: 189–199. <https://doi.org/10.17759/pse.2021260615> (In Russian)
- Minaxmetova A. Z. (2022). The relationship between critical thinking and psychological well-being of students. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal*, 5 (154): 185–191. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2022.156.6.023> (In Russian)
- Nasir A., Abdullah Arshah R., Ab Hamid M. R., Fahmy S. (2019). An analysis on the dimensions of information security culture concept: A review. *Journal of Information Security and Applications*, 44: 12–22. <https://doi.org/10.1016/j.jisa.2018.11.003>
- Nenashev S. M. (2016). Information-technical and information-psychological security of social-network users. *Voprosy kiberbezopasnosti*, 5 (18): 65–72. <https://doi.org/10.21581/2311-3456-2016-5-65-72> (In Russian)
- Polozov S. I. (2013). Optimization of the activities of public organizations in solving the problems of orphans in the Lipetsk region. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 20 (163): 290–297. (In Russian)
- Rerke V. I., Demakov V. I., Rakitskij V. V. (2022). The development model of information and psychological security among students in an educational organization. *Sovremennyye uchenyi*, 5: 182–187. (In Russian)
- Smirnov A. A. (2022). Legal mechanisms for ensuring information and psychological security. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 1 (205): 153–155. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_1_153 (In Russian)
- Soldatova G. U., Vojskunsij A. E. (2021). Socio-cognitive concept of digital socialization: a new ecosystem and social evolution of the mind. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki*, 18 (3): 431–450. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-431-450> (In Russian)
- Tulakova Z., Tulakova S., Muxammadjonov X., Umarov X., Abdullaxujayev D. (2020). Information-psychological security mechanisms. *Mirovaia nauka*, 6 (39): 72–74. (In Russian)
- Turdieva K. U. (2019). Developing students' critical thinking. *Nauki i obrazovanie segodnia*, 6-2 (41): 77–78. (In Russian)
- Tuzova O. N., Kardakova I. N. (2015). Children's psychological rehabilitation in the process of accompanying tutorial families based on blood relationships. *Sovremennyye issledovaniia sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)*, 7: 477–486. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-7-37> (In Russian)
- Vartanova E. L. (2022). The polysubjectivity of the media environment and its potential impact on social conflict. *Medi@l'manakh*, 3 (110): 8–14. <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.3.2022.814> (In Russian)
- Yumartova N. M., Grishina N. V. (2016). Mindfulness: psychological features and adaptation of questionnaires. *Psikhologicheskii zhurnal*, 37 (4): 105–115. (In Russian)
- Xu Ya., Jedwab M., Lee K. A., Levkoff S. E. (2022). The negative effects of adverse childhood experiences (ACEs) on behavioral problems of children in kinship care: the protective role of kinship caregivers' mental health. *Journal of Emotional and Behavioral Disorders*, 31 (1), May: 41–53. <https://doi.org/10.1177/10634266221076475>
- White K. R., Rolock N., Marra L., Faulkne M., Ocasio K., Fong R. (2020). Understanding wellbeing and caregiver commitment after adoption or guardianship from foster care. *Journal of Public Child Welfare*, 15, 2: 1–26. <https://doi.org/10.1080/15548732.2020.1850601>

Wiley A., McCormac A., Calic D. (2020). More than the individual: Examining the relationship between culture and Information Security Awareness. *Computers & Security*, 88: 101640. <https://doi.org/10.1016/j.cose.2019.101640>

Received: July 1, 2024

Accepted: February 27, 2025

Authors' information:

Elena Yu. Korjova — Dr. Sci. in Psychology; <https://orcid.org/0000-0002-1128-1421>, elenakorjova@gmail.com

Olga N. Tuzova — PhD in Psychology; <https://orcid.org/0000-0003-1906-8702>, olg.tuzova@yandex.ru

Anastasiya V. Povkhova — Research Assistant; <https://orcid.org/0009-0008-5775-3931>, povhova.anastasia@yandex.ru

Концептуализация реальности в рефлексивно-психодинамическом тренинге

М. С. Бриль^а, Ю. С. Бекренева, Н. В. Миргород

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Бриль М. С., Бекренева Ю. С., Миргород Н. В. Концептуализация реальности в рефлексивно-психодинамическом тренинге // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 2. С. 267–282. EDN OPPMBN

Образовательный процесс клинических психологов должен включать целенаправленные методы формирования и развития общепрофессиональных навыков и компетенций. Одним из таких методов является рефлексивно-психодинамический тренинг, разработанный преподавателями СПбГУ. Тренинг направлен как на личностное развитие студента через активизацию процесса рефлексии и самопознания, так и на познание других через наблюдение и возможность обнаружения скрытых психических процессов. Концептуализация реальности представляет собой мыслительную работу, направленную на реконструкцию и уточнение непротиворечивой картины мира, объясняющей наблюдаемые ее автором феномены, включая собственное поведение и осознаваемые чувства. Остается нерешенным вопрос о подборе эффективных методов изучения происходящих изменений, их механизмов, факторов и траекторий. Представлено первое из серии исследований, целью которых задумано изучение и описание процесса профессионального и личностного развития, его механизмов. Целью данного исследования явилось создание модели скрытого процесса концептуализации реальности участниками тренинга. Применен метод включенного наблюдения. Наблюдение осуществлялось ведущими тренинга (авторами статьи) при его проведении у 10 групп студентов (более 150 участников). Описаны и проанализированы вербальные и невербальные реакции участников, в которых проявлен изучаемый процесс. Установлено, что действие психологических защит может препятствовать осуществлению конструктивных преобразований, преодолеть которое возможно при помощи рефлексии. Определены условия тренинга, способствующие развитию навыка рефлексии. Дифференцированы три вида концептуализации реальности: прогрессивная, защитная и патологическая. Наблюдение за попытками перестроить модель, например с помощью включения в нее объяснений собственного поведения, позволяет участникам исследовать и осознать закономерности функционирования защитных механизмов психики, в том числе собственной. Рефлексивно-динамический тренинг дает студентам уникальную возможность развития важного профессионального навыка видеть скрытые составляющие межличностных коммуникаций — ряды причинно-следственных процессов, происходящие как в других, так и в самих себе, а также получить и осмыслить опыт глубинных личностных трансформаций.

Ключевые слова: рефлексивно-психодинамический тренинг, профессиональное развитие клинических психологов, концептуализация, картина мира, психическое напряжение, рефлексия.

---

^а Автор для корреспонденции.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

Введение

Рефлексивно-психодинамический тренинг (РПТ) является частью образовательного процесса клинических психологов и служит развитию навыка профессионального взаимодействия будущих специалистов с клиентами (Бочаров и др., 2009). Данный тренинг учит обнаруживать причинно-следственные связи поведенческих проявлений и интрапсихических процессов, как осознаваемых, так и не осознаваемых индивидом. Рефлексивно-психологическое обеспечение образовательного процесса в дополнение к традиционным педагогическим принципам все еще является инновационным и, возможно, единственным способом формирования некоторых необходимых компетенций, профессионального менталитета студента (Семенов, 2013; Карпов и др., 2003), развития профессионального мышления как когнитивного ресурса (Серафимович, 2021), осуществления движения к конгруэнтности будущего специалиста (Аврамова, Аврамова, 2023).

Основной целью проведения РПТ является формирование у студентов — будущих психологов навыка профессионального контакта, который достигается путем развития умения видеть в себе и других происходящие скрытые процессы, составляющие психодинамику любых человеческих отношений. Рефлексивный этап является заключительным при формировании профессионально-коммуникативных навыков после этапа получения знаний и умений, направленных на решение профессиональных задач (Новгородцева, 2021). Итоговым результатом может стать формирование так называемой профессиональной ментальности, построение студентом профессионально ориентированного образа мира (Сапогова, 2021). Процесс рефлексии дает психике возможность выйти за собственные пределы (Карпов, Скитяева, 2002; Григорьева и др., 2017; Прохоров, Чернов, 2014), препятствует профессиональному выгоранию (Матюшкина, Кантемирова, 2019), обеспечивает эффективность процесса понимания Другого (Никитина, 2020), переосмысления происходящего (Хадисова, 2020). Положительными эффектами процесса рефлексии также называют личностные преобразования и саморазвитие (Ожиганова, 2018), повышение эффективности деятельности (Холодная, 2022). Конструктивность рефлексии определяется избирательностью отношения к различным аспектам своей личности, достижением баланса принятия себя и желания что-то в себе изменить (Леонтьев, Осин, 2014).

Рефлексия может осуществляться на разных уровнях жизненного контекста. Н. В. Гришина (Гришина, 2018) выделяет три таких уровня: ситуационный, жизненный и бытийный контексты, которые определяют фокус внимания субъекта и траекторию его размышлений. В процессе рефлексии происходит исследование субъектом своего состояния, своих импульсов, желаний, потребностей, мыслей, возникающих в определенном пространстве (пространстве тренинга), социальной ситуации (ситуации взаимодействия с другими участниками) при соотношении с повседневной реальностью, а также их связи с экзистенциальными категориями. Следовательно, рефлексия может быть относительно поверхностной, а может затрагивать глубинные, экзистенциальные вопросы, касающиеся ключевых представлений субъекта о себе в мире, своей значимости, возможностях, свободе выбора и т. д. Такого рода рефлексия, на наш взгляд, и детерминирует процесс концептуализации, обеспечивающий в конечном итоге создание или коррекцию человеком картины мира.

Картина мира — понятие многозначное и емкое. Этот термин в 1950-х гг. ввел в научный оборот антрополог Р. Редфилд (R. Redfield), который понимал под этим словосочетанием комплексное видение мироздания и людей в нем. Наиболее обобщенную трактовку картины мира как совокупности знаний о нем дает философия (Губский и др., 2001). В психологии во второй половине XX в. к этому понятию обращались многие авторы. Дж. Брунер, Дж. Келли, Ч. Остуд, Ж. Пиаже использовали схожие термины для понятия, сутью которого являлось представление человека о мире и о себе в нем. И в отечественной психологии к аналогичным понятиям обращались многие ученые — Л. С. Выготский, Б. Г. Ананьев, А. Н. Леонтьев и др. Обобщая близкие по смыслу названия, даваемые авторами этому понятию, можно заключить, что картина мира — это психологическая реальность, которая, с одной стороны, является интегральным образованием, определяемым субъективным опытом человека, а с другой — активно воздействует на его объективное бытие. Некоторые авторы (Падун, Котельникова, 2012; Меркурьев, 2022) в качестве значимого элемента картины мира рассматривают базисные убеждения, поскольку они отражают представления индивида об окружающем мире в целом и о собственном Я, влияют на эмоциональное состояние и поведение человека, на восприятие ситуаций и определяют отношение к ним. Базисные убеждения по своей природе являются связующим звеном между динамическими силами потребностей, детерминирующих человеческое поведение (Epstein, 2003), и когнитивными моделями, поддающимися осознанию. Процесс реконструкции картины мира на основе субъективной интерпретации поступающей информации можно определить как концептуализацию реальности. Выделяют два процесса изменения картины мира, ее концептуализации, под влиянием новой информации: ассимиляцию и аккомодацию (*assimilation & accommodation*). Первый характеризуется расширением картины мира за счет включения в нее поступающей информации; второй — отказом от ранее существовавшей модели в пользу новой, включающей поступившую информацию (Styła, 2015).

Концептуализация в широком понимании (Langacker, 1991) — это процесс получения, когнитивной обработки и организации информации в виде концептуальных структур, осуществляемый человеком в ходе коммуникации или познания мира. Это в то же время и результат любой из процедур конструирования, например перцептивный образ, отдельный концепт, сложный комплекс концептов. Термин концептуализация активно используется в клинической психологии и когнитивной терапии как реконструирование специалистом совместно с пациентом когнитивной модели события. В качестве компонентов такой когнитивной модели выступают ситуации, физиологические «ответы» организма, эмоции, поведение, значение, верования, стратегии и др. (Beck, 2011).

Движущей силой запуска процесса концептуализации картины мира в РПТ является психическое напряжение. Психическое напряжение возникает в связи с потребностью участника тренинга (например, в предсказуемости происходящего), удовлетворение которой блокируется им же из-за угрозы конфликта с актуальной картиной мира. Вместе с тем наличие непротиворечивой концепции (картины мира), объясняющей окружающую реальность и себя самого, является необходимым условием для успешного функционирования личности. Эта концепция позволяет человеку сохранять субъективный контроль над действительностью.

Укрепление и подтверждение картины мира обретает статус самостоятельной потребности. Таким образом, стремление к обретению связной и стабильной картины окружающего мира, о котором говорили гуманистические психологи, и непрерывная исследовательская активность с последующей концептуализацией реальности, ставшая в числе других фокусом внимания когнитивно-поведенческого направления, опираются на динамические процессы.

Условия РПТ провоцируют возникновение ситуаций, в которых описанная структура нарушается — чрезмерное напряжение приводит к опровержению имеющейся у участника концепции, и запускается процесс реформирования картины мира.

Рефлексивно-психодинамический тренинг способствует столкновению участника с очевидным несоответствием принятой им картины мира и реальной действительности. Это вынуждает прибегать к активному процессу концептуализации для достраивания или построения новой картины мира, способной объяснить несоответствия и вернуть человеку ощущение субъективного контроля. Для окружающих заметным может стать лишь начало и конец данного процесса, а именно — то, какой картина мира человека была до изменения, и то, к каким новым выводам и убеждениям он пришел теперь. Сам процесс концептуализации реальности остается для нас (и для самого человека) недоступным для анализа, невидимым. Не пытаясь изучить и описать этот процесс, мы лишаемся также возможности влиять на его течение и вооружить человека инструментами для осознанного управления им. Напротив, создав релевантную и понятную модель процесса концептуализации, мы сможем в будущем использовать ее как в развитии теоретических построений, так и в практической деятельности.

Проведено немало эмпирических исследований эффективности социально-психологических тренингов, направленных на развитие определенных навыков или компетенций специалистов. Остается нерешенным вопрос о подборе эффективных методов фиксации происходящих изменений. Замеры параметров «до» и «после» с помощью существующих психодиагностических методик или оценок экспертов не дают возможности проследить динамику изменений, их механизмы и траектории. Не менее важной исследовательской проблемой является выбор параметров, измерение которых отражало бы трансформации столь сложно организованного личностного образования, как картина мира.

Представленное исследование является первым из задуманной серии, целью которой задумано изучение и описание процесса профессионального и личностного развития и его механизмов при прохождении РПТ. Целью данного конкретного исследования явилось создание модели процесса концептуализации реальности участниками РПТ. Задачи исследования: определить доступные наблюдению маркеры старта и динамики процесса концептуализации; дифференцировать и описать различные траектории процесса концептуализации в зависимости от его результата; выявить точки бифуркации и возможные детерминанты результата процесса концептуализации; проанализировать условия РПТ, способствующие развитию навыка рефлексии как ключевого инструмента изучаемого явления.

Объектом исследования стала картина мира, предметом — концептуализация реальности, происходящая под влиянием тренинга.

Методы

Применен метод включенного наблюдения. Фиксация данных в условиях тренинга не представляется возможной, поскольку любое такое действие можно квалифицировать как вмешательство в текущий процесс. В связи с этим наблюдение было несистематическим и скрытым. Цель наблюдения — определение видимых признаков динамики процесса концептуализации реальности и их анализ.

Выборка. Ее составили 10 групп студентов четвертых и пятых курсов, обучающиеся по образовательной программе «Клиническая психология». Общее число участников — более 150 человек.

Описание процедуры исследования. Наблюдение осуществлялось ведущими РПТ (авторами статьи) при проведении тренинга. Продолжительность тренинга в каждой группе — две недели с одним выходным (96 ч). Особенностью РПТ является отсутствие сценария. Группа является закрытой. Наличие актуальных психических заболеваний является противопоказанием к участию в тренинге.

Результаты

На данном этапе исследования процесса концептуализации реальности в РПТ в качестве мишеней наблюдения определены видимые реакции участников. Под реакцией мы имеем в виду возникающие в ходе тренинга мысли, эмоции, чувства, являющиеся отражением существующей картины мира. Каждый участник группы сохраняет большинство таких реакций внутри себя, допуская к полноценному проявлению лишь незначительную их часть. Вербальные проявления возникших реакций можно было наблюдать в виде прямого обращения к участнику, безадресной реплики, сообщения о своем эмоциональном состоянии в данный момент, введения новой темы для разговора, предложения какой-то совместной деятельности. Невербальные проявления возникших, но невысказанных реакций доступны в виде движений рук, ног, головы, смены положения тела, мимики, вздохов, слез и т. д. Факт ограничения проявлений возникающих эмоций, озвучивания мыслей осознается и признается участниками на определенном этапе тренинга довольно часто. Этот этап характеризуется ростом доверия и ощущения безопасности в группе. Традиционно (во всех группах) участники определяют следующие причины такого сдерживания: страх осуждения за мысли или эмоциональные реакции; незначимость, неуместность своих слов и проявлений «в тот момент»; ощущение собственной малозначимости или незначимости в группе; страх выглядеть глупым, слабым, плохим; страх быть непонятым или неверно понятым; опасения, что его самого и его действия будут обсуждать другие участники за пределами тренинга. Таким образом, в процессе тренинга появляется возможность вскрыть причины, по которым люди и в обычной жизни не говорят, что думают и не делают того, что хотели бы сделать.

Сочетание тенденции к блокированию участниками проявлений своих мыслей, эмоций, чувств с невозможностью прервать взаимодействие приводит к росту напряжения, которое начинает все больше влиять на процесс. Каждый участник сталкивается с выбором: допустить проявление существующих внутренних реакций, последовательно подвергнув сомнению сначала свой образ в глазах других

участников, а затем и собственную картину мира, или продолжать сдерживаться ценой возрастающих страданий от напряжения, не находящего разрядки. Это обстоятельство не обсуждается членами группы, но является значимым неосознаваемым основанием для их объединения.

Каждая тренинговая группа демонстрирует множество попыток выхода из подобного затруднения. Это и обсуждение правил существования группы, и поиск нейтральных тем для разговора (например, о прошедшей практике, курсовых, увлечениях, фильмах, дополнительном обучении, способах ухода за волосами), и объединяющее всех участников безопасное занятие (настольные или другие игры), и обсуждение происходящего на тренинге с людьми за пределами тренинга, вопреки рекомендациям этого не делать ради сохранения целостности происходящих динамических процессов — участники пытаются найти самые разные способы сбросить напряжение. Однако эти способы не справляются с напряжением, признаки которого отмечаются у большинства студентов даже в бессобытийном пространстве РПТ (когда все молчат). Следствием накопившего напряжения, связанного с противоречиями, ощущаемыми как внутренний конфликт, становится событие, которое участник уже не способен игнорировать, и которое делает процесс реформирования картины мира неизбежным. Безопаснее сделать этот процесс интрапсихическим, поскольку в этом случае участник не сталкивается с необходимостью отстаивать свою неустойчивую модель перед потенциальными критиками в лице других участников. Скрытый процесс концептуализации частично снижает напряжение. Как правило, участник предъявляет группе свои «выводы», когда новая картина мира уже сформирована и способна удовлетворительно объяснить возникшее событие. Таким образом, вовне свободно предъявляется только результат законченной концептуализации, но не его течение.

Событие — это значимое для субъекта изменение в окружающей действительности, в его поведении и внутреннем мире, которое, в нашей трактовке, вторгается в существующую картину мира, нарушая ее упорядоченность.

Наблюдаемым проявлением процесса концептуализации реальности является практика объяснения своих «неожиданных» проявлений (ставших для участника событием) позже или на следующий день. Подобными проявлениями могут быть слезы, вспышка гнева, демонстрация пренебрежения или отвращения, повышение голоса, использование нецензурной лексики. Ключевым условием является то, что подобное поведение является импульсивным и не вписывается в представление участника о собственной личности или о том образе, который он создает в глазах окружающих. Однажды в РПТ, проводимом в рамках программы переподготовки, участвовал психолог, который искренне считал себя воцерковленным человеком, научившимся принимать чужие недостатки и не испытывать к другим людям негативных эмоций. Сложившееся представление о себе у участника было столь сильным, что в одном из эпизодов тренинга, трясаясь от возмущения и злости, он отказывался признавать в себе эти чувства, отвергая обратную связь от большей части группы. Стремление игнорировать нежелательные реакции объяснимо, но в процессе группового взаимодействия вытеснять или отрицать их труднее, нежели в ходе индивидуального общения: другие участники являются свидетелями происходящего и, при желании, отразят свой взгляд в обратной связи. Важно отметить, что отражение реальности является одним из фокусов внимания РПТ.

Человек вынужден сталкиваться с собственными мыслями, чувствами, поведением, нарушающими представление о самом себе и своем образе в глазах других людей. Для разрешения этого противоречия участники находят объяснения, которые позволяют вписать неожиданную реакцию в имеющуюся картину мира с наименьшими потерями для последней.

Участник, который «чрезмерно» проявился, в тот же или на следующий день может решить высказаться, начав со слов «я понял, что произошло», «у меня произошел инсайт», «знаете, почему я вчера так отреагировал(а)?». Далее для объяснения произошедшего могут быть использованы концепции переноса (я так отреагировал, потому что увидел в тебе образ отца, матери, близкой подруги, бывшего (бывшей) и т. п.), специфического состояния («не выпалась», «мама вывела меня из себя перед тренингом»; «оказывается, у меня была температура» и т. п.), специфической ситуации («тренинг выматывает», «так долго сидеть на стуле — неумудрено свихнуться» и т. п.) или чужого целенаправленного поведения («ты специально меня спровоцировал», «это все заранее задумано ведущими», «группа на меня напала — я вынужден был защищаться» и т. п.). Предъявленная группе концепция будет логичной и непротиворечивой. Другие участники смогут принять ее, поскольку эпизод уже утратил свою актуальность. И, конечно, потому что они бессознательно будут рассчитывать на ответную услугу в свой адрес. Подобные ситуации чаще разворачиваются в процессе становления группы и реже — при достижении конструктивной стадии работы, когда мотив истинного самопознания и развития доминирует как индивидуальная и групповая ценность. На этой стадии мы уже наблюдаем меньше заблокированных, замолчанных реакций, больше преодолений причин их сдерживания. Возникающие противоречия озвучиваются в вопросах и недоумениях, претензиях и обидах, но главное — участники начинают двигаться по пути самораскрытия в группе.

В некоторых случаях человек начинает вслух размышлять о произошедшем, рефлексировать вместе с группой. Это небезопасно, поскольку не позволяет ограничиться простым успокаивающим объяснением, но при этом и более продуктивно, поскольку участники, как правило, способны предложить широкий перечень причин спонтанного проявления.

Самораскрытие в группе зачастую является актом мужества, оно может быть болезненным в связи с предъявлением внутреннего конфликта, результатов рефлексии и процесса перестройки имеющихся привычных конструктов своей картины мира в целом или ее отдельных компонентов. Например: «...я думал, что мы друзья, а он (ты) скрывал от меня нечто важное», «...я готов прийти на помощь, а близкий человек не признается, что в ней нуждается», «...я честно и открыто говорю о симпатии и желании общаться, а получаю отвержение, это больно», «...для меня честность в общении — это большая ценность, а мне не доверяют, подозревая в постоянном притворстве». Разрешить возникшие в процессе взаимодействия в группе противоречия и внутренние конфликты, восстановить или осуществить конструктивную коррекцию собственной картины мира представляется возможным именно при продолжении коммуникации в группе на фоне продолжающейся рефлексии. Большое значение в этом процессе имеет обратная связь от участников тренинга и степень готовности самого участника ее воспринимать. В процессе получения обратной связи участник формирует определенное отношение к ней,

которое проявляется в наблюдаемых мимических, телесных, вербальных проявлениях реакций и принимает решение о ее значении для своей актуальной картины мира.

Обсуждение результатов

Бессознательное участника с помощью психологических защит оберегает его от столкновения с теми реакциями, которые могут пошатнуть внутреннюю стабильность, вступив в конфронтацию с его картиной мира. Стремление минимизировать экстериоризацию своих мыслей, эмоций, чувств определяет действия человека в повседневной жизни, направленные на избегание обстоятельств или выход из ситуаций, в которых это сложно осуществить (Бриль, 2023). На тренинге реализация данного паттерна поведения является затруднительной. Участники не могут встать и выйти из помещения в случае возникновения сложной ситуации в связи с единственным правилом, определенным со стороны ведущих, а именно — правилом полного присутствия. В этом и состоит основное отличие описываемого тренинга от подлинно естественного взаимодействия.

Наблюдение за попытками перестроить модель с помощью включения в нее объяснений собственного поведения позволяет участникам исследовать и осознать закономерности функционирования защитных механизмов психики, в том числе собственной. И напротив, наблюдение студентов за участником, осуществляющим рефлексю, противодействующим включению собственных психологических защит, переживающим инсайт, способствует принятию решения следовать по подобному пути отказа от иллюзий восприятия реальности.

Мы предприняли попытку дифференцировать и описать процесс концептуализации в зависимости от его траектории. По результатам наблюдений более чем десяти групп РПТ мы обнаружили наличие трех разных видов концептуализации: прогрессивной, защитной и патологической. Отчасти выделение первых двух совпадает с видением, предложенным группой зарубежных психотерапевтов (Styła, 2015), однако наши представления о различиях этих категорий не тождественны. Под прогрессивной концептуализацией мы понимаем процесс, а затем и результат изменения картины мира путем включения в нее новых знаний о мире, других людях и себе с заменой или значительной коррекцией некоторых прежних убеждений. Прогрессивная концептуализация запускается с помощью процесса конструктивной рефлексии, осуществляется через осознанное преодоление действий психологических защит, оберегающих от встречи со сложными чувствами. Необходимым условием такой траектории является допущение несовершенства имеющихся у субъекта представлений об окружающей действительности и отказ от стремления сохранить свою картину мира неизменной. Прогрессивная концептуализация может быть осуществлена через изменение в том числе основополагающих представлений о мире ради большего соответствия картины мира реальности, наполнения ее ранее невидимыми элементами. Результатом прогрессивной концептуализации становится желанное разрешение противоречий, которое ощущается как ценный результат, достойный того, чтобы осуществить сложный путь реорганизации имеющихся конструктов, систем знаний, позиций, пережить разочарование, осознать/обнаружить свои заблуждения, иллюзии, ложные убеждения. По завершении

данного процесса участники сообщают об облегчении состояния, снижении уровня напряжения, о физической усталости, об удовлетворении и радости от совершенных открытий.

Защитная концептуализация, по нашему мнению, — это процесс, а затем и результат изменения картины мира путем включения в нее новых знаний о мире, других людях и себе, направленный на разрешение внутреннего конфликта. Защитная концептуализация осуществляется по принципу минимальных изменений, необходимых для выполнения этой задачи, — картина мира дополняется связующими элементами, которые позволяют привести в соответствие существовавшие представления и новые факты, амортизировать их, или «новые знания» модифицируются с помощью психологических защит в непротиворечащие картине мира. Результатом данной траектории является сохранение привычной основы картины мира, что способствует психологической стабильности индивида, но вместе с тем несет определенные ограничения, поскольку вынуждает исключать или искажать восприятие тех элементов, которые в созданную когнитивную модель не вписываются.

Согласно сделанным наблюдениям, помимо прогрессивной и защитной концептуализации следствием обнаружения критического несоответствия существующей картины мира реальности может стать ее разрушение. Индивид подвергает сомнению все ранее надежные для него суждения вплоть до основополагающих. В отличие от первых двух траекторий концептуализации, субъекту не хватает ни силы действия психологических защит, ни ресурсов для выстраивания новой, расширенной картины мира. Предпринимаемые попытки не являются эффективными. Такой процесс мы обозначили как «патологическая концептуализация». Человек остается в ситуации неопределенности и неспособности эффективно ориентироваться в окружающей действительности. На фоне дефицита ресурсов повышается риск нарушения психической деятельности. Исследование данного варианта концептуализации реальности относится к области клинической психологии.

На основе представленных нами наблюдений мы предлагаем рассматривать процесс концептуализации реальности следующим образом (см. рисунок).

Под картиной мира в данной схеме мы понимаем систему представлений человека об окружающем мире, других людях и самом себе, которой он руководствовался на момент начала тренинга. Реакции в нашей модели мы разделили на две категории: не противоречащие существующей картине мира эмоции, суждения и действия, вызванные в ответ на происходящие в рамках РПТ события; и противоречащие — реакции, возникновение и проявление которых вступает в конфронтацию с существующей у участника картиной мира. В ответ на возникновение противоречащих картине мира реакций возникает сопротивление психики глубинным изменениям.

Столкновение потребности выразить возникающие реакции с сопротивлением, в том числе осознанию, рефлексии и выражению противоречащих картине мира реакций, вызывает рост психического напряжения. Чем дольше и интенсивнее блокируются возникающие у человека реакции, тем выше становится уровень напряжения.

В случаях, когда напряжение достигает критического уровня, в субъективной реальности участника происходит событие. Оно может иметь проявления,

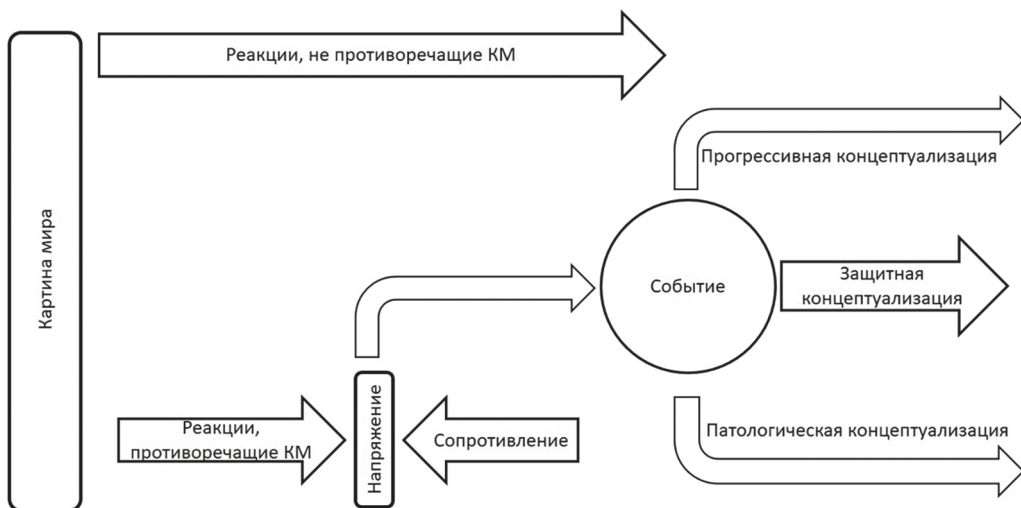

Рис. Модель процесса концептуализации реальности. КМ — картина мира

заметные участникам группы, или оставаться во внутреннем пространстве личности. Событие делает невозможным сохранение ранее существовавшей картины мира без изменений и активизирует процесс концептуализации.

Процесс концептуализации может протекать по одной из трех траекторий: прогрессивная концептуализация направлена в первую очередь на совершенствование картины мира для обработки большого количества информации и лучшего соответствия условной объективной реальности, ее результатом будет развитие личности и общепрофессиональных компетенций; защитная концептуализация ориентирована на минимальные изменения существующей картины мира, позволяющие снизить напряжение, включив возникшие ранее противоречащие реакции в новую модель, ее результатом будет временная адаптация и стагнация; патологическая концептуализация отражает невозможность в настоящий момент реконструировать картину мира, объясняющую возникшие противоречия, и предполагает высокий риск нарушения психической деятельности участника, результатом будут нарушение адаптации, регресс, болезнь.

Согласно нашим наблюдениям, точками бифуркации могут являться такие элементы модели концептуализации, как напряжение и событие. Оба этих элемента содержат возможность активизации процесса рефлексии и доступа к осуществлению осознанного выбора дальнейших действий в соответствии с личными целями.

Выводы

Проведенное исследование показало, что доступными наблюдению маркерами старта и динамики процесса концептуализации являются вербальные и невербальные проявления внутренних реакций человека на процессы, происходящие как во внешнем, так и во внутреннем мире.

Дифференцированы и описаны возможные траектории процесса концептуализации в зависимости от результата: прогрессивная, защитная и патологическая.

Определены детерминанты траекторий процесса концептуализации:

1. Уровень владения студентом рефлексией как методом исследования личностью самой себя и окружающей действительности.

2. Мотивация самого участника и других участников группы на развитие или обретение (иллюзии) безопасности.

3. Наличие ресурсов у самого участника и поддержки группы для безопасного проявления себя в группе.

4. Потенциал группы — уровень развития у других участников навыка рефлексии и конструктивного предоставления обратной связи.

5. Готовность выдерживать напряжение разной интенсивности, осознание его ценности и возможности исследовать с помощью рефлексии.

Установлены и проанализированы обстоятельства рефлексивно-психодинамического тренинга, которые могут способствовать развитию навыка рефлексии как ключевого инструмента развития и глубинных личностных трансформаций:

1. Условия тренинга, а именно: его длительность, отсутствие заявленной цели и структуры делает его значительно отличающимся от привычных форм учебного процесса, что провоцирует возникновение особого когнитивного и эмоционального состояния — состояния неопределенности. Невозможность применения привычных стратегий совладания с этим состоянием или их нерезультативность приводят к единственной эффективной стратегии — принятию ответственности и поиска собственных цели и смысла пребывания в пространстве. Выбор этой стратегии возможен лишь при запуске процесса рефлексии — обращении к своим импульсам, мыслям, мотивам, потребностям.

2. Возможность получить обратную связь участников. Она может быть как результатом глубокого анализа и рефлексии другого участника, так и спонтанным проявлением. Условия тренинга на определенной стадии развития группы способствуют нормализации запроса обратной связи от группы или отдельных участников.

3. Пример совладания с неопределенностью и напряжением с помощью рефлексии и последующих действий других участников, наблюдение за этим процессом и результатом могут являться стимулом для попытки запустить собственную внутреннюю работу.

4. Столкновение будущего специалиста — клинического психолога с реакциями и процессами, выходящими за рамки его собственных представлений об окружающей реальности, открывает для него пространство возможностей более объемного восприятия состояний, чувств, эмоций, поведенческих проявлений, являющихся отражением динамики человеческих отношений. В процессе общения в рамках РПТ участники получают опыт осознания элементов этого общения, продуктивной рефлексии, а также имеют возможность получить обратную связь — свое отражение в зеркалах восприятия других.

Само по себе осознание и осмысление процесса концептуализации реальности, его траекторий и сопровождающих реакций является ценным результатом

прохождения тренинга. Рефлексивно-динамический тренинг дает студентам уникальную возможность развития важного профессионального навыка видеть скрытые составляющие межличностных коммуникаций — ряды причинно-следственных процессов, происходящие как в других, так и в самих себе; осуществить, осознать, осмыслить и ощутить все сложности на пути глубинных личностных трансформаций.

Проведенное исследование показывает, что скрытый процесс концептуализации реальности, имеющий ключевое значение для профессионального и личностного развития, может быть доступен для изучения методом наблюдения за вербальными и невербальными реакциями участников РПТ, что не отменяет множественных сложностей применения метода. Несмотря на искусственно созданные условия среды, все происходящее в ней процессы имеют исключительно естественные предпосылки. Любое исследовательское вторжение в этот процесс с целью диагностики может его нарушить и будет противоречить одному из основополагающих принципов проведения этого тренинга — не препятствовать естественному ходу событий. Вместе с тем необходимо продолжать работу по поиску чувствительных и безопасных исследовательских инструментов с целью изучения таких значимых, но скрытых и сложно осознаваемых динамических процессов.

Литература

- Аврамова Т. И., Аврамова М. З. Развивающие возможности психологического тренинга в работе со студентами // Современные проблемы психологии образования: мат-лы науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. Году педагога и наставника в Российской Федерации, Воронеж, 27 апреля 2023 года / отв. ред. Н. Б. Трофимова, редкол.: Н. Б. Трофимова, Г. В. Орлова. Воронеж: ВГПУ, 2023. С. 5–11.
- Бочаров В. В, Карпова Э. Б., Чулкова В. А. Формирование профессионального психологического контакта у студентов клинической психологии (рефлексивно-психодинамический тренинг): учеб.-метод. пособие. СПб., 2009.
- Бриль М. С. Особенности самопрезентации личности в ходе рефлексивно-психодинамического тренинга // Проблемы социальной психологии и социальной работы: мат-лы XVIII Всерос. Парыгинской науч.-практ. конф. с междунар. участием, Санкт-Петербург, 14 апреля 2023 года. СПб.: С.-Петерб. гуманит. ун-т профсоюзов, 2023. С. 69–71.
- Григорьева М. В., Шамионов Р. М., Голубева Н. М. Роль рефлексии в адаптационном процессе студентов к условиям обучения в вузе // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22, № 5. С. 23–30. <https://doi.org/10.17759/pse.2017220503>
- Гришина Н. В. Проблема концептуализации контекста в современной психологии // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 10–20. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090302>
- Губский Е. Ф., Кораблева Г. В., Лутченко В. А. (ред.) Философский энциклопедический словарь. М.: Инфра-М, 2001.
- Карпов А. В., Семенов И. Н., Солондаев В. К. Рефлексивный подход в психологическом обеспечении образования. М.; Ярославль: ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2003.
- Карпов А. В., Скитяева И. М. Психология рефлексии. М.: Ин-т психологии РАН, 2002.
- Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 4. С. 110–135.
- Матюшкина Е. Я., Кантемирова А. А. Профессиональное выгорание и рефлексия специалистов помогающих профессий // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27, № 2. С. 50–68. <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270204>

- Меркурьев Д. В. Феномен базисных убеждений личности: обзор исследований // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2022. № 1 (17). С. 71–78.
- Никитина Е. С. Понимание — рефлексия — осознание в обучении // Понимание и рефлексия в России: Междунар. науч.-практ. конф.: мат-лы докл. Тверь, 29–30 ноября 2019 года / отв. ред. М. В. Оборина, М. Е. Отставнов. Тверь: ТвГУ, 2020. С. 218–228.
- Новгородцева И. В. Модель формирования профессионально-коммуникативной компетентности будущих клинических психологов // Медицинское образование. Пути повышения качества: сб. тез. III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Оренбург: Изд-во ОрГМУ, 2021. С. 107–108.
- Ожиганова Г. В. Рефлексия, рефлексивность и высшие рефлексивные способности: подходы к исследованию // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. Т. 24, № 4. С. 56–60.
- Падун М. А., Котельникова А. В. Психическая травма и картина мира: Теория, эмпирия, практика. М.: Ин-т психологии РАН, 2012.
- Прохоров А. О., Чернов А. В. Влияние рефлексии на психические состояния студентов в процессе учебной деятельности // Экспериментальная психология. 2014. Т. 7, № 2. С. 82–93.
- Сапогова Е. Е. Становление профессиональной ментальности: субъектный подход в обучении психологическому консультированию // Субъектно-ориентированный образовательный процесс: история, теория, инновационная практика. Педагогические чтения памяти И. Я. Лернера: мат-лы X Всерос. науч.-практ. конф., Владимир, 26 ноября 2021 года / Междунар. акад. наук пед. образ., Ин-т теории и истории педагогики и научный проблемный совет по дидактике РАО, Владимир. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир: ВлГУ, 2021. С. 138–145.
- Семенов И. Н. Рефлексивный подход в формировании и развитии личностно-профессионального самосознания студентов как фактор модернизации высшего образования. М.: ФИРО, 2013.
- Серафимович И. В. Профессиональное мышление как когнитивный ресурс специалистов социального типа профессий // Национальный психологический журнал. 2021. № 4 (44). С. 75–83. <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0407>
- Хадисова К. В. Феномен рефлексии в контексте философских и психологических подходов // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Материалы Круглого стола, Грозный, 29–30 мая 2020 года. Грозный: ЧГПУ, 2020. С. 506–511.
- Холодная М. А. Светлые и темные стороны рефлексии и арефлексии: эффект расщепления // Психологический журнал. 2022. Т. 43, № 4. С. 15–26. <https://doi.org/10.31857/S020595920021475-8>
- Beck J. S. Cognitive behavior therapy: basics and beyond. New York: Guilford Press, 2011.
- Epstein S. Cognitive-experiential, an integrative psychodynamic theory of personality // Bulletin of the Academy of Clinical Psychology. 2003. Vol. 9. P. 5–10.
- Langacker R. W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991.
- Styla R. Shape of the self-concept clarity change during group psychotherapy predicts the outcome: an empirical validation of the theoretical model of the self-concept change // Frontiers in Psychology. 2015. No. 6. P. 1598.

Статья поступила в редакцию 24 января 2023 г.;
рекомендована к печати 27 февраля 2025 г.

Контактная информация:

Бриль Михаил Сергеевич — канд. психол. наук; <https://orcid.org/0000-0002-4428-7432>,
m.bril@spbu.ru

Бекренева Юлия Сергеевна — ст. преп.; <https://orcid.org/0009-0006-4271-4863>, Ulcha.93@mail.ru
Миргород Наталья Владимировна — канд. психол. наук; <https://orcid.org/0000-0002-6461-4621>,
n.mirgorod@spbu.ru

Conceptualization of reality in reflexive-psychodynamic training

M. S. Bril^a, Yu. S. Bekreneva, N. V. Mirgorod

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Bril M. S., Bekreneva Yu. S., Mirgorod N. V. Conceptualization of reality in reflexive-psychodynamic training. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 2, pp. 267–282. EDN OPPMBN (In Russian)

The educational process of clinical psychologists should include targeted methods of formation and development of general professional skills and competencies. One of such methods is reflexive-psychodynamic training, developed by professors from St. Petersburg State University. Training is aimed at both the personal development of the student through the activation of the process of reflection and self-knowledge, and the knowledge of others through observation and the possibility of detecting hidden mental processes. Conceptualization of reality is a mental work aimed at reconstructing and clarifying a consistent picture of the world that explains the phenomena observed by its author, including one's own behavior and conscious feelings. The issue of selecting effective methods for studying ongoing changes, their mechanisms, factors, and trajectories remains unresolved. The first of a series of studies aimed at studying and describing the process of professional and personal development and its mechanisms is presented. The purpose of this study was to create a model of the hidden process of conceptualization of reality by reflexive-psychodynamic training's participants. The method of included observation was used. The training hosts (the authors of the article) carried out observation during it with 10 groups of students (more than 150 participants). Verbal and non-verbal reactions of the participants, in which the process under study is manifested, are described and analyzed. It was found that the action of psychological defenses can hinder the implementation of constructive transformations, which can be overcome with the help of reflection. The conditions of RPT that contribute to the development of the reflection skill are determined. Three types of conceptualization of reality are differentiated: progressive, protective, pathological. Observation of attempts to rebuild the model, for example, by including explanations of their own behavior in it, allows participants to explore and understand the patterns of functioning of the protective mechanisms of the psyche, including their own. Reflexive-dynamic training gives students a unique opportunity to develop a professionally important skill to see the hidden components of interpersonal communications — a series of cause-and-effect processes occurring both in others and in themselves, as well as to receive and comprehend the experience of deep personal transformations.

Keywords: reflexive-psychodynamic training, professional development of clinical psychologists, conceptualization, picture of the world, mental stress, reflection.

References

- Avramova T. I. (2023). Developmental opportunities for psychological training in working with students. In: *Sovremennye problemy psikhologii obrazovaniia: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posviashchennoi Godu pedagoga i nastavnika v Rossiiskoi Federatsii*, Voronezh, 27 April 2023 (pp. 5–11). Voronezh, Voronezh State Pedagogical University Press. (In Russian)
- Beck J. S. (2011). *Cognitive Behavior Therapy: Basics and beyond*. New York, Guilford Press.
- Bocharov V. V., Karpova E. B., Chulkova V. A. (2009). *Formation of professional psychological contact among students of clinical psychology (reflective-psychodynamic training): teaching manual*. St. Petersburg. (In Russian)

---

^a Author for correspondence.

- Bril' M. S. (2023). Features of personality self-presentation during reflexive-psychodynamic training. In: *Problemy sotsial'noi psikhologii i sotsial'noi raboty: materialy XVIII Vserossiiskoi Paryginskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*, Sankt-Peterburg, 14 aprelia 2023 goda (pp. 69–71). St. Petersburg, St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences Press. (In Russian)
- Epstein S. (2003). Cognitive-experiential, an integrative psychodynamic theory of personality. *Bulletin of the Academy of Clinical Psychology*, 9: 5–10.
- Grigor'eva M. V., Shamionov R. M., Golubeva N. M. (2017). The role of reflection in the adaptation process of students to the conditions of study at a university. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 22 (5): 23–30. <https://doi.org/10.17759/pse.2017220503> (In Russian)
- Grishina N. V. (2018). The problem of conceptualization of context in modern psychology. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 9 (3): 10–20. (In Russian)
- Gubskii E. F., Korableva G. V., Lutchenko V. A. (eds) (2001). *Philosophical encyclopedic dictionary*. Moscow, Infra Publ. (In Russian)
- Karpov A. V., Semenov I. N., Solondae V. K. (2003). *Reflective approach in psychological support of education*. Moscow; Yaroslavl: Yaroslavl Demidov State University Press. (In Russian)
- Karpov A. V., Skitiyeva I. M. (2002). *Psychology of reflection*. Moscow, Institute of Psychology of the RAS Press. (In Russian)
- Khadisova K. V. (2020). The phenomenon of reflection in the context of philosophical and psychological approaches. In: *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki: vzgliad molodykh uchenykh: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Materialy Kruglogo stola, Grozny, 29–30 maya 2020 goda* (pp. 506–511). Grozny: Chechen State Pedagogical University Press. (In Russian)
- Kholodnaya M. A. (2022). Light and dark sides of reflection and areflexia: the splitting effect. *Psikhologicheskii zhurnal*, 43 (4): 15–26. <https://doi.org/10.31857/S020595920021475-8> (In Russian)
- Langacker R. W. (1991). *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin; New York, Mouton de Gruyter.
- Leont'ev D. A., Osin E. N. (2014). Reflection “good” and “bad”: from an explanatory model to differential diagnostics. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 11 (4): 110–135. (In Russian)
- Matiushkina E. Ia., Kantemirova A. A. (2019). Professional burnout and reflection of specialists in helping professions. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 27 (2): 50–68. <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270204> (In Russian)
- Merkur'ev D. V. (2022). The phenomenon of basic personal beliefs: a review of research. *Vestnik Chelabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie i zdoravookhraneniye*, 1 (17): 71–78. (In Russian)
- Nikitina E. S. (2020). Understanding — reflection — awareness in learning. In: M. V. Oborina, M. E. Otstavnov (eds). *Ponimaniye i refleksiya v Rossii: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya: materialy dokladov, Tver', 29–30 noyabrya 2019 goda* (pp. 218–228). Tver: Tver State University Press. (In Russian)
- Novgorodtseva I. V. (2021). Model for the formation of professional and communicative competence of future clinical psychologists. In: *Meditinskoe obrazovanie. Puti povysheniya kachestva: sbornik tezisov III Vserossiiskoi nauchno-pedagogicheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* (pp. 107–108). Orenburg, Orenburg State Medical University Press. (In Russian)
- Ozhiganova G. V. (2018). Reflection, reflexivity and higher reflexive abilities: approaches to research. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*, 24 (4): 56–60. (In Russian)
- Padun M. A., Kotelnikova A. V. (2012). *Mental trauma and the picture of the world: Theory, empirics, practice*. Moscow, Institute of Psychology of the RAS Press. (In Russian)
- Prokhorov A. O., Chernov A. V. (2014). The influence of reflection on the mental states of students in the process of educational activity. *Ekspperimental'naya psikhologiya*, 7 (2): 82–93. (In Russian)
- Sapogova E. E. (2021). Formation of professional mentality: subjective approach in teaching psychological counseling. In: *Sub'ektno-orientirovannyy obrazovatel'nyi protsess: istoriya, teoriya, innovatsionnaya praktika. Pedagogicheskie chteniya pamiati I. Ia. Lerner: materialy X Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Vladimir, 26 noyabrya 2021 goda* (pp. 138–145). Vladimir, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs Press. (In Russian)

- Semenov I. N. (2013). *A reflexive approach in the formation and development of students' personal and professional self-awareness as a factor in the modernization of higher education*. Moscow, Federal Institute for Education Development Press. (In Russian)
- Serafimovich I. V. (2021). Professional thinking as a cognitive resource of specialists of socio-economic type of professions. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal*, 4 (44): 75–83. <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0407> (In Russian)
- Styla R. (2015). Shape of the self-concept clarity change during group psychotherapy predicts the outcome: an empirical validation of the theoretical model of the self-concept change. *Frontiers in Psychology*, 6: 1598.

Received: January 24, 2023

Accepted: February 27, 2025

Authors' information:

Mikhail S. Bril — PhD in Psychology; <https://orcid.org/0000-0002-4428-7432>, m.bril@spbu.ru
 Yulia S. Bekreneva — Senior Lecturer; <https://orcid.org/0009-0006-4271-4863>, ulcha.93@mail.ru
 Natalya V. Mirgorod — PhD in Psychology; <https://orcid.org/0000-0002-6461-4621>,
n.mirgorod@spbu.ru

Развитие устойчивости организации на основе взаимодействия индивидуальных, командных и управленческих ресурсов*

Н. Н. Лепехин^а, О. Н. Ильина, В. Г. Круглов, М. А. Круглова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Лепехин Н. Н., Ильина О. Н., Круглов В. Г., Круглова М. А. Развитие устойчивости организации на основе взаимодействия индивидуальных, командных и управленческих ресурсов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 2. С. 283–308. EDN ORFHLC

В условиях турбулентной социально-экономической среды актуальной является проблема обеспечения устойчивости российских организаций, чтобы они могли эффективно справляться с неожиданными инцидентами, восстанавливать продуктивность после сбоев, преодолевать разрывы в координации действий, а главное, создавать потенциал инновационного развития на основе антиципации будущих рисков и угроз. Статья посвящена описанию интегративной концепции организационной устойчивости, которая опирается на ряд уже хорошо разработанных теоретических моделей, получивших эмпирическое подтверждение в многочисленных исследованиях. Предлагаемая концепция обосновывает необходимость межуровневого взаимодействия ресурсов устойчивости и определяет устойчивость организации как динамический метаконструкт, который формируется на основе комплементарного взаимовлияния снизу вверх и сверху вниз индивидуальных, командных и управленческих уровней устойчивости, опирающихся на культуру проактивности. Индивидуальный уровень устойчивости, критически зависимый от психологического благополучия на рабочем месте, образуется в результате проактивных перенастроек дизайна работы, что является основой для развития ресурсов устойчивости на командном и вышележащих уровнях организационной структуры. Командный уровень устойчивости формируется на основе индивидуальных ресурсов устойчивости и групповых эмерджентных состояний, создающих командную субъектность, и является медиатором, обеспечивающим успешное взаимодействие индивидуального и управленческого уровней устойчивости. Управленческий уровень включает принципы инжиниринга устойчивости, антиципацию в стратегии, трансформационное лидерство, поддержку культуры проактивности, а также стратегический менеджмент управления персоналом, который интегрирует и развивает межуровневое взаимодействие ресурсов устойчивости путем внедрения необходимых организационных практик, обеспечивающих устойчивое состояние организации как системы в текущем состоянии и стратегической перспективе: обучения и карьерного развития, партиципации и вовлечения персонала в принятие решений, справедливого монетарного и немонетарного признания, поддержания баланса работы и жизни, психологической и физической безопасности, и т. д.

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-00603, «Интегративная устойчивость организационной деятельности на основе взаимодействия персональных, командных и управленческих ресурсов».

^а Автор для корреспонденции.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

Ключевые слова: устойчивость организации, межуровневые эффекты устойчивости, индивидуальные, командные и управленческие ресурсы устойчивости, организационные практики устойчивости.

Введение

В условиях социальной и экономической турбулентности бизнес-среды перед организациями возникает проблема обеспечения устойчивого развития. Для российских организаций это особенно актуально, поскольку они сталкиваются с перманентным санкционным давлением, изменением внешнеэкономических связей, неблагоприятной динамикой социума и рынка труда. Можно согласиться с утверждением, что «устойчивость — это главный ключ к будущему. Однако люди лежат в основе любого процесса устойчивости, и только ставя людей в центр преобразований, мы можем стремиться к созданию устойчивых организаций и общества» (Matos et al., 2022, p. IX). Эвристическая ценность устойчивости как психологического понятия заключается в том, что «она может рассматриваться как системный процесс, присущий практически любому типу организованной целостности, от простой биологической системы до человека, организации, общины соседей, сообщества, города, государства или даже нации» (Zautra, Reich, 2011, p. 177). Проблема устойчивости активно разрабатывается в современной организационной психологии и имеет многоаспектный характер. Анализ имеющихся публикаций позволил выделить кластеры исследований индивидуальной профессиональной, командной и организационной устойчивости в различных сферах деятельности, которые описывают около 200 более частных субконструктов устойчивости, имеющих различные содержательные, функциональные и процессуальные характеристики (Raetze et al., 2022).

Цель данной статьи — представить концепцию проактивной организационной устойчивости как комплементарного взаимодействия индивидуальных, командных и управленческих ресурсов устойчивости, а также обосновать задачи стратегического менеджмента управления персоналом для развития устойчивости организаций.

Постановка проблемы

Определение устойчивой организации. Изначально устойчивость определялась как динамическое состояние организации и ее сотрудников, позволяющее поддерживать или восстанавливать рабочие процессы и процедуры для продолжения деятельности после серьезной аварии, инцидента или при наличии постоянного стресса. Состояние устойчивости в ее целостном представлении рассматривалось как сущностное свойство организационной системы, без которого она не сможет существовать (Hollnagel et al., 2006, p. 347). Устойчивость на рабочем месте является ключевым ресурсом для организационных систем и всех их членов (Galy et al., 2023).

Современные авторы исходят из того, что развитие организационной устойчивости подчиняется процессуальным закономерностям (Duchek, 2020; Raetze et al., 2021; Galy et al., 2023). Предлагаемые подходы различаются по количеству

и названию этапов формирования устойчивости, но все они определяют устойчивость как процесс, который связывает имеющиеся ресурсы с результатами, достигнутыми в процессе преодоления трудностей. Понимание устойчивости как динамической социотехносистемы предполагает, что организация не сможет вернуться к своему базовому уровню после столкновения с критическим событием, потому что этого начального состояния больше не существует. Развитие устойчивости происходит в результате того, что организационная система, сталкиваясь с трудностями или возможностями, извлекает уроки из своих успехов и неудач, трансформируется и тем самым увеличивает потенциал устойчивости (Duchek, 2020).

Процессы устойчивости для систем предсказуемого и непредсказуемого (non-trivial, intractable) характера деятельности обладают различной сложностью и глубиной. В соответствии с теорией инжиниринга устойчивости (resilience engineering) время простых производственных систем и предсказуемых рабочих процессов, когда каждому специалисту и руководителю достаточно было следовать заранее разработанным правилам и процедурам, ушло безвозвратно, а дизайн работы в современных организациях постоянно требует от руководителей и специалистов нетривиальных проактивных решений. В отличие от предсказуемых систем, например автосборочного производства, деятельность непредсказуемых систем, таких как центр управления полетами или институт неотложной медицины, требует множества нерегламентированных действий; работа персонала в них предполагает нестандартные решения, а одна и та же ситуация редко возникает дважды. Нагрузка и деятельность в таких организациях носят неравномерный характер, скорость изменений высока, работу сложно полностью спланировать, поскольку невозможно предсказать, когда, кто и с какой проблемой столкнется (Hollnagel, 2022).

Изменения, вносимые персоналом в дизайн работы, рассматриваемые ранее как отклонения от регламентов работы и потенциальные причины сбоев и инцидентов под названием «человеческий фактор», в устойчивой организации воспринимаются как проактивная регуляция снизу вверх, необходимая для того, чтобы преодолеть неизбежные разрывы, между тем как дизайн работы проектируется и выполняется в реальности (work-as-imagined and projected vs work-as-done). Устойчивость системы достигается, если работникам удастся вовремя и успешно внести коррективы в рабочие процессы, корректируя их исходя из возникновения новых или предполагаемых в будущем условий рабочей ситуации (Hollnagel, Nemeth, 2021).

В настоящее время акцент в определении состояния устойчивости сместился на проактивную способность специалистов и руководителей менять свою деятельность до, во время или после изменений и сбоев, чтобы они могли поддерживать требуемое качество рабочих операций как в ожидаемых, так и в неожиданных условиях (Hollnagel, 2011). Проактивная устойчивость опирается на способность персонала к антиципации угроз и изменений, а также на заблаговременный отклик на возникновение событий как угрожающего, так и благоприятного характера, которые организация может использовать для трансформации и развития (Duchek et al., 2020; Hollnagel, 2022).

Исходя из того, что устойчивое выполнение рабочих задач должно учитывать не только прошлые (предупреждающие действия) или текущие проблемы

(корректирующие действия), но и будущие события (упреждающие действия), проактивная устойчивость в работе предполагает интеграцию трех последовательных процессов: антиципации угрожающих событий, преодоления трудностей (coping) и перенастройки (crafting) работы в новых условиях. Эта последовательность имеет циклический характер, поскольку каждое успешное преодоление трудностей способствует накоплению ресурсов, и, таким образом, устойчивость развивается от одного цикла преодоления трудностей к следующему (Астапенко и др., 2021).

Вышеизложенное позволяет заключить, что современная концепция устойчивости организации должна включать не только восстановление после сбоев, адаптивность и вариабельность в ответ на стрессовые изменения условий работы, но, главное, антиципацию возможных изменений и угроз для обеспечения устойчивости как в стрессовых, так и в рутинных (способствующих выгоранию) условиях на основе проактивных перенастроек работы персонала, команд и менеджмента, направленных на предупреждение рисков и поиск открывающихся возможностей в меняющейся бизнес-среде, а также на развитие управленческих, командных и индивидуальных ресурсов устойчивости (Чигрина и др., 2020; Hollnagel, 2022; Bakker et al., 2023; Маничев и др., 2023).

Устойчивость организации на основе взаимодействия индивидуальных, командных и управленческих ресурсов. Для понимания достижения устойчивости в организации в целом необходимо исследовать межуровневые взаимодействия и эффекты различных antecedентов индивидуального, группового и общеорганизационного уровней устойчивости (Hartmann et al., 2020). Многоуровневый анализ дает возможность понимания устойчивости как восходящего, так и нисходящего процессов, а также его временной динамики (Kozlowski, Klein, 2000). Устойчивость организационной деятельности рассматривается современными авторами как свойство системы, которое формируется благодаря акторам на индивидуальном, командном и организационном (управленческом) уровнях (Bakker, Demerouti, 2018; Bardoel, Drago, 2021; Raetze et al., 2021).

Поскольку развитие устойчивой организации как целостной системы возможно на основе состояний индивидуального, командного и управленческого уровней устойчивости, необходимо понимать, как возникают или теряются эти состояния устойчивости и какова должна быть роль руководителей разного уровня, чтобы организация работала устойчиво и в текущих условиях, и при будущих изменениях (Galy et al., 2023).

В основу концепции развития состояния устойчивости может быть положена теория сохранения ресурсов С. Хобфолла (S. Hobfoll), основные положения которой можно применить к сохранению и развитию индивидуальных и коллективных ресурсов устойчивости в организации (Hobfoll et al., 2015). Данная теория рассматривает работников как субъектов, которые мотивированы накапливать, защищать и поддерживать ресурсы в соответствии с теми полномочиями, которые им даны на индивидуальном, командном и организационном уровнях. Преодолевая угрозы, вмешательства и потери в результате инцидентов, специалисты и руководители перенастраивают дизайн своей работы и организационную среду для достижения успешных результатов и поддержания психологического благополучия и тем самым накапливают еще больше ресурсов устойчивости для достижения личных и организационных целей в будущем.

Для работников в организации, особенно тех, кто работает в составе команд, поведение, направленное на развитие ресурсов, сопровождается эффектами взаимного усиления ответственности, вовлеченности, разделяемого лидерства, эмоциональной сплоченности и т. д. Согласно Хобфоллу, развитие организационной устойчивости является непрерывным процессом накопления ресурсов и противодействия их потерям. Структуры, создающие и формирующие ресурсы, например инновационные проектные группы, служат мостами, через которые происходит распространение проактивных инноваций и решений на все уровни организационной системы (Hobfoll et al., 2018).

Концепция сохранения, защиты и наращивания ресурсов позволила описать два направления достижения устойчивости в организации: устойчивость принятия и стратегическая устойчивость (Bardoel, Drago, 2021). Устойчивость принятия определяется как адаптационные действия, которые работники и руководители предпринимают для сохранения и защиты имеющихся ресурсов в ответ на негативные события в рабочей среде. Персональными диспозициями и нормами, подкрепляющими устойчивость к принятию, являются приверженность к работе, вовлеченность, самоэффективность, автономность, социальная поддержка, обратная связь, гибкость, оптимизм, аффилиация с коллегами и руководством и другие характеристики, опирающиеся на развитие внутренней мотивации.

Рабочее поведение, основанное на устойчивости принятия, поддерживает относительную преемственность дизайна рабочих процессов, мотивацию к преодолению трудностей, стабильность в организационной культуре и в целом носит ресурсосберегающий характер. Поскольку устойчивость принятия опирается на мотивационные состояния, развивающие вовлеченность и приверженность к работе, традиционно менеджмент поддерживает данную форму устойчивости, которая нужна при повышении требований на рабочем месте. Парадоксальным образом высокий уровень устойчивости к принятию может снизить готовность руководителей организации к принятию решений для заблаговременного противодействия отрицательным факторам. Руководители и сотрудники, проявляющие такой тип устойчивости, ограничены ресурсосберегающими моделями поведения и не склонны прибегать к выдвиганию инициатив по развитию, критике существующего дизайна работы или реагировать на сигналы об уходе недовольных сотрудников и росте текучести.

Описание индивидуальной устойчивости предполагает две группы переменных: диспозиционные и поведенческие. Диспозиционные характеристики связаны с уверенностью работника в своей способности преодолевать трудности, опираясь на свои личностные качества, и их можно диагностировать при помощи шкал базовой самооценки Джаджа, психологического капитала Беккера, инициативности Фрезе и др. Поведенческие характеристики отражают сочетание этих диспозиций с рабочими ресурсами организации и проявляются в проактивных действиях, в частности перенастройках дизайна работы, что позволяет заранее подготовиться и противостоять неблагоприятным ситуациям и угрозам (Ильина и др., 2022).

Кроме настроек работы, в теории требований — ресурсов (JD-R theory) рассматриваются другие формы проактивного поведения на работе, например проактивное управление жизненным тонусом и игровой дизайн работы, которые направлены на улучшение собственных физических и психологических ресурсов,

создание оптимального климата и усиление рабочей мотивации, взаимодействие и обмен идеями с коллегами, поиск креативности в искусстве или жизненной энергии на природе (Bakker et al., 2020).

Опираясь на диспозиционные и поведенческие компоненты индивидуальной устойчивости, сотрудники способны проактивно перестроить свою работу, столкнувшись с новой или трудной ситуацией. Измеряя выраженность этих двух компонентов, можно определить, с одной стороны, antecedенты и предикторы индивидуальной устойчивости, а с другой, уровень поддержки проактивной устойчивости со стороны организационного контекста (Fisher, Law, 2021).

Таким образом, индивидуальная устойчивость сотрудников включает личностные диспозиции и умение мобилизовать организационные ресурсы, предоставляемые в их распоряжение службой персонала, чтобы противостоять инцидентам и кризисам. В соответствии с основными принципами теории сохранения и развития ресурсов, это приводит к росту имеющихся ресурсов и появлению на основе научения новых ресурсных состояний, обеспечивающих устойчивость организации как развивающейся системы (Hobfoll et al., 2018). «Индивидуальная устойчивость работников — это развивающееся качество, капитализирующее успех преодоления предыдущих кризисов. Существует положительная взаимосвязь между устойчивостью работника в момент времени t и его уровнем устойчивости в момент $t + 1$ » (Galy et al., 2023, p. 8).

Проблеме развития устойчивости на командном уровне посвящен ряд теоретических и эмпирических публикаций (Hartwig et al., 2020; Лепехин и др., 2024б). Устойчивость команды нельзя рассматривать как сумму или интегральную совокупность устойчивости отдельных работников, составляющих команду. Как показывают обзоры статей, командный уровень развития устойчивости опирается на два типа процессов: композицию, обеспечивающую коллективного состояния устойчивости как суммирование индивидуальных вкладов, и компиляцию как возникновение более высокого эмерджентного уровня устойчивости на основе специфических командных процессов (Kozlowski, Chao, 2018; Galy et al., 2023). Процессы композиции описывают вклад личностных и поведенческих характеристик членов группы в повышение устойчивости командной деятельности. Среди этих характеристик можно выделить вовлеченность, адаптивность, навыки коммуникации, конфликтоустойчивость, эмоциональный интеллект, самоэффективность, профессионализм и многие другие, интегративно обеспечивающие индивидуальную устойчивость (Bowers et al., 2017; Hartmann et al., 2020; Hartwig et al., 2020; Лепехин и др., 2024б).

Особую важность имеет возникающее (emergent) состояние устойчивости на основе процессов компиляции, то есть «сборки», или трансформации группы в целостность более высокого уровня. Командное состояние «является эмерджентным, когда оно возникает в когнитивных, эмоциях, поведении или других качествах членов команды, усиливается в результате их взаимодействия и проявляется как коллективный феномен более высокого (командного) уровня» (Kozlowski, Chao, 2018, p. 579). Исследования устойчивости как группового новообразования предполагают, что устойчивость группы является эмерджентным состоянием второго порядка, которое возникает (компилируется) на основе состояний первого порядка, и следовательно, эти групповые состояния можно рассматривать как ресурсы командной устойчивости (Bowers et al., 2017, p. 8–10).

Перечень этих ресурсных командных состояний у различных авторов варьирует, но наиболее часто упоминаются чувство командной эффективности, командный опыт, транзактная память, сплоченность, идентичность с командой, совместимость ментальных моделей и эмоциональных состояний, взаимное доверие, сетевая коммуникация, разделяемое лидерство и другие состояния, возникающие в процессе групповой динамики и выполнения взаимозависимой совместной деятельности (Bowers et al., 2017; Stoverink et al., 2020; Чигрина и др., 2020; Лепехин и др., 2024a).

Таким образом, состояние устойчивости на уровне коллективов и команд является интегративным производным от исходных качеств, обеспечивающих состояние индивидуальной устойчивости, но главное, возникающих в процессе группового развития командных состояний, которые обеспечивают более высокий уровень по сравнению с устойчивостью индивидуальной деятельности (Gucciardi et al., 2018).

Принимая разноуровневую детерминацию командной устойчивости, следует учитывать не только индивидуальную устойчивость членов команды, но также состояние организационного климата и контекста, а также управленческой поддержки, необходимых для развития состояний, соответствующих уровню саморегулируемых команд (self-designing team), использующих перенастройки работы (Chapman et al., 2020). Такие команды пытаются предугадать возникновение новых профессиональных вызовов, сократить, оптимизировать или устранить ненужные требования к работе, препятствующие достижению нужных результатов. Кроме того, команды могут активно искать и мобилизовывать организационные ресурсы для улучшения своей работы. Команды такого уровня развития способствуют не только росту командной устойчивости, но и устойчивости организации в целом (Oprea et al., 2019).

В отличие от индивидуального и командного уровней, развитие устойчивости на уровне организации определяется стратегией, выбранной на основе динамики внешней бизнес-среды, культурных и профессиональных норм, а также моделей и процессов управления, которые выбирают руководители для реализации изменений. Модель управления, структура организации, связующие организационные процессы и организационная культура рассматриваются как критически важные для организационной устойчивости (Verreynne et al., 2018). Стратегическая устойчивость определяется как проактивные действия, которые руководители всех уровней направляют на создание новых организационных ресурсов в ответ на текущие и будущие негативные события (Bardoel, Drago, 2021).

Проблема обеспечения устойчивости организации как социотехносистемы рассматривается в нескольких концепциях. Концепция инжиниринга устойчивости полагает, что для обеспечения устойчивости организация должна обладать четырьмя потенциалами, которые формируются на управленческом уровне и оказывают влияние на развитие четырех сквозных компетенций, обеспечивающих устойчивость на нижележащих командном и индивидуальном уровнях (Hollnagel, 2022). Потенциал реагирования описывает способность откликаться на изменения, угрозы и возможности, например нехватку ресурсов, изменение приоритетов, отказы техники, неожиданные события, изменения регламентов, конфликты и т. д.

Потенциал отслеживания направлен на то, что происходит сейчас, что может измениться или повлиять на деятельность положительно или отрицательно

в ближайшей перспективе, что происходит как в деятельности организации, так и в социальной среде и организациях вокруг нее. Без отслеживания все происходящее будет неожиданным и внезапным, и времени на своевременную адаптацию может не хватить.

Потенциал научения и профессионального развития позволяет понять, что нет ничего абсолютно стабильного или предсказуемого, поэтому необходимо извлекать уроки не только из неудач, но, главное, из того, что было реализовано с успехом. Фокус анализа обычно направлен на выявление причин неудач, тогда как antecedенты маленьких и больших достижений анализируются редко, хотя именно такой анализ позволяет выделить приоритетные направления развития и профессионального роста.

И наконец, потенциал прогнозирования (антиципации), который направлен на понимание того, что может произойти в будущем, как для планирования ответных мер в краткосрочной перспективе, так и для создания будущей стратегии — описания условий, угроз и возможностей, которые должны учитываться в дальнейшей деятельности персонала. Данные потенциалы взаимозависимы друг от друга, и отсутствие одного из них лишает организационную устойчивость целостного и стратегического характера. Оценка каждого из потенциалов через интервалы времени позволяет оценить изменение устойчивости в конкретном месте организационной структуры и наметить пути ее повышения (Šekel'ová, Lališ, 2019).

В соответствии с теорией сохранения и развития ресурсов, стратегическая устойчивость предполагает действия руководителей, направленные на развитие и увеличение ресурсов подразделений и сотрудников (Hobfoll et al., 2018). В отличие от поведения, направленного на совладание с требованиями имеющегося дизайна работы, они направлены на перенастройку дизайна работы. Действия руководителей развивают организационную среду, дизайн рабочих процессов, горизонтальные и вертикальные коммуникации. Руководители, ориентированные на стратегическую устойчивость, отличаются в лучшую сторону с точки зрения открытости новому опыту, увеличению сложности задач, настойчивости в реализации изменений, готовности временно потерять хорошие условия, чтобы увеличить ресурсы организации в будущем. Тормозом развития стратегической устойчивости является то, что она не всегда положительно воспринимается руководством, поскольку руководители с проактивной мотивацией могут иметь амбициозные карьерные цели, и если они не могут реализовать их внутри организации, то начинают искать возможности их реализации за ее пределами.

В теории требований — ресурсов стратегическая устойчивость рассматривается и как результат, и как предиктор проактивного изменения дизайна работы. Когда руководители и специалисты внутренне мотивированы на проактивное поведение, включая оптимальные перенастройки дизайна работы, они тем самым накапливают ресурсы стратегической устойчивости. Это описывается как цикл взаимного усиления проактивного поведения и накопления организационных ресурсов, благодаря которому возникают взаимоположительные связи между вовлеченностью в работу, проактивным поведением и создаваемыми организационными ресурсами (Bakker et al., 2023, p. 36). Проактивные сотрудники, имея внутреннюю мотивацию быть проактивными, начинают оптимизировать свою работу, увеличивая ресурсы и синхронизируя рабочие требования с внешним давлением. В долговременной

перспективе такие циклы проактивного поведения создают рабочие и личные ресурсы, которые помогают сотрудникам заблаговременно подготовиться к изменениям требований работы и способствуют стратегической устойчивости.

Теория требований — ресурсов выделяет три объекта управленческих воздействий, оптимизация которых повышает устойчивость организации, — дизайн работы, организационная культура и организационные практики HR: подбор персонала, обучение и развитие, повышение вовлеченности и приверженности, совершенствование менеджмента (Albrecht et al., 2015; Bakker, Demerouti, 2018).

Дизайн работы и архитектура организации, включая техники руководства и полномочия команд, оказывают существенное влияние на устойчивость, благодаря сбалансированному росту производительности и благополучия на рабочем месте. Согласно этому подходу, управление устойчивостью должно быть построено на основе структурных вмешательств, направленных на оптимальное соотношение требований к работе и ресурсов, доступных персоналу на организационном уровне. Когда руководители понимают, какие конкретные ресурсы необходимы для развития устойчивости, они способны предпринять стратегические изменения сверху вниз для повышения устойчивости деятельности, чтобы подкрепить необходимый дизайн работы возможными практиками развития ресурсных состояний персонала.

Важной характеристикой дизайна работы, влияющей на состояние устойчивости, является соотношение вертикального и разделяемого лидерства. «Устойчивыми организациями нельзя управлять иерархически... эти организации полагаются на децентрализацию, самоорганизацию и совместное принятие решений» (Duchek, 2020, р. 237). Опираясь на межуровневое понимание устойчивости, необходимо исследовать ресурсное значение тактик влияния вертикального лидерства, поскольку одни из них могут воздействовать как ресурс, тогда как другие — являться отягощающими требованиями, снижающими устойчивость персонала (Bakker et al., 2023). Для каждого из профилей деятельности необходимо определить, какие техники руководства способны повысить уровень устойчивости на командном и индивидуальном уровне, например снизить уровень эмоционального выгорания и повысить вовлеченность в работу (Tetrick, Winslow, 2015).

В отличие от иерархического, трансформационное лидерство способно использовать широкий спектр мягких навыков влияния, опирающихся на межличностное общение, взаимодействие с сотрудниками исходя из понимания их черт характера, поведения и эмоций в конкретной рабочей ситуации. Для устойчивого управления в кризисной ситуации руководители наряду с высокой оценкой роли финансового менеджмента, идентификации рисков, планирования, такие же высокие оценки дают межличностной коммуникации, совместному принятию решений, асертивности и инициативе, лежащих в основе трансформационного лидерства (Kotsios, 2023).

Трансформационные лидеры способны повысить уровень ресурсов своих сотрудников, чтобы привести их в соответствие с требованиями работы (Tummers, Bakker, 2021). Трансформационное лидерство приводит к оптимальному соотношению требований работы и ресурсов, доступных сотрудникам, что способствует росту внутренней мотивации и повышению эффективности. Проактивные лидеры, которые расширяют возможности своих сотрудников посредством консультаций,

делегирувания полномочий и информирования, поощряют перенастройку дизайна работы на основе вовлеченности. Используя мотивирующие тактики влияния, индивидуальный подход и интеллектуальную стимуляцию, трансформационные лидеры помогают сотрудникам эффективно преодолевать препятствия и оптимизировать требования в процессе работы. Психологическая поддержка со стороны руководителя, отзывы о результатах работы, своевременная информация действуют как рабочие ресурсы (Bakker et al., 2020). Трансформационные лидеры ищут инновационные стратегии, которые преобразуют деятельность в соответствии с изменившимися условиями, что можно назвать стратегической устойчивостью, в отличие от устойчивости, направленной на возвращение к уровню деятельности без развития новых умений. Они рассматривают возникшие кризисы не как критическое нарушение их планов, но как толчок к пересмотру работы в новых условиях (Korber, McNaughton, 2017). На данный момент выявлено ресурсное значение взаимодействия трансформационного лидерства на организационном уровне и разделяемого лидерства на уровне команды, которые в совокупности способствуют проактивным инициативам работников, опираясь на регуляцию снизу вверх, и, тем самым, ускоряют внедрение инноваций в рабочих процессах, обеспечивают опережающую адаптацию к социотехногенной турбулентности (Лепехин, 2024).

Современные авторы отмечают, что устойчивость социотехносистем опирается не только на материальные активы, но и в значительной степени на культуру, которая присутствует в этих системах. Культура, ориентированная на устойчивость, рассматривается как способность социальных групп, которая целенаправленно формируется, наращивается и динамически развивается. Такая культура развивает устойчивые социальные связи в системе, образующиеся на основе «комбинации психосоциальных процессов адаптации, аккомодации и ассимиляции», что позволяет не только адаптироваться к внешним угрозам и давлению, но также ассимилировать энергию этого давления для роста устойчивости системы (Abi-Hashem, 2020, p. 13).

Организационная культура включает разделяемые нормы рабочего поведения и коммуникации, аттитюды и убеждения персонала, и подходы, используемые руководителями для регуляции деятельности и влияния, включая и неявные аспекты, такие как модели коммуникации, делегирование властных полномочий и формирование отношения сотрудников к проактивному поведению (Raetze et al., 2021).

Обзор результатов 20 исследований, обращающих внимание на роль организационной культуры в повышении устойчивости организации, показал, что существует положительная взаимосвязь с такими характеристиками культуры, как гибкость, адаптивность и открытая коммуникация. В то же время недостатки руководства, планирования и наличие внутренних конфликтов снижают показатели устойчивости. Исследования также показывают, что устойчивость способствует как росту эффективности деятельности, так и психологическому благополучию персонала. Авторы обзора считают, что формирование гибкой и адаптивной культуры, способствующей устойчивости, должно быть одной из стратегических целей руководства для обеспечения успеха в динамичной бизнес-среде (Muadzah, Suryanto, 2024).

Организационная культура, способствующая устойчивости организации, обеспечению устойчивого стратегического положения и упреждающего управления

рисками, основана на таких ценностях и характеристиках, как приверженность, доверие, расширение прав и возможностей, коммуникация, разделяемое лидерство (Granig, Hilgarter, 2020).

Показано, что организационная культура выступает в качестве медиатора во взаимосвязи между практикой управления персоналом и уровнем организационной устойчивости. Обнаружено влияние на организационную устойчивость таких норм, как позитивная оценка проактивного поведения, направленность на внесение улучшений в дизайн работы и ценность командной работы. Организационная культура, ориентированная на гибкость и инновации, может побуждать сотрудников проявлять инициативу в выявлении и решении проблем, поиске новых решений и быстрой адаптации к изменениям. Формирование такой культуры позволяет организациям повысить устойчивость и максимально раскрыть свой потенциал в условиях растущей динамичности и непредсказуемости организационной среды (Georgescu et al., 2024). Такая культура поощряет проактивное поведение, сотрудничество и непрерывное обучение, что позволяет персоналу справляться с неопределенностью и использовать открывающиеся возможности в условиях быстро меняющегося современного бизнеса (Gallab, Di Nardo, 2023).

Стратегический менеджмент управления персоналом как фактор развития и интеграции индивидуальных, командных и управленческих ресурсов устойчивости. Для стимулирования производительности, целеустремленности в выполнении рабочих задач и приверженности организации менеджмент традиционно использует различные мотивирующие инструменты, которые повышают индивидуальную производительность, качество выполнения задач, удовлетворенность клиентов и, в итоге, финансовые результаты, что очень выгодно для организации (Powley et al., 2020).

Однако исследователи обращают внимание, что повышение эффективности взаимосвязано с рабочей перегрузкой, эмоциональным истощением, нарушением баланса работы и жизни и оказывает негативное влияние на психологическое здоровье, вызывая рост тревожности и стресса, эмоциональное выгорание и намерение сменить работу. Для снижения негативного влияния роста эффективности на устойчивость необходимы ресурсные (virtuous) организационные практики, реализуемые в масштабе всей организации для развития стратегической устойчивости (Aubouin-Bonnaventure et al., 2021).

Для руководителей важно найти методы стратегического управления человеческими ресурсами, которые должны соответствовать стратегическим целям и способствовать их достижению, повышая устойчивость организации как социальной системы (Sareen, 2018; Bouaziz, Smaoui Hachicha, 2018). Интеграция управления персоналом в стратегическое планирование не только обеспечивает эффективное использование человеческих ресурсов, но и согласовывает действия сотрудников с видением и ценностями организации, что повышает приверженность и вовлеченность сотрудников, обеспечивает непрерывное обучение и развитие руководителей и сотрудников, а также способствует межуровневому взаимодействию и сотрудничеству между различными категориями персонала (Yu et al., 2022).

Современные авторы рассматривают практики управления персоналом, направленные на создание психологически здоровых рабочих мест, поддержание баланса работы и отдыха, психологического благополучия на работе, как

стратегический инструмент для поддержания устойчивости организации (Sareen, 2018; Цыбова и др., 2023; Galy et al., 2023). Такие практики работы с персоналом способствуют непрерывному развитию ресурсов сотрудников, поощряют сотрудничество, укрепляют организационную культуру и улучшают отношения с клиентами, что обеспечивает долгосрочный успех организации в конкурентной среде (Al-Ayed, 2019).

Инвестиции в стратегическое управление персоналом способствуют созданию более сильного и устойчивого человеческого капитала. Привлечение и развитие талантливых сотрудников, повышение вовлеченности и удовлетворенности работой, формирование культуры обучения и инноваций, а также согласование методов управления персоналом со стратегическими целями — это способы, с помощью которых организации могут повысить свою адаптивность к изменениям в бизнес-среде, способствовать не только росту эффективности, но и организационной устойчивости (Rehman et al., 2021).

Одновременное решение задач развития индивидуальных, командных и организационных ресурсов устойчивости с помощью методов стратегического управления персоналом позволяет создать психологически здоровую и мотивирующую рабочую среду, которая способствует адаптивности, инновациям, сотрудничеству, вовлеченности и продуктивности сотрудников (Wut et al., 2022; Beuren et al., 2022). Стратегическое управление персоналом интегрирует взаимодействие индивидуального, командного и организационного уровней устойчивости, что не только позволяет организации выживать, но и усиливает ее устойчивость в долгосрочной перспективе (Barbhuiya, Chatterjee, 2023).

Таким образом, стратегический HR-менеджмент не только включает в себя рутинные задачи кадровой политики и процедуры, но является фундаментальным компонентом в построении и поддержании устойчивой и конкурентоспособной организации в долгосрочной перспективе (Yu et al., 2022). Практики управления персоналом, которые необходимо внедрять для развития организационной устойчивости, описаны в программе Американской психологической ассоциации (American Psychological Association, APA) «Психологически здоровое рабочее место» (Grawitch, Ballard, 2016; Aubouin-Bonnaventure et al., 2021).

Практики развития и управления карьерой включают различные формы обучения, коучинг и менторинг, горизонтальную и вертикальную карьерную мобильность, карьерное консультирование. Эти практики помогают сотрудникам развивать свои профессиональные компетенции и гибкие навыки, использовать их для перенастроек дизайна работы в новых ситуациях, что очень важно для развития устойчивости. Инвестируя в карьерное развитие персонала, организация повышает свою устойчивость в стратегической перспективе.

Вовлеченность в принятие решений на основе партиципации включает совещания с участием работников разных должностных позиций, группы решения проблем, сбор предложений, опросы общественного мнения и встречи работников с руководителями, что позволяет сотрудникам обсуждать требования и процессы работы, стрессовые ситуации, участвовать в решении проблем и влиять на работу снизу вверх, выражая свои мысли, мнения и предложения. Это особенно необходимо для развития стратегической устойчивости, поскольку подсказывают менеджменту направление будущих изменений.

Социальный диалог включает совместные консультации, улучшение климата сотрудничества, официальные и регулярные коллективные переговоры и консультации с сотрудниками, когда происходят затрагивающие их организационные изменения. Эти практики дают работникам возможность выразить себя и защитить свои интересы, повышают ясность в отношении общих целей, а также условий труда и заработной платы. Социальный диалог способствует укреплению доверия в организации, что является важным ресурсом устойчивости.

Практики коммуникации для создания общедоступной информационной среды и ментальных моделей, разделяемых всеми сотрудниками, используются для получения, распространения и обсуждения информации, касающейся рабочих процессов. Они расширяют горизонты видения сотрудников и позволяют понять, чего организация ожидает от них в отношении их роли, целей и задач, создают климат доверия и взаимного уважения. Разделяемые ментальные модели являются предпосылкой устойчивости, поскольку позволяют прогнозировать критические события и способы их преодоления. Эти практики способствуют как устойчивости принятия, так и стратегической устойчивости, поскольку настраивают сотрудников на антиципацию возможных изменений.

Практики справедливого признания включают:

- регулярную обратную связь, показывающую сотрудникам, что их ценят, награждают за результат и достижения цели;
- справедливую оплату работу и профессиональные достижения (зарплата, бонусы, понятность критериев оплаты труда и присуждения бонусов);
- вознаграждение по заслугам;
- продвижение в карьере;
- равноправие в доступности информации, а также программы предотвращения дискриминации на работе.

Эти практики в наибольшей степени способствуют устойчивости принятия, поскольку актуализируют личные ресурсные состояния сотрудников. Такая рабочая среда повышает конфликтоустойчивость персонала и отрицательно связана с контрпродуктивным поведением на работе (Aubouin-Bonnaventure et al., 2021).

Практики поддержания баланса работы и личной жизни направлены на уменьшение конфликта между работой и семьей и поддержку семейных ролей вне рабочего места. Эти практики дают сотрудникам возможность выбирать гибкий график, сокращенную рабочую неделю или неполный рабочий день, а также дистантную форму работы, что позволяет им быть более гибкими при выполнении своей работы, избегать внутриличностных конфликтов.

Практики охраны труда способствуют сохранению здоровья и чувству безопасности сотрудников, включая как психологический, так и физический аспекты. Их цель — создать безопасную профессиональную среду и снизить психосоциальные риски и несчастные случаи на рабочем месте. Они показывают, что руководство ценит безопасность сотрудников и рассматривает его как приоритет по сравнению с целями производительности. Психосоциальная безопасность способствует положительному восприятию дизайна работы, косвенно снижает ощущение нагрузки и повышает адаптивную устойчивость.

Можно заключить, что практики работы с персоналом, применяемые в масштабах стратегического менеджмента человеческих ресурсов (Strategic Human

Resource Management, SHRM), способы выполнить роль интегратора, объединяющего индивидуальные, командные и управленческие ресурсы в целостный системный потенциал устойчивости (Boon et al., 2018). Развитие потенциала сотрудников и руководителей является главной ресурсной базой организационной устойчивости (Rehman et al., 2021).

Анализ

В настоящее время имеется несколько подходов к обеспечению организационной устойчивости на основе современных теоретических концепций и практик организационной психологии. В данной статье представлен анализ основных теоретических и практических подходов, лежащих в основе авторской концепции устойчивости организации.

Теория инжиниринга устойчивости исходит из невозможности ее обеспечения на основе полной регламентации функционирования социотехносистем и рассматривает неизбежные вариабельности в работе персонала (*work-as-projected* vs *work-as-done*) не как отклонение от требований руководства, а как проактивное поведение, способное оперативно перенастроить дизайн работы для достижения целей в ответ на изменения рабочей ситуации. Устойчивость здесь рассматривается не как потенциал или результат, а как постоянная норма деятельности, свойственная успешной организации. «Устойчивость — это глагол» (Hollnagel, Nemeth, 2021, р. 3). Однако в работах данного направления устойчивость рассматривается как общеорганизационное качество системы, управляемой сверху вниз, и мало анализируется индивидуальное или командное поведение, создающее устойчивость на конкретном рабочем месте.

Почти таким же образом описывает развитие устойчивости организации теория требований — ресурсов, согласно которой оптимизация соотношения требований работы и ресурсов, достигаемая за счет взаимодействий регулирования снизу вверх и сверху вниз, обеспечивает устойчивое достижение организационных целей при оптимальном состоянии индивидуальной и командной устойчивости. Перенастройки работы не только защищают персонал от выгорания, но одновременно, благодаря необходимым изменениям дизайна работы, обеспечивают устойчивость организационной деятельности в долгосрочной перспективе (Bakker et al., 2020). В данной концепции эффективная перенастройка дизайна работы для достижения организационной устойчивости интерпретируется как поддержка инициатив рядового персонала со стороны руководителей подразделений и организации в целом (Bakker et al., 2023).

Теория сохранения и развития ресурсов рассматривает работников как активных субъектов, которые мотивированы накапливать, защищать и развивать ресурсы организационной устойчивости. Создавая ресурсы устойчивости, персонал меняет дизайн работы и организационную среду для достижения успешных результатов и психологического благополучия, тем самым накапливая еще больше ресурсов для реализации непрерывного процесс развития ресурсов устойчивости (Hobfoll et al., 2018).

Последние две теории исходят из того, что инициатива создания устойчивости возникает как проактивное поведение персонала снизу вверх, направленное

на поддержку психологического благополучия и антивыгорания на рабочем месте, что способствует индивидуальной устойчивости. Позитивная роль менеджмента в развитии устойчивости организации реализуется посредством поддержки и регулирования сверху вниз, внедряющего организационные практики для обеспечения необходимых инноваций дизайна работы, что создает устойчивость в стратегической перспективе.

Согласно теории межуровневых организационных эффектов, развитие устойчивости на каждом уровне организационной структуры обеспечивается на основе суммирования ресурсов устойчивости нижележащего уровня и ресурсов, вновь создаваемых на данном уровне (Kozlowski, Chao, 2018). Поэтому принцип развития устойчивости как возникающего состояния, складывающегося на каждом из уровней организационной структуры, может быть распространен на организацию в целом. Устойчивость организации на каждом из уровней организационной структуры достигается при положительной поддержке ресурсами устойчивости как нижележащего, так и вышележащего уровней (Fisher et al., 2023).

Если учесть необходимость межуровневого взаимодействия, заслуживают внимания практики развития организационной устойчивости, опирающиеся на межуровневые взаимодействия снизу вверх и сверху вниз ресурсов устойчивости на индивидуальном, командном и управленческом уровнях. Стратегический менеджмент управления персоналом (SHRM) является внутренней организационной институцией, которая способна выполнить роль интегратора межуровневого развития организационной устойчивости на основе политик, обеспечивающих комплементарное взаимодействие индивидуального, командного и стратегического уровня развития устойчивости, что обуславливает устойчивость организации в целом. Практики управления персоналом должны обеспечивать гибкое соотношение развития ресурсов устойчивости принятия и развития стратегической устойчивости на основе антиципации будущих перспектив (Gallab, Di Nardo, 2023).

Таким образом, устойчивость организации является динамическим интегративным состоянием, возникающим на основе комплементарного взаимодействия восходящих снизу вверх эффектов влияния индивидуальных и командных ресурсов, и нисходящих сверху вниз эффектов влияния вышестоящих уровней на нижестоящие (Galy et al., 2023; Лепехин, 2024). Устойчивость каждого из уровней обеспечивает достижение индивидуальных, командных и организационных результатов, которые, в свою очередь, пользуясь механизмом обратной связи, укрепляют ресурсы устойчивости каждого из уровней (Hobfoll et al., 2018).

Схема взаимодействия индивидуального, командного и управленческого уровней организационной устойчивости представлена на рисунке. Антецедентами индивидуального уровня устойчивости являются индивидуальные ресурсы, среди которых выделяются позитивная базовая самооценка, психологический капитал, вовлеченность, проактивные настройки работы и другие ресурсы, позволяющие преодолеть стрессы деятельности и негативные процессы, ведущие к выгоранию, а главное, обеспечить профессиональный рост в отношении компетенций, направленных на устойчивость профессиональной деятельности.

Среди антецедентов командного уровня устойчивости можно выделить командный дизайн работы и разделяемое лидерство, которые дают возможность членам команды регулировать деятельность снизу вверх, а также совместимость

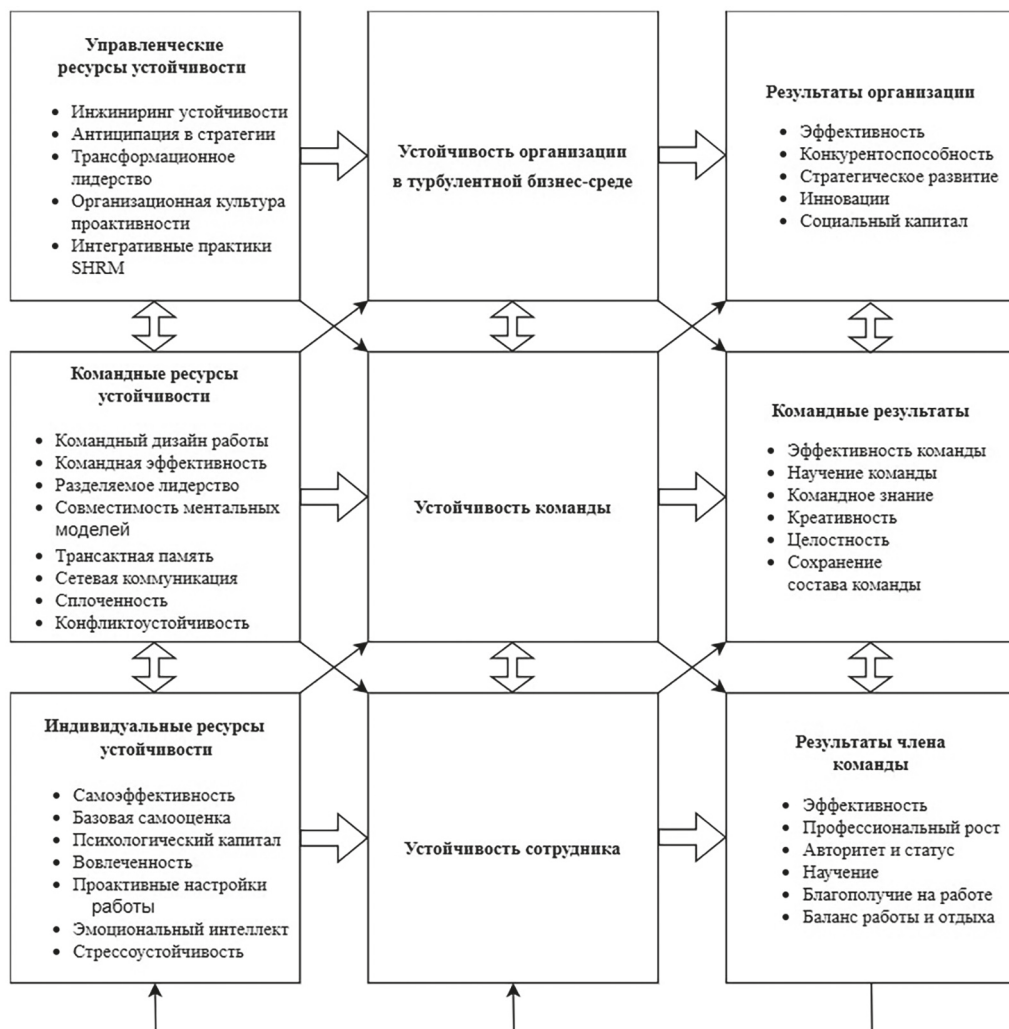

Рис. Интегративная устойчивость организации как комплементарное межуровневое взаимодействие индивидуальных, командных и управленческих ресурсов устойчивости на основе восходящих и нисходящих эффектов

ментальных моделей членов команды, которая является критическим новообразованием, особенно для групп, разрабатывающих интеллектуальные продукты, — программистов, конструкторов, дизайнеров и др. (Kozłowski, Bell, 2020). Другие возникающие командные состояния, такие как трансактная память, командная сетевая коммуникация коммуникации, сплоченность и ряд других, являются важными командными ресурсами и в совокупности создают состояние устойчивой команды.

Управленческий уровень устойчивости организации обеспечивается использованием принципов инжиниринга устойчивости, стратегической антиципацией, трансформационным лидерством, организационной культурой и поддерживается

интеграционными практиками стратегического менеджмента управления персоналом.

Из рисунка видно, что устойчивость команды является медиатором, обеспечивающим взаимодействие восходящих снизу вверх эффектов влияния индивидуальной устойчивости, и нисходящих сверху вниз эффектов влияния управленческой устойчивости. С учетом распространением командного дизайна работы в современных организациях важнейшим является вопрос о взаимосвязи уровня развития команды и устойчивости организационной деятельности. Представляется, что ресурсы командного дизайна работы могут быть полностью реализованы, если организация предполагает использование команд, которые обладают полномочиями самостоятельного влияния на оптимизацию процесса работы (self-designing team) (Wu, Cormican, 2021).

Выводы

В связи с возрастающей политической и экономической турбулентностью бизнес-среды актуальной является разработка целостной концепции организационной устойчивости, позволяющей сформулировать практические рекомендации для российских организаций. Предлагаемая концепция интегративной устойчивости организации использует ряд уже хорошо разработанных теоретических моделей, получивших эмпирическое подтверждение в многочисленных исследованиях.

Индивидуальный уровень устойчивости, опирающийся на психологическое благополучие на рабочем месте, возникает в результате проактивности персонала и является основой для развития ресурсов устойчивости на групповом и вышележащих уровнях организационной структуры.

Командный уровень устойчивости возникает на основе индивидуальных ресурсов устойчивости и групповых новообразований, создающих командную субъектность. Внедрение командного дизайна работы обеспечивает взаимодействие индивидуального и управленческого уровней устойчивости.

Управленческий уровень устойчивости включает принципы инжиниринга устойчивости, антиципацию в стратегии, трансформационное лидерство и поддержку культуры проактивности. Стратегический менеджмент управления персоналом является институтом, позволяющим развивать и интегрировать межуровневые ресурсы устойчивости путем разработки и внедрения необходимых организационных практик для обеспечения устойчивости персонала.

Теоретический анализ позволяет сделать заключение, что устойчивость организации является динамическим метаконструктом, который формируется на основе комплементарного взаимовлияния снизу вверх и сверху вниз индивидуальных, командных и управленческих уровней устойчивости, опирающихся на культуру проактивности.

Ограничения

В соответствии с предметной областью организационной психологии представленная концепция не включает анализ финансовых, технических, логистических и других материальных ресурсов устойчивости. В концепции также не представлен

анализ факторов контекста деятельности, который предъявляет специфические экономические, технологические, временные и другие требования к обеспечению устойчивости организаций. Вместе с тем эффективное использование материальных ресурсов в условиях требований любого профессионального контекста невозможно без анализа и понимания роли человеческого фактора в обеспечении устойчивости социотехносистемы.

Благодарность

Авторы выражают благодарность организаторам Всероссийской конференции с международным участием «Зимняя психологическая школа — 2024», предоставившим возможность доклада и обсуждения тематики статьи.

Литература

- Астапенко Е. Е., Круглова М. А., Лепехин Н. Н., Маничев С. А., Федоров С. И. Развитие рабочих команд на основе проактивных интервенций в циклах выполнения задач // Петербургский психологический журнал. 2021. № 36. С. 1–54.
- Ильина О. Н., Лепехин Н. Н., Маничев С. А. Проактивное рабочее поведение: концепции и направления исследований // Организационная психология. 2022. Т. 12, № 1. С. 92–127. <https://doi.org/10.17323/2312-5942-2023-13-1-92-116>
- Лепехин Н. Н. Индивидуальные, командные и лидерские ресурсы развития устойчивости команд в организации // Петербургский психологический журнал. 2024. № 46. С. 44–78.
- Лепехин Н. Н., Ильина О. Н., Круглов В. Г., Круглова М. А. Разделяемое лидерство и совместимость ментальных моделей как предикторы устойчивости рабочих групп // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024а. Т. 14, № 4. С. 673–692.
- Лепехин Н. Н., Ильина О. Н., Круглов В. Г., Круглова М. А. Интегративное обеспечение устойчивости рабочих групп на основе взаимодействия персональных и командных ресурсов // Эргодизайн. 2024б. № 1 (23). С. 61–76. <https://doi.org/10.30987/2658-4026-2024-1-61-76>
- Маничев С. А., Милетич М. П., Лепехин Н. Н., Ильина О. Н., Погребницкая В. Е. Русскоязычная версия «Шкалы настройки работы» («Job crafting scale»): психометрическая проверка, валидизация и перспективы использования // Организационная психология. 2023. Т. 13, № 1. С. 92–116.
- Цыбова В. С., Кучеров Д. Г., Лисовская А. Ю. Социально ответственное управление человеческими ресурсами, благополучие сотрудников и инновационное рабочее поведение: концептуальная модель // Российский журнал менеджмента. 2023. Т. 21, № 4. С. 514–533. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2023.403>
- Чигрина А. А., Багратиони К. А., Нестик Т. А. Разработка теоретической модели групповой жизнеспособности // Организационная психология. 2020. Т. 10, № 2. С. 151–171.
- Abi-Hashem N. Resiliency and culture: An interdisciplinary approach // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2020. Vol. 17, no. 4. P. 586–603. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-586-603>
- Al-Ayed S. I. The impact of strategic human resource management on organizational resilience: An empirical study on hospitals // Business: Theory and Practice. 2019. Vol. 20. P. 179–186. <https://doi.org/10.3846/btp.2019.17>
- Albrecht S., Bakker A. B., Gruman J., Macey W., Saks A. Employee engagement, human resource management practices and competitive advantage: An integrated approach // Journal of Organizational Effectiveness: People and Performance. 2015. Vol. 2. P. 7–35. <https://doi.org/10.1108/JOEPP-08-2014-0042>
- Aubouin-Bonnaventure J., Fouquereau E., Coillot H., Lahiani F. J., Chevalier S. Virtuous organizational practices: A new construct and a new inventory // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. Art. 724956. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.724956>
- Bakker A. B., Demerouti E., Sanz-Vergel A. I. Job demands — resources theory: ten years later // Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. 2023. Vol. 10, no. 1. P. 25–53. <https://doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-120920-053933>

- Bakker A. B., Petrou P., Op den Kamp E. M., Tims M. Proactive vitality management, work engagement, and creativity: the role of goal orientation // *Appl. Psychol. Int. Rev.* 2020. Vol. 69. P. 351–378. <https://doi.org/10.1111/apps.12173>
- Bakker A. B., Demerouti E. Multiple levels in job demands — resources theory: implications for employee well-being and performance // E. Diener, S. Oishi, L. Tay (eds). *Handbook of Well-Being*. Noba Scholar, 2018. P. 554–566.
- Barbhuiya M. R., Chatterjee D. Just survive or thrive? Effect of psychological and organizational resilience on adoption of innovative strategies by hospitality sector post COVID-19 // *Tourism Planning & Development*. 2023. Vol. 20. P. 188–211. <https://doi.org/10.1080/21568316.2022.2121312>
- Bardoel E. A., Drago R. Acceptance and strategic resilience: An application of conservation of resources theory // *Group & Organization Management*. 2021. Vol. 46, no. 4. P. 657–691. <https://doi.org/10.1177/10596011211022488>
- Beuren I. M., dos Santos V., Theiss V. Organizational resilience, job satisfaction and business performance // *International Journal of Productivity and Performance Management*. 2022. Vol. 71. P. 2262–2279. <https://doi.org/10.1108/IJPPM-03-2021-0158>
- Boon C., Eckardt R., Lepak D., Boselie P. Integrating strategic human capital and strategic human resource management // *The International Journal of Human Resource Management*. 2018. Vol. 29. P. 34–67. <https://doi.org/10.1080/09585192.2017.1380063>
- Bouaziz F., Smaoui Hachicha Z. Strategic human resource management practices and organizational resilience // *Journal of Management Development*. 2018. Vol. 37. P. 537–551. <https://doi.org/10.1108/JMD-11-2017-0358>
- Bowers C., Kreutzer C., Cannon-Bowers J., Lamb J. Team resilience as a second-order emergent state: A theoretical model and research directions // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8. Art. 1360. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01360>
- Chapman M. T., Lines R. L. J., Crane M., Ducker K. J., Ntoumanis N., Peeling P., Parker S. K., Qusted E., Temby P., Thøgersen-Ntoumani C., Gucciardi D. F. Team resilience: A scoping review of conceptual and empirical work // *Work and Stress*. 2020. Vol. 34, no. 1. P. 57–81. <https://doi.org/10.1080/02678373.2018.1529064>
- Duchek S. Organizational resilience: A capability-based conceptualization // *Business Research*. 2020. Vol. 13, no. 1. P. 215–246. <https://doi.org/10.1007/s40685-019-0085-7>
- Duchek S., Raetz S., Scheuch I. The role of diversity in organizational resilience: a theoretical framework // *Business Research*. 2020. Vol. 13. P. 387–423. <https://doi.org/10.1007/s40685-019-0084-8>
- Fisher D. M., Law R. D. How to choose a measure of resilience: An organizing framework for resilience measurement // *Applied Psychology: An International Review*. 2021. Vol. 70, no. 2. P. 643–673. <https://doi.org/10.1111/apps.12243>
- Fisher D. M., LeNoble C. A., Vanhove A. J. An integrated perspective on individual and team resilience: Moving from multilevel structure to cross-level effects // *Applied Psychology*. 2023. Vol. 72, no. 3. P. 1043–1074. <https://doi.org/10.1111/apps.12419>
- Gallab M., Di Nardo M. New innovation, sustainability, and resilience challenges in the X.0 era // *Applied System Innovation*. 2023. Vol. 6. P. 39. <https://doi.org/10.3390/asi6020039>
- Galy A., Chênevert D., Fouquereau E., Groulx P. Toward a new conceptualization of resilience at work as a meta-construct? // *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 14. Art. 1211538. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1211538>
- Georgescu I., Bocan C. G., Vărzaru A. A., Rotea C. C., Mangra M. G., Mangra G. I. Enhancing organizational resilience: The transformative influence of strategic human resource management practices and organizational culture // *Sustainability*. 2024. Vol. 16. P. 4315. <https://doi.org/10.3390/su16104315>
- Granig P., Hilgarter K. Organisational resilience: A qualitative study about how organisations handle trends and their effects on business models from experts' views // *International Journal of Innovation Science*. 2020. Vol. 12, no. 5. P. 525–544. <https://doi.org/10.1108/IJIS-06-2020-0086>
- Grawitch M. J., Ballard D. W. Introduction: Building a psychologically healthy workplace // Grawitch M. J., Ballard D. W. (eds). *The psychologically healthy workplace: Building a win-win environment for organizations and employees*. Washington: American Psychological Association, 2016. P. 3–11. <https://doi.org/10.1037/14731-001>
- Gucciardi D. F., Crane M., Ntoumanis N., Parker S. K., Thøgersen-Ntoumani C., Ducker K. J., Peeling P., Chapman M. T., Qusted E., Temby Ph. The emergence of team resilience: a multilevel conceptual model of

- facilitating factors // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2018. Vol. 91. P. 729–768. <https://doi.org/10.1111/joop.12237>
- Hartmann S., Weiss M., Newman A., Hoegl M. Resilience in the workplace: A multilevel review and synthesis // *Applied Psychology*. 2020. Vol. 69. P. 913–959. <https://doi.org/10.1111/apps.12191>
- Hartwig A., Clarke S., Johnson S., Willis S. Workplace team resilience: A systematic review and conceptual development // *Organizational Psychology Review*. 2020. Vol. 10, no. 3–4. P. 169–200.
- Hobfoll S. E., Halbesleben J., Neveu J.-P., Westman M. Conservation of resources in the organizational context: The reality of resources and their consequences // *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*. 2018. Vol. 5, no. 1. P. 103–128. <https://doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-032117-104640>
- Hobfoll S. E., Stevens N. R., Zalta A. K. Expanding the science of resilience: Conserving resources in the aid of adaptation // *Psychological Inquiry: An International Journal for the Advancement of Psychological Theory*. 2015. Vol. 26, no. 2. P. 174–180. <https://doi.org/10.1080/1047840X.2015.1002377>
- Hollnagel E. RAG — The resilience analysis grid // Pariès J., Wreathall J. Resilience engineering in practice. A guidebook. London: CRC Press, 2011. P. 275–296. <https://doi.org/10.1201/9781317065265>
- Hollnagel E. Systemic potentials for resilient performance // Matos F., Selig P. M., Henriqson E. (eds). Resilience in a Digital Age. Cham: Springer, 2022. P. 7–17. https://doi.org/10.1007/978-3-030-85954-1_2
- Hollnagel E., Nemeth C. From resilience engineering to resilient performance // Nemeth C., Hollnagel E. (eds). Advancing Resilient Performance. Cham: Springer, 2021. P. 1–9. https://doi.org/10.1007/978-3-030-74689-6_1
- Hollnagel E., Woods D., Leveson N. Resilience Engineering: Concepts and Precepts. Aldershot: Ashgate, 2006.
- Korber S., McNaughton R. B. Resilience and entrepreneurship: a systematic literature review // *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*. 2017. Vol. 24, no. 7. P. 1129–1154. <https://doi.org/10.1108/IJEBR-10-2016-0356>
- Kotsios P. Business resilience skills for SMEs // *Journal of Innovation and Entrepreneurship*. 2023. Vol. 12, no. 37. <https://doi.org/10.1186/s13731-023-00304-0>
- Kozlowski S. W. J., Bell B. S. Advancing team learning: Process mechanisms, knowledge outcomes, and implications // L. Argote, J. M. Levine (eds). The Oxford handbook of group and organizational learning. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 195–230.
- Kozlowski S. W., Chao G. T. Unpacking team process dynamics and emergent phenomena: Challenges, conceptual advances, and innovative methods // *The American Psychologist*. 2018. Vol. 73, no. 4. P. 576–592. <https://doi.org/10.1037/amp0000245>
- Kozlowski S. W., Klein K. J. A multilevel approach to theory and research in organizations: Contextual, temporal, and emergent processes // Klein K. J., Kozlowski S. W. (eds). Multilevel Theory, Research, and Methods in Organizations: Foundations, Extensions, and New Directions. San Francisco: Jossey-Bass, 2000. P. 3–90.
- Matos F., Selig P. M., Henriqson E. Resilience in a Digital Age. Contributions to Management Science. Cham: Springer, 2022. https://doi.org/10.1007/978-3-030-85954-1_1
- Muadzah S., Suryanto S. Organizational Culture and Resilience: Systematic Literature Review // *Jurnal Ilmiah Manajemen, Ekonomi, & Akuntansi (MEA)*. 2024. Vol. 8, no. 2. P. 1426–1440. <https://doi.org/10.31955/mea.v8i2.4175>
- Oprea B., Barzin L., Virgă D., Iliescu D., Rusu A. A. Effectiveness of job crafting interventions: a meta-analysis and utility analysis // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2019. Vol. 28. P. 723–741. <http://dx.doi.org/10.1080/1359432X.2019.1646728>
- Powley E. H., Caza B. B., Caza A. (eds). Research Handbook on Organizational Resilience. London: Edward Elgar Publishing, 2020.
- Raetze S., Duchek S., Maynard M. T., Kirkman B. L. Resilience in organizations: An integrative multilevel review and editorial introduction // *Group & Organization Management*. 2021. Vol. 46, no. 4. P. 607–656. <https://doi.org/10.1177/10596011211032129>
- Raetze S., Duchek S., Maynard M. T., Wohlgemuth M. Resilience in organization-related research: An integrative conceptual review across disciplines and levels of analysis // *The Journal of Applied Psychology*. 2022. Vol. 107, no. 6. P. 867–897. <https://doi.org/10.1037/apl0000952>
- Rehman K. U., Mata M. N., Martins J. M., Mariam S., Rita J. X., Correia A. B. SHRM practices employee and organizational resilient behavior: Implications for open innovation // *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2021. Vol. 7, no. 2. P. 159. <https://doi.org/10.3390/joitmc7020159>

- Sareen D. Relationship between strategic human resource management and job satisfaction // International Journal of Current Research in Life Sciences. 2018. Vol. 7, no. 3. P. 1229–1233.
- Sekelová F., Lališ A. Application of resilience assessment grid in production of aircraft components // Magazine of Aviation Development. 2019. Vol. 7, no. 4. P. 6–11. <https://doi.org/10.14311/MAD.2019.04.01>
- Stoverink A. C., Kirkman B. L., Mistry S., Rosen B. Bouncing back together: Toward a theoretical model of work team resilience // Academy of Management Review. 2020. Vol. 45. P. 395–422. <https://doi.org/10.5465/amr.2017.0005>
- Tetrick L. E., Winslow C. J. Workplace stress management interventions and health promotion // Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. 2015. Vol. 2. P. 583–603. <https://doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-032414-111341>
- Tummers L., Bakker A. B. Leadership and job demands — resources theory: a systematic review // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. Art. 722080. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.722080>
- Verreynne M.-L., Ho M., Linnenluecke M. Editorial for the special issue on: organizational resilience and the entrepreneurial firm // International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research. 2018. Vol. 24, no. 7. P. 1122–1128. <https://doi.org/10.1108/IJEBR-11-2018-533>
- Wu Q., Cormican K. Shared leadership and team effectiveness: An investigation of whether and when in engineering design teams // Frontiers in Psychology. 2021. Art. 569198. P. 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.569198>
- Wut T.-M., Lee S.-W., Xu J. Role of organizational resilience and psychological resilience in the workplace — internal stakeholder perspective // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. Vol. 19, no. 18. P. 11799. <https://doi.org/10.3390/ijerph191811799>
- Yu J., Yuan L., Han G., Li H., Li P. A study of the impact of strategic human resource management on organizational resilience // Behavioral Sciences. 2022. Vol. 12. P. 508. <https://doi.org/10.3390/bs12120508>
- Zautra A. J., Reich J. W. Resilience: the meaning, methods, and measures of a fundamental characteristic of human adaptation // S. Folkman (ed.). Oxford Handbook of Stress, Health, and Coping. New York: Oxford University Press, 2011. P. 173–185.

Статья поступила в редакцию 28 апреля 2024 г.;
рекомендована к печати 27 февраля 2025 г.

Контактная информация:

Лепехин Николай Николаевич — канд. психол. наук; <https://orcid.org/0000-0001-9160-0519>, n.lepehin@spbu.ru

Ильина Ольга Николаевна — мл. науч. сотр.; <https://orcid.org/0000-0001-8477-2507>, st061944@student.spbu.ru

Круглов Владимир Георгиевич — канд. психол. наук; <https://orcid.org/0000-0001-8282-5476>, v.kruglov@spbu.ru

Круглова Марина Анатольевна — канд. психол. наук; <https://orcid.org/0000-0001-7959-7097>, m.kruglova@spbu.ru

Development of organizational resilience based on the interaction of individual, team and management resources*

N. N. Lepekhin^a, O. N. Ilyina, V. G. Kruglov, M. A. Kruglova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

* The study was supported by the Russian Science Foundation, grant no. 24-28-00603.

^a Author for correspondence.

For citation: Lepekhin N.N., Ilyina O.N., Kruglov V.G., Kruglova M.A. Development of organizational resilience based on the interaction of individual, team and management resources. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 2, pp. 283–308. EDN ORFHLC (In Russian)

In a turbulent socio-economic environment the problem of ensuring resilience of Russian organizations is relevant so that they can effectively cope with unexpected incidents, restore productivity after failures, overcome gaps in coordination of actions, and most importantly, create the potential for innovative development based on the anticipation of future risks and threats. Development of resilience is considered as a constant activity inherent in a successful organization to meet rapidly changing political, economic and social conditions of activity. The article is devoted to the description of the integrative concept of organizational resilience, which is based on a number of already well-developed theoretical models that have received empirical confirmation in numerous studies. The proposed concept substantiates the need for inter-level interaction of resilience resources, and defines organizational resilience as a dynamic meta-construct, which is formed on the basis of complementary mutual influence “bottom — up” and “top — down” of individual, team and managerial levels of resilience, based on the culture of proactivity. The individual level of resilience, critically dependent on psychological well-being in the workplace, arises as a result of proactive job crafting of work design, which is the basis for developing resilience resources at the team and higher levels of the organizational structure. The team level of resilience is formed on the basis of individual resilience resources and group emergent states that create team subjectivity, and is a mediator ensuring successful interaction between the individual and managerial levels of resilience. The managerial level of resilience includes the principles of resilience engineering, anticipation in strategy, transformational leadership, support for a culture of proactivity, as well as strategic HR management, which integrates and develops inter-level interaction of resilience resources by introducing the necessary virtuous organizational practices that ensure a resilience state of the organization as a system in the current state and strategic perspective: training and career development, participation and involvement of personnel in decision-making, fair monetary and non-monetary recognition, maintaining a work-life balance, psychological and physical safety, and others.

Keywords: development of organizational resilience, interlevel effects of resilience, individual, team and managerial resources of resilience, virtuous organizational practices.

References

- Abi-Hashem N. (2020). Resiliency and culture: An interdisciplinary approach. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17 (4): 586–603. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-586-603>
- Al-Ayed S.I. (2019). The impact of strategic human resource management on organizational resilience: An empirical study on hospitals. *Business: Theory and Practice*, 20: 179–186. <https://doi.org/10.3846/btp.2019.17>
- Albrecht S.L., Bakker A.B., Gruman J.A., Macey W.H., Saks A.M. (2015). Employee engagement, human resource management practices and competitive advantage: An integrated approach. *Journal of organizational effectiveness: People and performance*, 2 (1): 7–35. <https://doi.org/10.1108/JOEPP-08-2014-0042>
- Astapenko Ye. Ye., Kruglova M.A., Lepekhin N.N., Manichev S.A., Fedorov S.I. (2021). Development of work teams based on proactive interventions in task cycles. *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal*, 36: 1–54. (In Russian)
- Aubouin-Bonnaventure J., Fouquereau E., Coillot H., Lahiani F.J., Chevalier S. (2021). Virtuous organizational practices: A new construct and a new inventory. *Frontiers in Psychology*, 12: 724956. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.724956>

- Bakker A.B., Demerouti E., Sanz-Vergel A. (2023). Job demands — resources theory: Ten years later. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, 10: 25–53. <https://doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-120920-053933>
- Bakker A. B., Petrou P., Op den Kamp E. M., Tims M. (2020). Proactive vitality management, work engagement, and creativity: The role of goal orientation. *Applied Psychology: An International Review*, 69 (2): 351–378. <https://doi.org/10.1111/apps.12173>
- Bakker A., Demerouti E. (2018). Multiple levels in job demands-resources theory: Implications for employee well-being and performance. In: E. Diener, S. Oishi, L. Tay (eds). *Handbook of Well-Being* (pp. 554–566). Noba Scholar. P. 554–566.
- Barbhuiya M.R., Chatterjee D. (2023). Just survive or thrive? Effect of psychological and organizational resilience on adoption of innovative strategies by hospitality sector post COVID-19. *Tourism Planning & Development*, 20: 188–211. <https://doi.org/10.1080/21568316.2022.2121312>
- Bardoel E. A., Drago R. (2021). Acceptance and strategic resilience: An application of conservation of resources theory. *Group & Organization Management*, 46 (4): 657–691. <https://doi.org/10.1177/10596011211022488>
- Beuren I. M., dos Santos V., Theiss V. (2022). Organizational resilience, job satisfaction and business performance. *International Journal of Productivity and Performance Management*, 71: 2262–2279. <https://doi.org/10.1108/IJPPM-03-2021-0158>
- Boon C., Eckardt R., Lepak D., Boselie P. (2018). Integrating strategic human capital and strategic human resource management. *The International Journal of Human Resource Management*, 29: 34–67. <https://doi.org/10.1080/09585192.2017.1380063>
- Bouaziz F., Smaoui Hachicha Z. (2018). Strategic human resource management practices and organizational resilience. *Journal of Management Development*, 37: 537–551. <https://doi.org/10.1108/JMD-11-2017-0358>
- Bowers C., Kreutzer C., Cannon-Bowers J., Lamb J. (2017). Team resilience as a second-order emergent state: A theoretical model and research directions. *Frontiers in Psychology*, 8: 1360. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01360>
- Chapman M. T., Lines R. L. J., Crane M., Ducker K. J., Ntoumanis N., Peeling P., Parker S. K., Qusted E., Temby P., Thøgersen-Ntoumani C., Gucciardi D. F. (2020). Team resilience: A scoping review of conceptual and empirical work. *Work & Stress*, 34 (1): 57–81. <https://doi.org/10.1080/02678373.2018.1529064>
- Chigrina A. A., Bagrationi K. A., Nestik T. A. (2020). Development of theoretical model for collective resilience. *Organizatsionnaia psikhologiya*, 10 (2): 151–171. (In Russian)
- Duchek S. (2020). Organizational resilience: a capability-based conceptualization. *Business Research*, 13 (1): 215–246. <https://doi.org/10.1007/s40685-019-0085-7>
- Duchek S., Raetz S., Scheuch I. (2020). The role of diversity in organizational resilience: a theoretical framework. *Business Research*, 13 (2), 387–423. <https://doi.org/10.1007/s40685-019-0084-8>
- Fisher D.M., Law R.D. (2021). How to choose a measure of resilience: An organizing framework for resilience measurement. *Applied Psychology: An International Review*, 70 (2): 643–673. <https://doi.org/10.1111/apps.12243>
- Fisher D.M., LeNoble C.A., Vanhove A.J. (2023). An integrated perspective on individual and team resilience: Moving from multilevel structure to cross-level effects. *Applied Psychology*, 72 (3), 1043–1074. <https://doi.org/10.1111/apps.12419>
- Gallab M., Di Nardo M. (2023). New innovation, sustainability, and resilience challenges in the X.0 era. *Applied System Innovation*, 6: 39. <https://doi.org/10.3390/asi6020039>
- Galy A., Chênevert D., Fouquereau E., Groulx P. (2023). Toward a new conceptualization of resilience at work as a meta-construct? *Frontiers in Psychology*, 14: 1211538. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1211538>
- Georgescu I., Bocean C. G., Vărzaru A. A., Rotea C. C., Mangra M. G., Mangra G. I. (2024). Enhancing organizational resilience: The transformative influence of strategic human resource management practices and organizational culture. *Sustainability*, 16: 4315. <https://doi.org/10.3390/su16104315>
- Granig P., Hilgarter K. (2020). Organisational resilience: a qualitative study about how organisations handle trends and their effects on business models from experts' views. *International Journal of Innovation Science*, 12 (5): 525–544. <https://doi.org/10.1108/IJIS-06-2020-0086>

- Grawitch M. J., Ballard D. W. (2016). Introduction: Building a psychologically healthy workplace. In: Grawitch M. J., Ballard D. W. (eds). *The psychologically healthy workplace: Building a win-win environment for organizations and employees* (pp. 3–11). Washington, American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/14731-000>
- Gucciardi D. F., Crane M., Ntoumanis N., Parker S. K., Thøgersen-Ntoumani C., Ducker K. J., Peeling P., Chapman M. T., Qusted E., Temby Ph. (2018). The emergence of team resilience: A multilevel conceptual model of facilitating factors. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 91 (4): 729–768. <https://doi.org/10.1111/joop.12237>
- Hartmann S., Weiss M., Newman A., Hoegl M. (2020). Resilience in the workplace: A multilevel review and synthesis. *Applied Psychology: An International Review*, 69 (3): 913–959. <https://doi.org/10.1111/apps.12191>
- Hartwig A., Clarke S., Johnson S., Willis S. (2020). Workplace team resilience: A systematic review and conceptual development. *Organizational Psychology Review*, 10 (3–4): 169–200. <https://doi.org/10.1177/2041386620919476>
- Hobfoll S. E., Halbesleben J., Neveu J.-P., Westman M. (2018). Conservation of resources in the organizational context: The reality of resources and their consequences. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, 5: 103–128. <https://doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-032117-104640>
- Hobfoll S. E., Stevens N. R., Zalta A. K. (2015). Expanding the science of resilience: Conserving resources in the aid of adaptation. *Psychological Inquiry*, 26 (2): 174–180. <https://doi.org/10.1080/1047840X.2015.1002377>
- Hollnagel E. (2011). RAG — The resilience analysis grid. In: Pariès J., Wreathall J. *Resilience engineering in practice. A guidebook* (pp. 275–296). London, CRC Press. <https://doi.org/10.1201/9781317065265>
- Hollnagel E. (2022). Systemic potentials for resilient performance. In: Matos F., Selig P. M., Henriqson E. (eds). *Resilience in a Digital Age* (pp. 7–17). Cham, Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-85954-1_2
- Hollnagel E., Nemeth C. P. (2021). From resilience engineering to resilient performance. In: Nemeth C. P., Hollnagel E. (eds). *Advancing Resilient Performance* (pp. 1–9). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-74689-6_1
- Hollnagel E., Woods D. D., Leveson N. (eds) (2006). *Resilience Engineering: Concepts and precepts*. Aldershot, Ashgate.
- Ilyina O. N., Lepekhin N. N., Manichev S. A. (2022). Proactive work behavior: concepts and research directions. *Organizatsionnaya psikhologiya*, 12 (1): 92–127. (In Russian)
- Korber S., McNaughton R. B. (2018). Resilience and entrepreneurship: a systematic literature review. *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*, 24 (7): 1129–1154. <https://doi.org/10.1108/IJEBR-10-2016-0356>
- Kotsios P. (2023). Business resilience skills for SMEs. *Journal of Innovation and Entrepreneurship*, 12 (1): 37. <https://doi.org/10.1186/s13731-023-00304-0>
- Kozlowski S. W. J., Bell B. S. (2020). Advancing team learning: Process mechanisms, knowledge outcomes, and implications. In: L. Argote, M. J. M. Levine (eds). *The Oxford handbook of group and organizational learning* (pp. 195–230). Oxford, Oxford University Press.
- Kozlowski S. W. J., Chao G. T. (2018). Unpacking team process dynamics and emergent phenomena: Challenges, conceptual advances, and innovative methods. *American Psychologist*, 73 (4): 576–592. <https://doi.org/10.1037/amp0000245>
- Kozlowski S. W. J., Klein K. J. (2000). A multilevel approach to theory and research in organizations: Contextual, temporal, and emergent processes. In: K. J. Klein, S. W. J. Kozlowski (eds). *Multilevel Theory, Research, and Methods in Organizations: Foundations, extensions, and new directions* (pp. 3–90). San Francisco, Jossey-Bass.
- Lepekhin N. N. (2024). Individual, team and leadership resources of team resilience development in organizations. *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal*, 46: 44–78. (In Russian)
- Lepekhin N. N., Ilyina O. N., Kruglova V. G., Kruglova M. A. (2024). Shared leadership and mental models compatibility as predictors of work group resilience. *Vestnik of St. Petersburg University. Psychology*, 14, 4: 673–692. (In Russian)
- Lepekhin N. N., Ilyina O. N., Kruglova V. G., Kruglova M. A. (2024). Integrative ensuring of workgroup sustainability based on interaction. *Ergodizain*, 1 (23): 61–76. <https://doi.org/10.30987/2658-4026-2024-1-61-76> (In Russian)

- Manichev S.A., Miletich M.P., Lepekhin N.N., Ilyina O.N., Pogrebetskaya V.E. (2023). The Russian version of the Job Crafting Scale: Psychometric verification, validation and perspectives of use. *Organizatsionnaya psikhologiya*, 13 (1): 92–116. <https://doi.org/10.17323/2312-5942-2023-13-1-92-116> (In Russian)
- Matos F., Selig P.M., Henriqson E. (eds) (2022). *Resilience in a digital age: Contributions to management science* Cham, Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-85954-1_1
- Muadzah S., Suryanto S. (2024). Organizational culture and resilience: Systematic literature review. *Jurnal Ilmiah Manajemen, Ekonomi, & Akuntansi (MEA)*, 8 (2): 1426–1440. <https://doi.org/10.31955/mea.v8i2.417>
- Oprea B.T., Barzin L., Virgă D., Iliescu D., Rusu A. (2019). Effectiveness of job crafting interventions: A meta-analysis and utility analysis. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 28 (6): 723–741. <http://dx.doi.org/10.1080/1359432X.2019.1646728>
- Powley E.H., Caza B.B., Caza A. (eds) (2020). *Research Handbook on Organizational Resilience*. London, Edward Elgar Publishing.
- Raetze S., Duchek S., Maynard M.T., Kirkman B.L. (2021). Resilience in organizations: An integrative multilevel review and editorial introduction. *Group & Organization Management*, 46 (4): 607–656. <https://doi.org/10.1177/10596011211032129>
- Raetze S., Duchek S., Maynard M.T., Wohlgemuth M. (2022). Resilience in organization-related research: An integrative conceptual review across disciplines and levels of analysis. *Journal of Applied Psychology*, 107 (6): 867–897. <https://doi.org/10.1037/apl0000952>
- Rehman K.U., Mata M.N., Martins J.M., Mariam S., Rita J.X., Correia A.B. (2021). SHRM Practices Employee and Organizational Resilient Behavior: Implications for Open Innovation. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*, 7 (2): 159. <https://doi.org/10.3390/joitmc7020159>
- Sareen D. (2018). Relationship between strategic human resource management and job satisfaction. *International Journal of Current Research in Life Sciences*, 7 (3): 1229–1233.
- Sekelová F., Lališ A. (2019). Application of resilience assessment grid in production of aircraft components. *MAD-Magazine of Aviation Development*, 7 (4): 6–11. <https://doi.org/10.14311/MAD.2019.04.01>
- Stoverink A.C., Kirkman B.L., Mistry S., Rosen B. (2020). Bouncing back together: Toward rhetorical model of work team resilience. *The Academy of Management Review*, 45 (2): 395–422. <https://doi.org/10.5465/amr.2017.0005>
- Tetrick L.E., Winslow C.J. (2015). Workplace stress management interventions and health promotion. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, 2: 583–603. <https://doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-032414-111341>
- Tsybova V.S., Kuchеров D.G., Lisovskaia A. Yu. (2023). Socially responsible human resource management, employees' well-being and innovative work behaviour: A conceptual model. *Russian Management Journal*, 21 (4): 514–533. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2023.403> (In Russian)
- Tummers L.G., Bakker A.B. (2021). Leadership and job demands-resources theory: A systematic review. *Frontiers in Psychology*, 12: 722080. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.722080>
- Verreynne M.L., Ho M., Linnenluecke M. (2018). Editorial for the special issue on: organizational resilience and the entrepreneurial firm. *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*, 24 (7): 1122–1128. <https://doi.org/10.1108/IJEBR-11-2018-533>
- Wu Q., Cormican K. (2021). Shared leadership and team effectiveness: An investigation of whether and when in engineering design teams. *Frontiers in Psychology*, 11: 569198. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.569198>
- Wut T.-M., Lee S.-W., Xu J. (2022). Role of organizational resilience and psychological resilience in the Workplace — Internal Stakeholder Perspective. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19 (18): 11799. <https://doi.org/10.3390/ijerph191811799>
- Yu J., Yuan L., Han G., Li H., Li P.A. (2022). Study of the impact of strategic human resource management on organizational resilience. *Behavioral Sciences*, 12: 508. <https://doi.org/10.3390/bs12120508>
- Zautra A.J., Reich J.W. (2011). Resilience: The meanings, methods, and measures of a fundamental characteristic of human adaptation. In: S. Folkman (ed.). *The Oxford handbook of stress, health, and coping* (pp. 173–185). Oxford, Oxford University Press.

Received: April 28, 2024
Accepted: February 27, 2025

Authors' information:

Nikolay N. Lepekhin — PhD in Psychology; <https://orcid.org/0000-0001-9160-0519>,
n.lepehin@spbu.ru

Olga N. Ilyina — Junior Researcher; <https://orcid.org/0000-0001-8477-2507>,
st061944@student.spbu.ru

Vladimir G. Kruglov — PhD in Psychology; <https://orcid.org/0000-0001-8282-5476>,
v.kruglov@spbu.ru

Marina A. Kruglova — PhD in Psychology; <https://orcid.org/0000-0001-7959-7097>,
m.kruglova@spbu.ru

Личностный потенциал как коррелят результата спортивной деятельности: медиативная роль копинг-навыков (на примере самбо)

А. И. Харитонов

Центральный спортивный клуб Армии,
Российская Федерация, 125167, Москва, Ленинградский пр., 39

Для цитирования: Харитонов А. И. Личностный потенциал как коррелят результата спортивной деятельности: медиативная роль копинг-навыков (на примере самбо) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 2. С. 309–324. EDN UEWWJF

Данное исследование посвящено роли копинг-навыков как посредников в связи между компонентами личностного потенциала и результатами спортивной деятельности. В исследовании приняли участие 188 самбистов (123 женщины, 65 мужчин) в возрасте от 18 до 39 лет, представляющих различные уровни мастерства (от кандидатов в мастера спорта до заслуженных мастеров спорта). Использовались следующие методики: тест копинг-навыков спортсмена (ACSI-28) (адаптация К. А. Бочавера и др.); опросник «Личностный потенциал» (разработан А. И. Харитоновой и Е. М. Климовой). При использовании корреляционного анализа было выявлено, что единственным статистически значимым копинг-навыком, выступающим в качестве медиатора, является свобода от негативных переживаний. Данный навык коррелирует со всеми исследованными компонентами личностного потенциала, а также с уровнем спортивной квалификации и результатами соревнований. Компонент «интернальность» был исключен, поскольку не имел значимых корреляций. В каждую модель мы включили спортивную квалификацию в качестве контролируемой переменной. Медиационный анализ показал, что компонент личностного потенциала «включенность» не оказывает статистически значимого влияния на изучаемые взаимосвязи, следовательно, он был исключен из медиационных моделей. Таким образом, в качестве компонентов личностного потенциала рассматривались только осмысленность, позитивность и независимость при контроле спортивной квалификации. Результаты медиационного анализа показали, что влияние осмысленности и позитивности на результативность частично опосредуется свободой от негативных переживаний. В отличие от них, независимость влияет на результат соревнований исключительно через копинг-навыки, связанные со свободой от негативных переживаний. Данное исследование подчеркивает важность копинг-навыков в опосредовании связи между компонентами личностного потенциала и результатами спортивной деятельности. Спортсмены с более высоким уровнем осмысленности, позитивности и независимости, а также с более развитыми копинг-навыками, связанными со свободой от негативных переживаний, имеют больше шансов добиться успеха в соревнованиях.

Ключевые слова: личностный потенциал, копинг-навыки, спортсмен, результат соревнований, спортивная квалификация, медиатор.

Введение

Спортивные достижения являются результатом сложного взаимодействия различных факторов, включая личностные качества спортсмена и его навыки справляться со стрессом. Личностный потенциал представляет собой совокупность внутренних ресурсов и способностей человека, направленных на достижение социально значимого результата и поиск наиболее эффективных способов преодоления трудных ситуаций (Марков, 2004; Одинцова, 2015). Важным аспектом этого потенциала у спортсменов являются «индивидуально-психологические качества, которые проявляются в их профессиональной деятельности и отражают способность к саморегуляции для достижения максимального результата» (Харитонов, 2021, с. 88). Компоненты личностного потенциала включают осмысленность, позитивность, независимость, интернальность и включенность. Данные характеристики определяют способность спортсмена преодолевать трудности и эффективно функционировать в условиях соревнований и тренировок (Харитонов, Кидинов, 2021).

Характеристики личностного потенциала являются определяющими факторами долгосрочного спортивного успеха (Pieriora, 2020; Сухарева, Обознов, 2019), влияют на способность справляться с ситуациями, возникающими на тренировках и соревнованиях (Pires et al., 2019), способствуют раскрытию спортивных способностей и достижению высоких результатов (Бушманова и др., 2022), а также различаются в зависимости от направленности целей у спортсменов командных и индивидуальных видов спорта (Сагова, Шаяфетдинова, 2024).

Одним из ключевых аспектов личностного потенциала является наличие копинг-навыков. Копинг-навыки являются синонимом широко распространенного в научной литературе термина «навыки совладающего поведения» и определяются как стратегии и техники, которые люди применяют для преодоления стресса и трудностей (Битюцкая, 2011). В спортивном контексте копинг-навыки могут помочь спортсменам справляться с давлением соревнований, неудачами и другими стрессовыми ситуациями (Pereira et al., 2020).

Исследования показали, что копинг-навыки играют решающую роль в спортивных результатах. Спортсмены с более развитыми копинг-навыками демонстрируют улучшение спортивных результатов (Fry et al., 2021). Наиболее эффективными копинг-навыками в спорте являются те, которые позволяют спортсменам оставаться спокойными и сосредоточенными даже в стрессовых ситуациях. Эти навыки включают в себя умение контролировать тревогу, ставить реалистичные цели и сохранять уверенность в своих возможностях (Daroglou, 2011). Спортсмены, обладающие развитыми копинг-навыками, такими как отстраненность от беспокойства и нацеленность на тренировки, достигают наилучших результатов (Cosma et al., 2020). Эти копинг-навыки помогают спортсменам оставаться сосредоточенными на настоящем моменте и не беспокоиться о прошлых или будущих результатах.

Существуют доказательства связи между индивидуальными качествами спортсменов и их стратегиями преодоления трудностей (Secades et al., 2016). Спортсмены с более высоким уровнем определенных качеств, таких как позитивное самовосприятие и навыки преодоления трудностей, имеют тенденцию использовать более эффективные стратегии совладания со стрессом (Mummery et al., 2004).

Копинг-механизмы, являющиеся важными факторами психологической устойчивости, играют решающую роль в успехе в спорте. Эффективные копинг-навыки позволяют спортсменам справляться со стрессовыми ситуациями, регулировать свои поведенческие реакции и предотвращать негативные последствия стресса. Кроме того, копинг-навыки выступают в качестве медиаторов, регулирующих поведенческие реакции в стрессовых ситуациях (Нагорнова, 2023).

Исследования последовательно демонстрируют медиативную роль копинг-навыков во взаимосвязи различных характеристик и качеств у спортсменов. Например, исследования показали, что копинг-навыки выступают в качестве медиаторов во взаимосвязи между:

- спортивной самоэффективностью и соревновательной тревожностью (Porjavid et al., 2020);
- психической устойчивостью и самоэффективностью, а также просоциальным/антисоциальным поведением у молодых спортсменов (Ramolale et al., 2021);
- самоуправленческим поведением и жизнеспособностью игроков, а также навыками преодоления спортивных трудностей (Kim et al., 2022);
- личностью и результативностью спортсменов (Kalinowski et al., 2020).

Данные исследования подчеркивают важную роль копинг-навыков в понимании и улучшении личностного потенциала и спортивных результатов спортсменов.

Таким образом, несмотря на растущий интерес к роли личностного потенциала и копинг-навыков в спортивной результативности, в литературе существует ограниченное количество эмпирических исследований, посвященных изучению медиативной роли копинг-навыков во взаимосвязи между личностным потенциалом и спортивными достижениями.

Целью данного исследования является заполнение этого пробела путем изучения медиативной роли копинг-навыков в связи между личностным потенциалом и спортивной результативностью.

Методы

Выборка. В исследовании приняли участие 188 спортсменов, участников чемпионата России по самбо 2024 г., в возрасте от 18 до 39 лет ($M = 26$; $SD = 5,5$). Среди участников были 123 женщины и 65 мужчин. Распределение по мастерству: 24 чел. — кандидаты в мастера спорта, 78 чел. — мастера спорта, 52 чел. — мастера спорта международного класса и 34 чел. — заслуженные мастера спорта.

Используемые методики:

1. Тест копинг-навыков спортсмена (ACSI-28, Athletic Coping Skills Inventory) адаптация: К. А. Бочавер, Л. М. Довжик, А. А. Кукушина (Бочавер и др., 2014).

2. Опросник «Личностный потенциал» (разработан А. И. Харитоновой и Е. М. Климовой) (Харитонова, Климова, 2024).

Подготовка данных к медиационному анализу. В каждую медиационную модель была включена спортивная квалификация спортсменов в качестве контролируемой переменной, чтобы учесть ее влияние и значимость как фактора, влияющего на спортивную результативность.

Для проверки возможности медиации требуется подтвердить корреляции (Кричевец и др., 2019) между независимыми переменными (личностный потенциал

и спортивная квалификация), медиатором (копинг-навыки) и зависимой переменной (результат соревнований).

Частичная корреляция использовалась для проверки корреляции между медиатором и зависимой переменной при контроле независимой переменной (Baba et al., 2004).

Надежность измерения медиатора проверялась с помощью коэффициента α Кронбаха, поскольку низкая надежность может исказить результаты (Hair et al., 2022).

Для подготовки данных шкалы были преобразованы следующим образом:

- результативность спортсменов преобразована в обратную интервальную шкалу, где 1 соответствует наихудшему результату, а более высокие значения указывают на более высокие результаты;
- спортивная квалификация спортсменов была преобразована в порядковую шкалу, упорядоченную от низших значений к высшим. Начальный уровень шкалы (1) соответствует кандидату в мастера спорта, а высший уровень (4) — заслуженному мастеру спорта.

Статистический анализ данных:

- Т-критерий (для различий между группами);
- корреляционный анализ Спирмена (для связей между переменными);
- частичная корреляция (для корреляций с учетом контролируемой переменной);
- коэффициент α Кронбаха (для внутренней согласованности шкалы, измеряющей медиатор);
- для проверки медиационных моделей использовался медиационный анализ с применением программы Jamovi, версия 2.5.3 (модуль JAMM GLM Mediation Model).

Результаты

В табл. 1 представлены статистически значимые корреляции, необходимые для медиационного анализа. Мы изначально не включили в анализ компонент личностного потенциала — интернальность, потому что он не был напрямую связан с результативностью ($r = 0,076$, $p = 0,301$).

Единственный копинг-навык, который может быть использован в медиационном анализе, — это свобода от негативных переживаний (имеет значимые корреляции со всеми компонентами личностного потенциала, со спортивной квалификацией и с результатом соревнований).

В табл. 2 представлены результаты частичной корреляции между копинг-навыками (свобода от негативных переживаний) и результатом соревнований.

Т-критерий не выявил статистически значимых различий между мужчинами и женщинами по исследуемым компонентам личностного потенциала (включенность, осмысленность, независимость и позитивность) и по копинг-навыку (свобода от негативных переживаний). Поэтому выборки мужчин и женщин были объединены для последующего анализа. Для критериев позитивности и свободы от негативных переживаний использовалась поправка Уэлча из-за неравенства дисперсий между выборками.

Таблица 1. Взаимосвязи копинг-навыков с личностным потенциалом и достижениями спортсменов

Медиатор и результативность	Включенность	Осмысленность	Независимость	Позитивность	Спортивная квалификация	Результативность
Результативность	0,144*	0,258***	0,207**	0,327***	0,266***	1
Совладание	0,214**	0,122	0,241***	0,381***	0,005	0,102
Обучаемость	0,314***	0,121	0,079	-0,124	-0,091	-0,205**
Концентрация	0,374***	0,263***	0,367***	0,243***	0,055	-0,083
Уверенность	0,486***	0,337***	0,417***	0,293***	0,094	-0,041
Постановка цели	0,344***	0,267***	0,144*	0,193**	0,245***	-0,101
Высшее достижение	0,193**	0,136	0,208**	0,217**	0,183*	0,017
Свобода от переживаний	0,406***	0,292***	0,507***	0,253***	0,197**	0,408***

Примечание. Статистическая значимость: * $p < 0,05$. ** $p < 0,01$. *** $p < 0,001$.

Таблица 2. Частичные корреляции медиатора (свобода от негативных переживаний) и результативности с учетом независимых переменных

Личностный потенциал и спортивная квалификация (контролируемая переменная)	Частичная корреляция
Включенность	0,42
Осмысленность	0,43
Независимость	0,36
Позитивность	0,42
Спортивная квалификация	0,468

Примечание. Статистическая значимость: $p < 0,001$.

Статистические данные: включенность $t(186) = 1,432$, $p = 0,154$, $d = 0,220$; осмысленность $t(186) = -0,277$, $p = 0,782$, $d = -0,043$; независимость $t(186) = -0,397$, $p = 0,692$, $d = -0,061$; позитивность $t(186) = -0,591$, $p = 0,555$, $d = -0,091$ (поправка Уэлча $t = -0,652$, $p = 0,515$, $d = -0,095$); свобода от переживаний $t(186) = 0,081$, $p = 0,935$, $d = 0,012$ (поправка Уэлча $t = 0,075$, $p = 0,941$, $d = 0,012$).

Оценка надежности шкалы, измеряющей копинг-навык «свобода от негативных переживаний» с помощью коэффициента α Кронбаха, показала высокое значение (0,814). Полученный результат свидетельствует о том, что шкала надежно измеряет рассматриваемый показатель, обеспечивая последовательные и достоверные результаты.

Учитывая статистическую значимость корреляций, надежность медиатора и отсутствие значимых различий между мужчинами и женщинами по выборке (t -критерий), мы провели медиационные анализы, чтобы определить, опосредуют ли медиаторы связь между независимой и зависимой переменными.

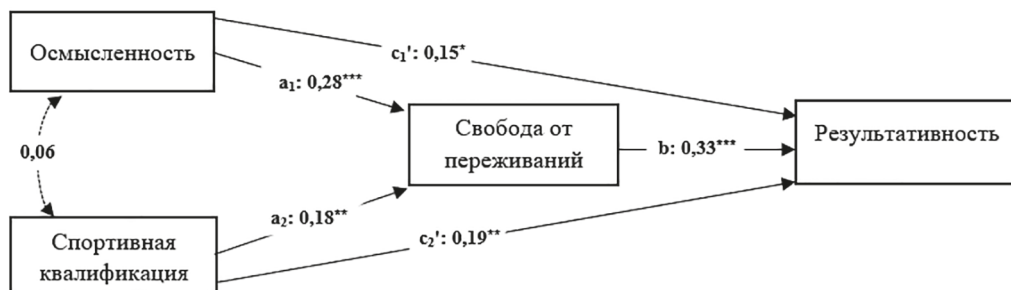

Рис. 1. Путевая модель медиационного анализа
Примечание. Статистическая значимость: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

На рис. 1 представлена путевая модель медиационного анализа, где независимая переменная — компоненты «осмысленность» и «спортивная квалификация», зависимая переменная — «результативность» и медиатор — копинг-навыки («свобода от негативных переживаний»).

В данном медиационном анализе коэффициент пути a_1 равен 0,28, что указывает на положительную и значимую связь между независимой переменной («осмысленность») и медиатором («свобода от негативных переживаний»). Коэффициент пути a_2 равен 0,18, что свидетельствует о положительной и значимой связи между независимой переменной («спортивная квалификация») и медиатором («свобода от негативных переживаний»). Коэффициент пути b равен 0,33, что является признаком положительной и значимой связи между медиатором («свобода от негативных переживаний») и зависимой переменной («результат соревнований»).

Коэффициент пути c_1' равен 0,15, что демонстрирует связь между независимой переменной («осмысленность») и зависимой переменной («результат соревнований») становится слабее, когда контролируется медиатор («свобода от негативных переживаний»). Коэффициент пути c_2' равен 0,19, что предполагает связь между независимой переменной («спортивная квалификация») и зависимой переменной («результатом соревнований») становится слабее, когда контролируется медиатор («свобода от негативных переживаний»).

Непрямой эффект осмысленности ($\beta = 0,092$, $p < 0,01$) и спортивной квалификации ($\beta = 0,059$, $p < 0,05$) на результат соревнований через свободу от негативных переживаний при контроле друг друга были значимыми. Осмысленность и спортивная квалификация положительно влияют на свободу от негативных переживаний, которая, в свою очередь, положительно влияет на результат соревнований, даже при учете друг друга. Эти непрямые эффекты показывают, что свобода от негативных переживаний выступает в качестве посредника в отношениях между осмысленностью/квалификацией и результатом соревнований.

Прямой эффект осмысленности ($\beta = 0,15$, $p < 0,05$) и спортивной квалификации ($\beta = 0,19$, $p < 0,01$) на результат соревнований был значимыми. Как осмысленность, так и квалификация положительно влияют на результат соревнований даже после учета влияния свободы от негативных переживаний. Прямой эффект вносит значительный вклад в общую связь между независимыми переменными и результатом соревнований, предполагая, что осмысленность/квалификация влияют

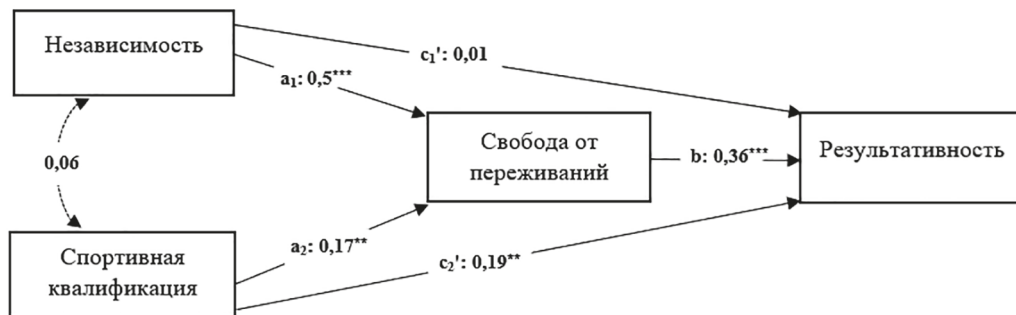

Рис. 2. Путевая модель медиационного анализа
Примечание. Статистическая значимость: ** $p < 0,01$. *** $p < 0,001$.

на результат соревнований как напрямую, так и через свободу от негативных переживаний.

Общий эффект осмысленности на результат соревнований был значимым ($\beta = 0,24$, $p < 0,001$). Общий эффект спортивной квалификации на результат соревнований также был значимым ($\beta = 0,25$, $p < 0,001$). Как осмысленность, так и квалификация положительно влияют на результат соревнований даже после учета влияния друг друга. Оба общих эффекта вносят значительный вклад во взаимосвязь между независимыми и зависимыми переменными, предполагая, что как осмысленность, так и квалификация влияют на результат соревнований как напрямую, так и через медиатор (свободу от негативных переживаний).

Таким образом, результаты показывают, что копинг-навык (свобода от негативных переживаний) частично опосредует связи между осмысленностью и результатом соревнований, а также между спортивной квалификацией и результатом соревнований, даже при контроле влияния друг друга.

На рис. 2 показана путевая модель медиационного анализа, в которой независимая переменная — компоненты «независимость» и «спортивная квалификация», зависимая переменная — «результативность» и медиатор — копинг-навыки («свобода от негативных переживаний»).

В данном медиационном анализе коэффициенты путей a_1 и a_2 составляют 0,5 и 0,17 соответственно, что отражает наличие положительных и статически значимых связей между независимостью и спортивной квалификацией, с одной стороны, и свободой от негативных переживаний — с другой. Коэффициент пути b равен 0,36, что подтверждает положительную и значимую связь между свободой от негативных переживаний и результатом соревнований. Коэффициенты путей c_1' и c_2' равны 0,01 и 0,19, что свидетельствует об ослаблении связей между независимостью и квалификацией, с одной стороны, и результатом соревнований — с другой, при включении в модель копинг-навыков.

Непрямой эффект независимости ($\beta = 0,18$, $p < 0,001$) и квалификации ($\beta = 0,06$, $p < 0,05$) на результат соревнований через свободу от негативных переживаний при контроле друг друга был значимым. Осмысленность и спортивная квалификация положительно влияют на свободу от переживаний, которые, в свою очередь, положительно влияют на результат соревнований даже при контроле друг друга. Непрямой эффект вносит значительный вклад в общую связь между

независимостью/квалификацией и результатом соревнований, предполагая, что свобода от негативных переживаний частично опосредует эту связь, невзирая на влияние независимости/квалификации.

Прямой эффект независимости на результат соревнований оказался статистически незначимым ($\beta = 0,01, p > 0,05$), что свидетельствует об отсутствии прямой взаимосвязи между этими переменными после учета влияния свободы от негативных переживаний. Таким образом, свобода от негативных переживаний полностью опосредует связь между независимостью и результатом соревнований, при этом независимость оказывает влияние на результат соревнований исключительно косвенно, через свободу от переживаний.

В отличие от этого, прямой эффект спортивной квалификации на результат соревнований был значимым ($\beta = 0,19, p < 0,01$). Квалификация положительно влияет на результат соревнований даже после учета влияния свободы от негативных переживаний.

Анализ общего эффекта показал, что независимость ($\beta = 0,19, p < 0,01$) и квалификация ($\beta = 0,25, p < 0,001$) оказывают положительное влияние на результат соревнований после учета взаимного влияния. Оба эффекта вносят существенный вклад в связь между ними и результатом соревнований, предполагая прямое и опосредованное влияние через свободу от негативных переживаний.

Анализ результатов показал, что копинг-навыки (свобода от негативных переживаний) частично опосредуют связь между спортивной квалификацией и результативностью при контроле влияния компонента независимости. В то же время сама независимость влияет на результат соревнований только через копинг-навыки при контроле влияния квалификации. Это говорит о полной медиации между компонентом «независимость», свободой от негативных переживаний и результатом соревнований.

На рис. 3 изображена путевая модель медиационного анализа, в которой независимая переменная — компоненты «позитивность» и «спортивная квалификация», зависимая переменная — «результативность» и медиатор — копинг-навыки («свобода от негативных переживаний»).

Коэффициенты путей a_1 и a_2 составили 0,22 и 0,14, что свидетельствует о положительных и значимых связях между позитивностью и квалификацией, с одной стороны, и свободой от негативных переживаний — с другой. Коэффициент

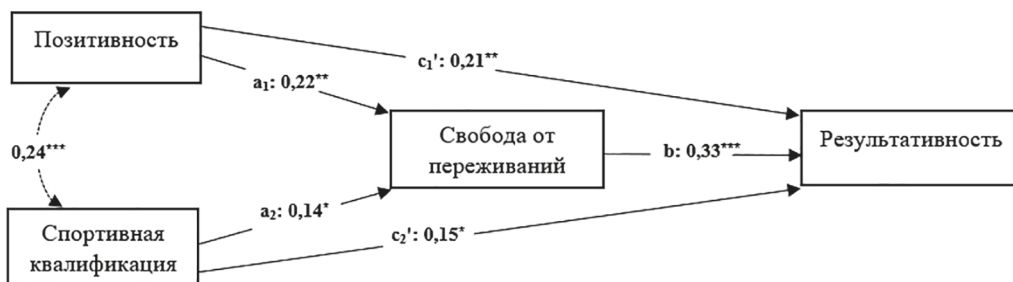

Рис. 3. Путевая модель медиационного анализа
Примечание. Статистическая значимость: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

пути b равен 0,33, что подтверждает положительную и статистически значимую связь между свободой от негативных переживаний и результатом соревнований. Коэффициенты путей $c1'$ и $c2'$ составили 0,21 и 0,15, что говорит о том, что связи между позитивностью и квалификацией, с одной стороны, и результатом соревнований, с другой, ослабевают при контроле влияния копинг-навыков.

Непрямой эффект позитивности на результат соревнований через свободу от переживаний при контроле спортивной квалификации был значимым ($\beta = 0,07$, $p < 0,01$). Напротив, непрямой эффект квалификации на результат соревнований через свободу от переживаний при контролируемой позитивности оказался статистически незначимым ($\beta = 0,05$, $p > 0,05$). Свобода от переживаний частично опосредует связь между позитивностью и результатом соревнований, но не между квалификацией и результатом соревнований.

Прямые эффекты как позитивности ($\beta = 0,21$, $p < 0,01$), так и квалификации ($\beta = 0,15$, $p < 0,05$) оказывали прямое влияние на результат соревнований, даже после учета свободы от негативных переживаний. Данные переменные влияют на результат соревнований как напрямую, так и опосредованно — через свободу от негативных переживаний.

Общие эффекты позитивности ($\beta = 0,28$, $p < 0,001$) и спортивной квалификации ($\beta = 0,20$, $p < 0,01$) оказывали положительное влияние на результат соревнований, даже после учета влияния друг друга. Позитивность и квалификация влияют на результат соревнований как напрямую, так и опосредованно — через свободу от негативных переживаний.

Результаты показывают, что копинг-навыки (свобода от негативных переживаний) частично опосредуют связь между позитивностью и результатом соревнований при контроле влияния спортивной квалификации. Однако непрямой эффект квалификации на результат соревнований через свободу от негативных переживаний оказался незначимым, что указывает на отсутствие медиации в этой связи.

Обсуждение

Для корректного проведения медиационного анализа требовалось определить значимость всех включенных корреляций. По этой причине из исследования был исключен компонент личностного потенциала — интернальность, поскольку он не соответствовал этому требованию.

В результате дальнейшей подготовки данных в медиационный анализ был включен только один копинг-навык — свобода от негативных переживаний. Он измеряет степень стресса и беспокойства, испытываемых спортсменом во время выступления. Несмотря на ограниченное количество изученных копинг-навыков, результаты выявили существенную медиаторную роль свободы от негативных переживаний в отношениях между личностными характеристиками и спортивными достижениями.

Согласно исследованиям (Cosma et al., 2020), наиболее распространенной стратегией совладания среди спортсменов является свобода от переживаний. Эта стратегия позволяет спортсменам избавляться от беспокойства во время важных соревнований или жизненных ситуаций, а также противостоять проблемам, возникающим в повседневной жизни.

Включение спортивной квалификации спортсменов в качестве контролируемой переменной позволило учесть ее влияние на спортивную результативность. Результаты исследований подчеркивают важность учета квалификации при изучении данных взаимосвязей с психологическими качествами (Маланов, Субаева, 2021). Спортивная квалификация является важным фактором, который необходимо учитывать при изучении этих взаимосвязей (Blijlevens et al., 2018).

Наши результаты подтверждают выводы предыдущих исследований, которые показали значимость связи между стратегией совладания и достижениями спортсменов (Nicholls et al., 2016). Кроме того, спортивная квалификация, отражающая уровень мастерства спортсменов, опосредует взаимосвязь между психологическими навыками и эффективностью спортивной деятельности (Solomon, Malik, 2021).

При проведении медиационного анализа было установлено, что компонент «включенность» не оказывает статистически значимого влияния на изучаемые взаимосвязи при контроле спортивной квалификации. В связи с этим данный компонент был исключен из медиационных моделей. Таким образом, в качестве компонентов личностного потенциала рассматривались только «осмысленность», «позитивность» и «независимость».

Осмысленность помогает спортсменам оставаться спокойными и сосредоточенными под давлением соревнований, что приводит к улучшению спортивных результатов при контроле спортивной квалификации. Спортсмены, которые находят смысл и цель в своих занятиях спортом и обладают высоким спортивным званием, имеют больше шансов оставаться спокойными и сосредоточенными под давлением соревнований, что приводит к увеличению свободы от негативных переживаний и, следовательно, к улучшению спортивных результатов, независимо от осмысленности.

Исследования лишь частично подтверждают эту связь, показывая, что осмысленность связана с мастерством, а не с результатом (Ronkainen et al., 2021). Это подчеркивает важность сосредоточения на процессе обучения и совершенствования навыков, а не на победе над соперниками. Таким образом, спортсмены, которые находят смысл в своем стремлении к совершенству, могут достичь лучших спортивных результатов, независимо от своего уровня спортивной квалификации.

Независимость полностью опосредуется свободой от переживаний в ее влиянии на результат соревнований при контроле спортивной квалификации. Следовательно, независимость влияет на спортивную результативность только косвенно, через копинг-навыки, связанные со свободой от негативных переживаний. В связи с этим при контроле независимости квалификация спортсменов частично опосредуется свободой от негативных переживаний во влиянии на результат соревнований.

Спортсмены, которые более независимы, имеют больше шансов контролировать свои эмоции и оставаться сосредоточенными в стрессовых ситуациях, что приводит к улучшению спортивных результатов. В то же время спортивная квалификация сама по себе также способствует лучшим результатам, но частично этот эффект опосредуется свободой от негативных переживаний.

Как мужчины, так и женщины могут добиться выдающихся спортивных результатов, культивируя независимость и свободу от негативных переживаний. Хотя предыдущие исследования предполагали, что мужчины и женщины могут

по-разному реагировать на давление и беспокойство (Gyömbér et al., 2016), наши выводы подчеркивают, что и независимость, и свобода от негативных переживаний одинаково важны для спортивных достижений независимо от пола.

Позитивность положительно влияет на спортивные результаты как напрямую, так и косвенно, через улучшенные копинг-механизмы. С другой стороны, спортивная квалификация не опосредует связи между свободой от негативных переживаний и результатом соревнований.

Позитивность является важным фактором спортивных достижений сама по себе, независимо от спортивной квалификации или свободы от негативных переживаний. Спортсмены, которые обладают как позитивностью, так и свободой от негативных переживаний, имеют наибольшие шансы на успех в спорте.

Полученные выводы согласуются с предыдущими исследованиями, такими как исследование, которое показало, что атлеты с позитивным самовосприятием и хорошо развитыми психологическими навыками имеют преимущество в преодолении трудностей, связанных с низкими спортивными результатами (Mumme et al., 2004).

Исследование выявило тесную взаимосвязь между личностными качествами и копинг-навыками, с одной стороны, и спортивными достижениями — с другой. В частности, такие компоненты личностного потенциала, как осмысленность, независимость и позитивность, являются основными факторами, влияющими на успехи спортсменов. Кроме того, свобода от негативных переживаний была признана важным копинг-механизмом, способствующим достижению высоких результатов в спорте. Таким образом, понимание и развитие этих личностных и психологических ресурсов имеют решающее значение для оптимизации спортивной подготовки и достижения максимального потенциала спортсменов.

Заключение

Результаты исследования подчеркивают значимость копинг-навыков в опосредовании связи между компонентами личностного потенциала и результатом спортивной деятельности:

- осмысленность влияет на спортивный результат как напрямую, так и косвенно, через свободу от негативных переживаний;
- свобода от негативных переживаний является единственным механизмом, через который независимость влияет на результат соревнований;
- позитивность является многогранным фактором, который влияет на спортивный результат как напрямую, так и опосредованно — через свободу от негативных переживаний.

Данные результаты подчеркивают важность как личностного потенциала, так и копинг-навыков для достижения спортивных результатов. Спортсмены с более высокими компонентами личностного потенциала, такими как осмысленность, независимость и позитивность, и более развитыми копинг-навыками, связанными со свободой от негативных переживаний, имеют больше шансов добиться успеха в соревнованиях.

Это исследование имеет практическую значимость для тренеров и спортсменов. Чтобы улучшить спортивную результативность, тренеры должны сосредоточиться

на развитии данных компонентов личностного потенциала спортсменов и работать над улучшением копинг-навыков, связанных со свободой от негативных переживаний.

Литература

- Битюцкая Е. В. Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2011. № 1. С. 100–111.
- Бочавер К. А., Довжик Л. М., Кукина А. А. Совладание профессиональных спортсменов со стрессом и апробация «Теста копинг-навыков спортсмена АCSI-28» // Спортивный психолог. 2014. Т. 33, № 2. С. 80–86.
- Бушманова М. Е., Бушманов Е. А., Ульянов А. Д. Взаимосвязь жизнестойкости и спортивной формы футболистов // Психология и педагогика спортивной деятельности. 2022. № 3–4 (63). С. 11–14.
- Кричевец А. Н., Корнеев А. А., Рассказова Е. И. Основы статистики для психологов. М.: Акрополь, 2019.
- Маланов С. В., Субаева А. С. Мотивация, воля, целеполагание и рост спортивного мастерства у бегунов на средние и длинные дистанции // Экспериментальная психология. 2021. Т. 14, № 3. С. 168–182. <https://doi.org/10.17759/expsy.2021140312>
- Марков В. Н. Личностно-профессиональный потенциал кадров управления: психолого-акмеологическая оценка и оптимизация: дис. ... д-ра. психол. наук. М., 2004.
- Нагорнова Е. Ю. Влияние формирования профессионального мастерства спортсменов на командное достижение успеха // Психология профессиональной деятельности: проблемы, современное состояние и перспективы развития: мат-лы V Всерос. науч.-практ. конф. (10 марта 2023). М.: ГУП, 2023. С. 89–94.
- Одинцова М. А. Психология жизнестойкости: уч. пособие. М.: Флинта; Наука, 2015.
- Сагова З. А., Шаяфетдинова Р. Р. Изучение связи личностного потенциала с направленностью целей у спортсменов командных и индивидуальных видов спорта // Национальный психологический журнал. 2024. Т. 19, № 2. С. 175–188. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0215>
- Сухарева Д. С., Обознов А. А. Системная модель факторов профессиональной успешности спортсменов — представителей спорта высших достижений // Modern Psychology: Scientific Bulletin. 2019. Т. 2, № 2 (4). С. 255–261. [https://doi.org/10.46991/SBMP/2019.2.2\(4\).255](https://doi.org/10.46991/SBMP/2019.2.2(4).255)
- Харитонов А. И. Личностный потенциал спортсменов как детерминанта профессионального мастерства: дис. ... канд. психол. наук. Мытищи, 2021.
- Харитонов А. И., Кидинов А. В. Взаимосвязь личностного потенциала спортсменов и их профессионального мастерства // Человеческий капитал. 2021. № 8 (152). С. 142–148. <https://doi.org/10.25629/HC.2021.08.15>
- Харитонов А. И., Климова Е. М. Разработка и первичная апробация опросника «Личностный потенциал» для спортсменов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 21, № 1. С. 55–78. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2024-1-55-78>
- Baba K., Shibata R., Sibuya M. Partial correlation and conditional correlation as measures of conditional independence // Australian & New Zealand Journal of Statistics. 2004. Vol. 46. P. 657–664. <https://doi.org/10.1111/j.1467-842X.2004.00360.x>
- Blijlevens S. J., Elferink-Gemser M. T., Wylleman P., Bool K., Visscher C. Psychological characteristics and skills of top-level Dutch gymnasts in the initiation, development and mastery stages of the athletic career // Psychology of Sport and Exercise. 2018. Vol. 38. P. 202–210. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2018.07.001>
- Cosma G., Chiracu A., Stepan R., Cosma A., Nanu C., Păunescu C. Impact of coping strategies on sport performance // Journal of Physical Education and Sport. 2020. Vol. 20, no. 3. P. 1380–1385. <https://doi.org/10.7752/jpes.2020.03190>
- Daroglou G. Coping skills and self-efficacy as predictors of gymnastic performance // The Sport Journal. 2011. Vol. 14, no. 1. P. 1–6.
- Fry M. D., Hogue C. M., Iwasaki S., Solomon G. B. The relationship between the perceived motivational climate in elite collegiate sport and athlete psychological coping skills // Journal of Clinical Sport Psychology. 2021. Vol. 15, no. 4. P. 334–350. <https://doi.org/10.1123/jcsp.2020-0002>

- Gyömbér N., Kovács K., Lenart A. Do psychological factors play a crucial role in sport performance? Research on personality and psychological variables of athletes in Hungary // *Cuadernos de Psicología del Deporte*. 2016. Vol. 16, no. 1. P. 223–232.
- Hair J., Hult G., Tomas M., Ringle C., Sarstedt M., Danks N., Ray S. Book Partial Least Squares Structural Equation Modeling (PLS-SEM) Using R. Berlin: Springer, 2022. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-80519-7>
- Kalinowski P., Bojkowski Ł., Śliwowski R., Wieczorek A., Konarski J., Tomczak M. Mediation role of coping with stress in relationship between personality and effectiveness of performance of soccer players // *International Journal of Sports Science & Coaching*. 2020. Vol. 15, no. 3. P. 354–363. <https://doi.org/10.1177/1747954120915190>
- Kim H.-Yo., Chung E.-J., Kim S.-W., Lee B.-H. Effect of Judo athletes' psychological function on sports coping skills: Moderated mediating effect of tension // *Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19. P. 6634. <https://doi.org/10.3390/ijerph19116634>
- Mummary W.K., Schofield G., Perry C. Bouncing back: The role of coping style, social support and self-concept in resilience of sport performance // *Athletic Insight*. 2004. Vol. 6, no. 3. P. 1–15.
- Nicholls A.R., Taylor N.J., Carroll S., Perry J.L. The development of a new sport-specific classification of coping and a meta-analysis of the relationship between different coping strategies and moderators on sporting outcomes // *Frontiers in Psychology*. 2016. Vol. 7. P. 222892. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01674>
- Pereira F.S. A., Passos M.A., Pesca A.D., Cruz R.M. Coping measurement in the sports context: A systematic review // *Revista de Psicología del Deporte*. 2020. Vol. 29, no. 2. P. 35–46.
- Piepiora P. A review of personality research in sport // *Pedagogy and Psychology of Sport*. 2020. Vol. 6, no. 4. P. 64–83. <https://doi.org/10.12775/PPS.2020.06.04.007>
- Pires D., Lima P., Macedo Penna E. Resilience in mixed martial arts athletes: relationship between stressors and psychological protection factors // *Cuadernos de Psicología del Deporte*. 2019. Vol. 19, no. 2. P. 243–255.
- Porjavid M., Zeidabadi R., Stiri Z., Askari Tabar E.S. Sport psychology studies the relationship between sport self-efficacy and competitive anxiety in athletic students: the mediating role of coping strategies // *Sport Psychology Studies*. 2020. Vol. 9, no. 32. P. 117–140.
- Ramolale M., Malete L., Ju U. Mediation role of mental toughness on the relationship between self-efficacy and prosocial/antisocial behavior in elite youth sport // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Art. 745323. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.745323>
- Ronkainen N.J., McDougall M., Tikkanen O., Feddersen N., Tahtinen R. Beyond health and happiness: An exploratory study into the relationship between craftsmanship and meaningfulness of sport // *Sociology of Sport Journal*. 2021. Vol. 38, no. 4. P. 345–354. <https://doi.org/10.1123/ssj.2020-0047>
- Secades X.G., Molinero O., Salguero A., Barquín R.R., de la Vega R., Márquez S. Relationship between resilience and coping strategies in competitive sport // *Perceptual and Motor Skills*. 2016. Vol. 122, no. 1. P. 336–349. <https://doi.org/10.1177/0031512516631056>
- Solomon V., Malik F. Psychological skills and performance efficacy in hockey players: The mediating role of sportsmanship // *FWU Journal of Social Sciences*. 2021. Vol. 15, no. 2. P. 173–189. <http://doi.org/10.51709/19951272/Summer-2/10>

Статья поступила в редакцию 20 июня 2024 г.;
рекомендована к печати 27 февраля 2025 г.

Контактная информация:

Харитоновна Анна Игоревна — канд. психол. наук; <https://orcid.org/0000-0003-3818-0580>,
kharitosha85@mail.ru

Personal potential as a correlate of sports performance results: The mediating role of coping skills

A. I. Kharitonova

Central Sports Club of the Army,
39, Leningradsky pr., Moscow, 125167, Russian Federation

For citation: Kharitonova A. I. Personal potential as a correlate of sports performance results: The mediating role of coping skills. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 2, pp. 309–324. EDN UEWJF (In Russian)

This study is dedicated to the role of coping skills as mediators in the relationship between components of personal potential and sports performance results. The study involved 188 sambo athletes (123 women, 65 men) aged 18 to 39, representing different levels of mastery (from candidate masters of sports to honored masters of sports). The following methods were used: the Athlete Coping Skills Inventory (ACSI-28) (adapted by K. A. Bocharov et al.); the “Personal Potential” questionnaire (developed by A. I. Kharitonova and E. M. Klimova). Using correlation analysis, it was found that the only statistically significant coping skill acting as a mediator is freedom from negative emotions. This skill correlates with all studied components of personal potential, as well as with the level of sports qualification and competition results. The internalisation component was excluded, as it did not have significant correlations. Each model included sports qualification as a controlled variable. The mediation analysis showed that the inclusion component of personal potential does not have a statistically significant influence on the studied relationships when controlling for mastery level. Therefore, it was excluded from the mediation models. Thus, only the components of meaningfulness, positivity, and independence of personal potential were considered, controlling for sports qualification. The mediation analysis revealed that the influence of meaningfulness and positivity on competition results is partially mediated by freedom from negative emotions. In contrast, independence affects competition results exclusively through coping skills related to freedom from negative emotions. This study highlights the importance of coping skills in mediating the relationship between components of personal potential and sports performance results. Athletes with higher levels of meaningfulness, positivity, and independence, as well as more developed coping skills related to freedom from negative emotions, have a greater chance of achieving success in competitions.

Keywords: personal potential, coping skills, athlete, competition results, sports qualification, mediator.

References

- Baba K., Shibata R., Sibuya M. (2004). Partial correlation and conditional correlation as measures of conditional independence. *Australian & New Zealand Journal of Statistics*, 46: 657–664. <https://doi.org/10.1111/j.1467-842X.2004.00360.x>
- Bitutskaya E. V. (2011). Contemporary approaches to studying coping with adversity. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 1: 100–111. (In Russian)
- Blijlevens S. J., Elferink-Gemser M. T., Wylleman P., Bool K., Visscher C. (2018). Psychological characteristics and skills of top-level Dutch gymnasts in the initiation, development and mastery stages of the athletic career. *Psychology of Sport and Exercise*, 38: 202–210. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2018.07.001>
- Bochaver K. A., Dovzhik L. M., Kukshina A. A. (2014). Athletes' coping with stress and the validation of the “ACSI-28 Athlete Coping Skills Inventory”. *Sportivnyi psikholog*, 33 (2): 80–86. (In Russian)
- Bushmanova M. E., Bushmanov E. A., Ulyanov A. D. (2022). Link between resilience and physical form of football players. *Psikhologiya i pedagogika sportivnoi deiatel'nosti*, 3–4 (63): 11–14. (In Russian)

- Cosma G., Chiracu A., Stepan R., Cosma A., Nanu C., Păunescu C. (2020). Impact of coping strategies on sport performance. *Journal of Physical Education and Sport*, 20 (3): 1380–1385. <https://doi.org/10.7752/jpes.2020.03190>
- Daroglou G. (2011). Coping skills and self-efficacy as predictors of gymnastic performance. *The Sport Journal*, 14 (1), 1–6.
- Fry M. D., Hogue C. M., Iwasaki S., Solomon G. B. (2021). The relationship between the perceived motivational climate in elite collegiate sport and athlete psychological coping skills. *Journal of Clinical Sport Psychology*, 15 (4): 334–350. <https://doi.org/10.1123/jcsp.2020-0002>
- Gyömbér N., Kovács K., Lenart A. (2016). Do psychological factors play a crucial role in sport performance? Research on personality and psychological variables of athletes in Hungary. *Cuadernos de Psicología del Deporte*, 16 (1): 223–232.
- Hair J., Hult G., Tomas M., Ringle C., Sarstedt M., Danks N., Ray S. (2022). *Book Partial Least Squares Structural Equation Modeling (PLS-SEM) Using R*. Berlin, Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-80519-7>
- Kalinowski P., Bojkowski Ł., Śliwowski R., Wieczorek A., Konarski J., Tomczak M. (2020). Mediation role of coping with stress in relationship between personality and effectiveness of performance of soccer players. *International Journal of Sports Science & Coaching*, 15 (3), 354–363. <https://doi.org/10.1177/1747954120915190>
- Kharitonova A. I. (2021). *The personal potential of athletes as a determinant of professional skill*. PhD thesis. Mytishchi. (In Russian)
- Kharitonova A. I., Kidinov A. V. (2021). The relationship between the athletes' personal potential and their professional skills. *Chelovecheskii kapital*, 8 (152): 142–148. <https://doi.org/10.25629/HC.2021.08.15> (In Russian)
- Kharitonova A. I., Klimova E. M. (2024). Development and initial testing of the “Personality Potential” questionnaire for athletes. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 21 (1): 55–78. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2024-1-55-78> (In Russian)
- Kim H.-Yo., Chung E.-J., Kim S.-W., Lee B.-H. (2022). Effect of Judo athletes' psychological function on sports coping skills: Moderated mediating effect of tension. *Environmental Research and Public Health*, 19: 6634. <https://doi.org/10.3390/ijerph19116634>
- Krichevets A. N., Korneev A. A., Rasskazova E. I. (2019). *Basics of Statistics for Psychologists*. Moscow, Akropol' Publ. (In Russian)
- Malanov S. V., Subaeva A. S. (2021). Motivation, will, goal setting and the growth of sportsmanship of middle and long distance runners. *Ekspperimental'naia psikhologiya*, 14, 3: 168–182. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2021140312> (In Russian)
- Markov V. N. (2004). *Personal and professional potential of management personnel: psychological and acmeological assessment and optimization*. Dr. Sci. thesis. Moscow. (In Russian)
- Mummary W. K., Schofield G., Perry C. (2004). Bouncing back: The role of coping style, social support and self-concept in resilience of sport performance. *Athletic Insight*, 6 (3): 1–15.
- Nagornaya E. Yu. (2023). The influence of the formation of athletes' professional skills on team success achievement. In: *Psikhologiya professional'noi deiatel'nosti: problemy, sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia: materialy V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (pp. 89–94). Moscow, State University of Education Press. (In Russian)
- Nicholls A. R., Taylor N. J., Carroll S., Perry J. L. (2016). The development of a new sport-specific classification of coping and a meta-analysis of the relationship between different coping strategies and moderators on sporting outcomes. *Frontiers in Psychology*, 7: 222892. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01674>
- Odintsova M. A. (2015). *Psychology of Resilience: A Textbook*. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ. (In Russian)
- Pereira F. S. A., Passos M. A., Pesca A. D., Cruz R. M. (2020). Coping measurement in the sports context: A systematic review. *Revista de Psicología del Deporte*, 29 (2): 35–46.
- Piepiora P. (2020). A review of personality research in sport. *Pedagogy and Psychology of Sport*, 6 (4): 64–83. <https://doi.org/10.12775/PPS.2020.06.04.007>
- Pires D., Lima P., Macedo Penna E. (2019). Resilience in mixed martial arts athletes: relationship between stressors and psychological protection factors. *Cuadernos de Psicología del Deporte*, 19 (2): 243–255.

- Porjavid M., Zeidabadi R., Stiri Z., Askari Tabar E.S. (2020). Sport psychology studies the relationship between sport self-efficacy and competitive anxiety in athletic students: the mediating role of coping strategies. *Sport Psychology Studies*, 9 (32): 117–140.
- Ramolale M., Maletle L., Ju U. (2021). Mediation role of mental toughness on the relationship between self-efficacy and prosocial/antisocial behavior in elite youth sport. *Frontiers in Psychology*, 12: 745323. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.745323>
- Ronkainen N. J., McDougall M., Tikkanen O., Feddersen N., Tahtinen R. (2021). Beyond health and happiness: An exploratory study into the relationship between craftsmanship and meaningfulness of sport. *Sociology of Sport Journal*, 38 (4): 345–354. <https://doi.org/10.1123/ssj.2020-0047>
- Sagova Z. A., Shaiafetdinova R. R. (2024). Relationship between personal potential and the goal orientation in athletes of team and individual sports. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, 19 (2): 175–188. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0215> (In Russian)
- Secades X. G., Molinero O., Salguero A., Barquín R. R., de la Vega R., Márquez S. (2016). Relationship between resilience and coping strategies in competitive sport. *Perceptual and Motor Skills*, 122 (1), 336–349. <https://doi.org/10.1177/0031512516631056>
- Solomon V., Malik F. (2021). Psychological skills and performance efficacy in hockey players: The mediating role of sportsmanship. *FWU Journal of Social Sciences*, 15 (2): 173–189. <http://doi.org/10.51709/19951272/Summer-2/10>
- Sukhareva D. S., Oboznov A. A. (2019). The system model of the professional success factors of the athletes in high performance sport. *Modern Psychology: Scientific Bulletin*, 2 (4): 255–261. [https://doi.org/10.46991/SBMP/2019.2.2\(4\).255](https://doi.org/10.46991/SBMP/2019.2.2(4).255) (In Russian)

Received: June 20, 2024

Accepted: February 27, 2025

Author's information:

Anna I. Kharitonova — PhD in Psychology; <https://orcid.org/0000-0003-3818-0580>,
kharitosha85@mail.ru

Переживание одиночества и копинг-стратегии взрослых*

И. Р. Муртазина

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Муртазина И. Р. Переживание одиночества и копинг-стратегии взрослых // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 2. С. 325–341. EDN WFZWVW

Цель статьи состоит в изучении взаимосвязи между параметрами переживания одиночества и копинг-стратегиями, а также отношением к одиночеству у взрослых. В рамках работы было выдвинуто предположение о том, что специфика связи между параметрами переживания одиночества и предпочитаемыми копинг-стратегиями может различаться в зависимости от возраста и отношения к одиночеству. Выборка: 250 человек в возрасте от 18 до 40 лет ($M = 24,3$; $SD = 7,3$). Методы и методики: анкета, включающая социально-демографические данные, а также открытые вопросы, ориентированные на выявление отношения респондентов к одиночеству; дифференциальный опросник переживания одиночества — ДОПО-3 (Е. Н. Осин и Д. А. Леонтьев) и копинг-тест Р. Лазаруса (перевод и адаптация Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк и М. С. Замышляевой). Данные открытых вопросов обрабатывались с помощью контент-анализа, также использовались дисперсионный (ANOVA), кластерный и регрессионный анализ. Математическая обработка выполнена на базе программного обеспечения IBMSPSS, версия 23.0. Показано, что респонденты средней зрелости ощущают себя более изолированными, нежели респонденты ранней зрелости, но в меньшей степени демонстрируют внутренние переживания одиночества, а также склонны давать менее негативную оценку одиночеству как феномену. В результате изучения особенностей совладающего поведения у взрослых с разным типом отношения к одиночеству и его переживания выявлено, что выделенные типы различаются не только степенью выраженности характеристик одиночества и отношения к нему, но и характером связей между параметрами одиночества и копинг-стратегиями. Таким образом, можно предположить, что в зависимости от отношения к одиночеству и особенностей его переживания взрослые склонны использовать те копинг-стратегии, которые являются наиболее подходящими в той или иной ситуации с учетом имеющихся у них ресурсов.

Ключевые слова: одиночество, переживание одиночества, отношение к одиночеству, зависимость от общения, позитивное одиночество, копинг-стратегии, зрелость.

Введение

Одиночество — одно из наиболее распространенных явлений в современном обществе (Stickley et al., 2013), фундаментальная проблема человеческого существования. Удержание баланса между одиночеством и построением социальных связей

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00841 «Особенности переживания одиночества и способы совладания с ним в период зрелости»; <https://rscf.ru/project/23-28-00841/>.

представляется одним из базовых экзистенциальных вызовов, на который каждому человеку приходится неоднократно отвечать в течение жизни (Ялом, 2017).

Анализ современной литературы показывает, что традиционно одиночество рассматривалось как проблема и стресс для человека, характерным был акцент на изучении негативных аспектов одиночества и его влиянии на здоровье человека (Christiansen et al., 2021). Выявлено, что одиночество связано с депрессией, снижением когнитивных функций, деменцией (Сасиорро, Сасиорро, 2014), плохим качеством сна, дневной дисфункцией, повышенным риском сердечно-сосудистых заболеваний (Hawkey, Cacioppo, 2010) и другими проблемами со здоровьем, а также риском смертности (Holt-Lunstad et al., 2015).

Однако феномен одиночества характеризуется сложным содержанием и не всегда является стрессом для человека. Так, с одной стороны, одиночество может существенно затруднять процесс вступления человека в социум, с другой — может дать ему возможность выстроить аутокоммуникацию, поразмыслить о важнейших смысловых проблемах, что будет способствовать развитию важных личностных качеств, без которых невозможна успешная интеграция в социум. Кроме того, все большее количество людей сегодня добровольно и осознанно выбирает одиночество как образ жизни, что дает толчок для изучения позитивных аспектов данного феномена (Осин, Леонтьев, 2016; Глозман и др., 2020; Петраш и др., 2021; Стрижницкая и др., 2024; и др.).

В общем виде одиночество может рассматриваться как «переживание собственной невовлеченности в контакты с другими людьми» (Осин, Леонтьев, 2016, с. 4). Проблема одиночества — универсальная проблема, но решаться она может по-разному в зависимости от пола, возраста, личностных характеристик индивида, ситуационных особенностей и иных факторов, в том числе и от имеющихся у человека представлений об одиночестве и отношения к нему (Петраш и др., 2021).

В своей работе в понимании одиночества мы будем придерживаться идей Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева, в соответствии с которыми одиночество — это многомерный феномен, включающий не только негативные, но и позитивные аспекты (Осин, Леонтьев, 2016). Д. А. Леонтьев обращает внимание на то, что одиночество может быть как вынужденным, так и добровольным, граничащим с понятиями свободы и независимости, связанным с личным пространством человека, самопознанием и рефлексией (Осин, Леонтьев, 2016). С одной стороны, одиночество может переживаться как ощущение покинутости и ненужности, утраты эмоциональной связи с другими (изоляция, отчуждение). С другой стороны, оно может способствовать духовному развитию человека, выступать как ресурс «для аутокоммуникации и личностного роста» (Осин, Леонтьев, 2016).

Принимая во внимание стрессогенность состояния одиночества, мы считали важным рассмотреть стратегии совладающего поведения в связи с переживанием одиночества. Вопрос о взаимосвязи переживания одиночества с используемыми копинг-стратегиями является актуальным. Он охватывает широкий спектр процессов и состояний человека, однако, как отмечают исследователи, связь между одиночеством и стратегиями совладания изучена на сегодняшний день недостаточно, а существующие данные противоречивы (Deckx et al., 2018; Петраш и др., 2021; Schoenmakers, ten Bruggencate, 2024; и др.).

Результаты ряда количественных исследований говорят о том, что использование проблемно-ориентированных копинг-стратегий связано с более низким уровнем одиночества, а эмоционально-ориентированных — с более высоким (Deckx et al., 2018). По мнению авторов, обучение использованию стратегий совладания, ориентированных на решение проблем, может быть важным аспектом вмешательств, направленных на борьбу с одиночеством (Deckx et al., 2018). В исследовании, проведенном с помощью интервью на взрослых 20–26 лет, было показано, что молодые люди в период ранней взрослости применяют как проблемно-ориентированный, так и эмоционально-ориентированный копинг и считают оба этих способа важными для преодоления одиночества (Schoenmakers, ten Bruggencate, 2024). Для того чтобы проблемно-ориентированный копинг был эффективен в снижении одиночества, может потребоваться процесс оценки и другие способы совладания (Schoenmakers, ten Bruggencate, 2024). В исследовании М.Д. Петраш с коллегами показано, что эффективность копинг-стратегий может зависеть и от отношения к одиночеству, которое обусловлено личностными особенностями человека. Поведенческие стратегии, выработанные человеком в процессе жизни, определяют стиль совладания с одиночеством, то есть каждый человек предпочитает использовать те стратегии, которые являются ресурсными в конкретный период жизни (Петраш и др., 2021).

Вопрос о переживании одиночества в период взрослости также является актуальным, поскольку в этот период человек сталкивается с множеством различных задач и проблем в разных областях жизненного пространства. В рамках взрослости можно выделить несколько периодов, в каждом из которых человек решает определенные возрастные задачи, что может обуславливать различия во взаимоотношениях с другими людьми, связанность с ними или, напротив, отдельность, характер переживания одиночества и совладания с ним. Более того, исследования одиночества обращены преимущественно к определенным возрастным периодам: подростковому, юношескому, периоду старения; период взрослости остается изученным в меньшей степени, что также определило наш интерес к нему.

На наш взгляд, изучение данного периода может позволить расширить имеющиеся представления об одиночестве, его переживании и преодолении, поскольку одиночество — явление, с которым человек сталкивается на протяжении всей своей жизни.

Таким образом, целью исследования стало изучение особенностей взаимосвязи между параметрами переживания одиночества, копинг-стратегиями и отношением к одиночеству в период взрослости.

Перед нами стояли следующие задачи:

- изучить особенности переживания одиночества и предпочитаемые копинг-стратегии у респондентов разных возрастных групп;
- выявить и описать особенности переживания одиночества респондентами с разным отношением к одиночеству;
- изучить специфику взаимосвязи совладающего поведения и типа одиночества.

Мы предположили, что особенности переживания одиночества и характер связи между его параметрами этого переживания, отношением к нему и копинг-стратегиями у взрослых в разные периоды взрослости будут различаться. А разные

типы отношения к одиночеству, отличающиеся по уровню выраженности основных характеристик феномена (позитивное одиночество, зависимость от общения и общее переживание одиночества), будут по-разному регулироваться посредством совладающего поведения.

Дизайн исследования

Участники и процедура исследования. Выборка исследования составила 250 человек (202 женщины и 48 мужчин) в возрасте от 18 до 40 лет. Средний возраст респондентов — 24,26 лет ($SD = 7,32$). Нами были взяты разные возрастные периоды, в рамках которых человек реализует различные жизненные задачи, поскольку мы предположили, что в разные возрастные периоды люди могут по-разному относиться к одиночеству и переживать его. Так, период 18–25 лет в рамках различных периодизаций развития относится к ранней взрослости, а период 25–40(45) лет — к средней взрослости (Головей, 2024, с. 37). Однако можно встретить также периодизации развития, в рамках которых периоды 18–20 и 21–25 лет относятся к разным возрастным этапам (к примеру, в периодизации Д. В. Бромлей и Э. Эриксона и др.), в связи с чем мы разделили возрастную группу 18–25 лет на две. При формировании выборки мы опирались на данные о возрастных границах, представленные в учебнике по психологии развития и возрастной психологии под общей редакцией Л. А. Головей (Головей, 2024). Таким образом, все респонденты были разделены на три возрастные группы:

- 1) 18–20 лет — 105 человек (81 женщина и 24 мужчины);
- 2) 21–25 лет — 78 человек (66 женщин и 12 мужчин);
- 3) 28–40 лет — 67 человек (55 женщин и 12 мужчин).

Исследование проводилось в период с октября 2023 по май 2024 г.

Методы и методики

1. Анкета с открытыми вопросами нами использовались для изучения содержательных аспектов понимания одиночества, для выявления отношения респондентов к одиночеству (примеры вопросов: «Что для Вас значит одиночество?», «Какие ситуации актуализируют у Вас переживание одиночества?», «Что Вы чувствуете в состоянии одиночества? Какие эмоции Вас переполняют?», «О чем Вы думаете во время переживания одиночества?» и др.); анкета также включала социально-демографические данные (пол, возраст, город проживания, семейный статус и т. д.).

2. Дифференциальный опросник переживания одиночества ДОПО-3 (Осин, Леонтьев, 2016) использовался для изучения параметров переживания одиночества как многомерного феномена. Опросник включает три основные шкалы и восемь субшкал. Шкала «Общее переживание одиночества» (высокие показатели отражают степень актуального переживания одиночества) включает субшкалы «Изоляция», «Самоощущение», «Отчуждение»; шкала «Зависимость от общения» (выраженность значений указывает на неприятие одиночества) включает субшкалы «Дисфория одиночества», «Одиночество как проблема», «Потребность в компании»; шкала «Позитивное одиночество» (высокие значения шкалы свидетельствует

о способности человека видеть ресурсный аспект одиночества) включает две суб-шкалы: «Радость уединения», «Ресурс уединения».

3. Опросник копинг-стратегий Р. Лазаруса (адаптация Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтык) (Крюкова, Куфтык, 2007) применялся для изучения особенностей совладающего поведения. Опросник включает в себя восемь шкал, соответствующих различным копинг-стратегиям: «Конфронтация», «Дистанцирование», «Самоконтроль», «Поиск социальной поддержки», «Принятие ответственности», «Бегство-избегание», «Планирование решения проблемы», «Положительная переоценка».

4. Методы обработки данных: данные открытых вопросов обрабатывались с помощью контент-анализа. Для анализа количественных данных использовались сравнительный, кластерный и регрессионный анализ. Проверка формы распределения свидетельствует о его нормальности (анализ характеристик «эксцесс» и «асимметрия», критерий Колмогорова — Смирнова). Математическая обработка выполнена на базе программного обеспечения IBM SPSS, версия 23.0.

Результаты исследования

На первом этапе, для реализации задачи, связанной с выявлением и изучением особенностей переживания одиночества и копинг-стратегий в возрастных группах, был проведен сравнительный анализ (ANOVA) показателей дифференциального опросника переживания одиночества между респондентами трех групп (табл. 1).

Таблица 1. Средние значения и стандартные отклонения показателей переживания одиночества

Параметры переживания одиночества	Общая выборка <i>n</i> = 250	Группы		
		18–20 лет <i>n</i> = 105	21–25 лет <i>n</i> = 78	28–40 лет <i>n</i> = 67
	М (SD)	М (SD)	М (SD)	М (SD)
Общее переживание одиночества	28,99 (8,89)	29,00 (10,56)	28,55 (8,67)	29,48 (5,87)
Изоляция	9,05 (3,31)	8,58 (3,93)	8,60 (3,07)	10,30 (1,93)
Самоощущение	9,56 (3,72)	10,08 (4,11)	9,71 (3,77)	8,57 (2,74)
Отчуждение	10,38 (3,26)	10,34 (3,85)	10,24 (3,27)	10,61 (2,07)
Зависимость от общения	31,06 (7,37)	31,92 (8,29)	31,31 (7,54)	29,43 (5,10)
Дисфория одиночества	9,18 (2,54)	9,03 (2,98)	9,04 (2,58)	9,60 (1,51)
Одиночество как проблема	10,93 (3,16)	11,60 (3,22)	11,19 (3,31)	9,58 (2,44)
Потребность в компании	10,95 (3,19)	11,30 (3,49)	11,08 (3,27)	10,25 (2,45)
Позитивное одиночество	29,57 (6,07)	32,91 (4,65)	29,60 (6,22)	24,28 (3,69)
Радость уединения	11,91 (2,83)	13,41 (2,35)	11,90 (2,77)	9,57 (1,83)
Ресурс уединения	17,66 (3,65)	19,50 (2,92)	17,71 (3,89)	14,72 (2,26)

В результате сравнительного анализа (ANOVA) было показано, что представители средней взрослости (28–40 лет) характеризуются более высокими показателями по параметру «изоляция», нежели респонденты 18–20 и 21–25 лет ($p = 0,005$ и $p = 0,010$ соответственно), и более низкими показателями по параметру «самоощущение», нежели респонденты 18–20 лет.

По шкале «Зависимость от общения» были выявлены средние показатели по всем группам. Различия были обнаружены по субшкале «Одиночество как проблема», что может свидетельствовать о том, что респонденты старшей возрастной группы (28–40 лет) в меньшей степени, чем представители двух других возрастных групп (21–25 лет ($p = 0,008$) и 18–20 лет ($p = 0,000$)), склонны давать негативную оценку одиночеству как феномену. Полученные данные частично подтверждаются результатами анализа ответов на открытые вопросы: отрицательное отношение к одиночеству продемонстрировали 75,24 % респондентов 18–20 лет, 73,08 % респондентов 21–25 лет и 62,69 % респондентов 28–40 лет. Кроме того, положительное отношение было выявлено у 11,43 % респондентов 18–20 лет, 7,69 % респондентов 21–25 лет и 20,90 % респондентов 28–40 лет. Это может говорить о том, что представители средней взрослости относятся к одиночеству менее негативно, чем представители ранней взрослости. Вероятно, это обусловлено тем, что в период средней взрослости респонденты уже преимущественно обрели стабильность: у них сформировался определенный круг общения, семья, работа, они включены в различные социальные связи, научились устанавливать отношения с другими людьми.

Наибольшие различия между возрастными группами были выявлены по шкале «Позитивное одиночество» (значимые различия обнаружены между всеми группами как по общей шкале, так и по субшкалам ($p = 0,000$)). Так, респонденты 18–20 лет в большей мере, нежели респонденты двух других групп, склонны видеть позитивные аспекты одиночества, его ресурсность и переживать позитивные чувства в связи с ситуациями уединения.

Далее нами был проведен анализ предпочитаемых стратегий совладающего поведения в возрастных группах (табл. 2).

Таблица 2. Интенсивность копинг-стратегий в возрастных группах, %

Шкалы	Общая выборка $n = 250$	Группы		
		18–20 лет $n = 105$	21–25 лет $n = 78$	28–40 лет $n = 67$
Конфронтация	50,18	46,35	51,50	54,64
Дистанцирование	49,85	49,42	48,43	52,16
Самоконтроль	63,18	64,26	62,58	62,19
Поиск социальной поддержки	66,29	59,68	71,23	70,90
Принятие ответственности	62,20	60,79	60,58	66,29
Бегство-избегание	30,97	29,64	31,99	31,84
Планирование решения проблемы	68,27	64,87	70,30	71,23
Положительная переоценка	60,02	56,78	59,77	65,39

Опираясь на данные сравнительного анализа (ANOVA), отметим, что представители средней взрослости (28–40 лет) чаще, чем респонденты 18–20 лет, используют конфронтацию ($p = 0,007$), поиск социальной поддержки ($p = 0,001$), положительную переоценку ($p = 0,011$); респонденты 21–25 лет чаще, чем респонденты 18–20 лет, используют поиск социальной поддержки ($p = 0,000$). Значимых различий между второй и третьей группами не было выявлено. В целом представители группы 18–20 лет реже, чем представители двух других групп, обращаются к поиску социальной поддержки, предпочитая стратегии планирования решения проблемы, самоконтроля и принятия ответственности.

Далее, решая задачу, связанную с изучением особенностей переживания одиночества респондентами с разным отношением к одиночеству, опираясь на работы Д. А. Леонтьева, Е. Н. Осина, М. Д. Петраш (Осин, Леонтьев, 2016; Петраш и др., 2021), а также предыдущие попытки кластеризации данных с помощью иерархического кластерного анализа, мы пришли к заключению об использовании модели, включающей четыре кластера, поэтому в данном случае использовали кластеризацию методом *k*-средних, чтобы выделить отдельные группы респондентов, характеризующиеся различными особенностями переживания одиночества: общее переживание одиночества, зависимость от общения, позитивное одиночество.

В результате были получены следующие четыре кластера. На рисунке представлены средние значения (*z*-оценки) каждого кластера по трем основным шкалам ДОПО-3.

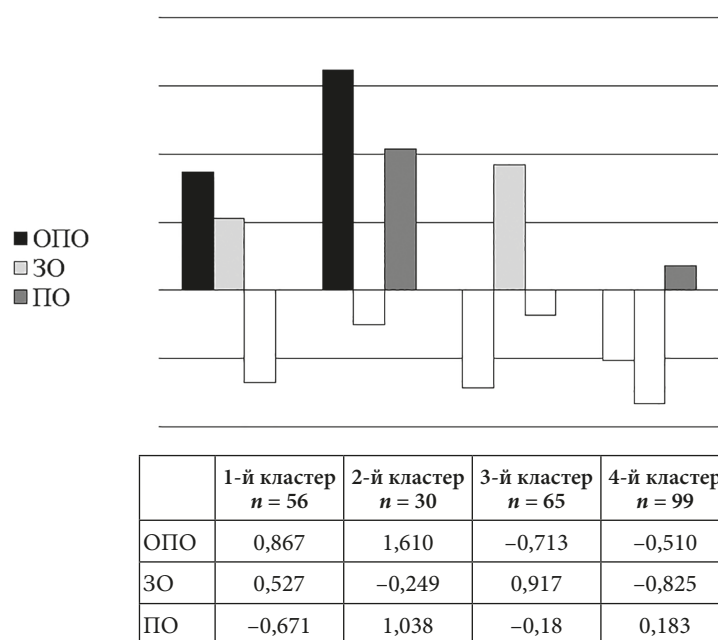

Рис. Средние значения основных параметров переживания одиночества в четырех кластерах (*z*-оценки)

Примечания: ОПО — общее переживание одиночества; ЗО — зависимость от общения; ПО — позитивное одиночество.

Кратко охарактеризуем каждый кластер.

В первый кластер ($n = 56$) вошли респонденты, продемонстрировавшие довольно высокие показатели по общему переживанию одиночества и зависимости от общения, а также низкие — по позитивному одиночеству. Средний возраст респондентов, вошедших в данный кластер, самый большой ($M = 27,5$; $SD = 8,67$). Большинство респондентов (62,5 %) не имеют романтического партнера; 12,5 % респондентов состоят в браке; 17,9 % человек состоят в отношениях; 5,4 % — в разводе.

Около 48 респондентов (85,71 %) продемонстрировали негативное отношение к одиночеству, говоря о том, что одиночество — это «отсутствие близких эмоциональных связей» (51,79 %), «отсутствие поддержки и помощи» (23,21 %), «дефицит социальных контактов» (19,64 %), «отчуждение» (17,86 %), «ощущение ненужности» (17,86 %), «изолированность» (7,14 %). Один человек из данного кластера отметил, что одиночество для него — это «возможность подумать и побыть с самим собой».

Среди эмоций и чувств, которые чаще всего называли респонденты данного кластера в связи с одиночеством, можно выделить печаль, грусть — 26,79 %, ощущение ненужности — 17,86 %, страх, тревогу — 14,3 %, безысходность, отчаяние — 10,71 %. Среди мыслей, которые возникали у респондентов в ситуациях переживания одиночества, можно выделить «раздумья о причинах одиночества» — 19,64 % респондентов сказали о том, что, переживая одиночество, пытаются понять, что привело их к этому переживанию, также у 14,29 % респондентов возникают различные негативные мысли о себе (о своей бесполезности, ненужности, о том, что они скучные и неинтересные и т. п.). Еще около 12,5 % респондентов в ситуации переживания одиночества думали о необходимости установления контакта с другими людьми.

Анализ показателей субшкал, а также ответы респондентов на открытые вопросы позволяют предположить, что в данную группу вошли респонденты, переживающие актуальное одиночество, испытывающие негативные чувства в связи с пребыванием в одиночестве, негативно оценивающие одиночество как явление и испытывающие потребность в компании, наряду с неприятием одиночества. Данную группу респондентов можно условно обозначить как людей, страдающих от одиночества.

Наиболее представленными копинг-стратегиями в данном кластере оказались «принятие ответственности» (68,01 %), «поиск социальной поддержки» (67,26 %) и «планирование решения проблемы» (65,08 %).

Во второй кластер ($n = 30$) вошли респонденты с высокими показателями по общему переживанию одиночества и позитивному одиночеству, сниженными — по зависимости от общения. Данная группа является самой малочисленной и молодой ($M = 19,83$; $SD = 1,70$), все респонденты являются студентами, большинство (порядка 76,7 %) не имеет романтического партнера; 23,3 % респондентов состоят в отношениях, но не живут вместе с партнером.

Анализ ответов респондентов на открытые вопросы показал, что 63,3 % молодых людей продемонстрировали негативное отношение к одиночеству, характеризуя его как «дефицит близких эмоциональных связей» (50 % респондентов), «отчуждение, непонимание со стороны других» (26,7 %). Но также стоит отметить, что,

в отличие от первого кластера, 30 % респондентов в данной группе, характеризуя одиночество, отметили его позитивный аспект, связанный с возможностью побыть наедине с самим собой, аутокоммуникацией (внутренним диалогом).

Среди основных эмоций и чувств, связанных с одиночеством, респондентами были названы печаль, грусть — 43,3 %, отчуждение — 26,7 %. Среди мыслей, которые возникали у респондентов в ситуациях переживания одиночества, можно выделить «раздумья о причинах одиночества» — 33,3 %, еще 33,3 % респондентов склонны анализировать свою жизнь, размышлять о прошлом, настоящем и будущем, также у 16,67 % респондентов возникали различные негативные мысли о себе, еще у 13,33 % — возникали мысли о смысле жизни, о смерти. Около 10 % респондентов думали о необходимости взаимодействия с другими людьми.

Для респондентов данной группы характерны позитивное отношение к одиночеству, его принятие, способность видеть позитивный ресурс в уединении при наличии спокойного, толерантного отношения к одиночеству и уединению. Однако, несмотря на это, они остро переживают актуальное одиночество. То есть в данную группу вошли респонденты, принимающие одиночество в целом, но остро его переживающие в актуальном времени.

Наиболее представленными копинг-стратегиями в данном кластере оказались «самоконтроль» (68,73 %), «принятие ответственности» (63,61 %) и «планирование решения проблемы» (59,82 %).

В третий кластер ($n = 65$) вошли респонденты, характеризующиеся низкими показателями по общему переживанию одиночества, высокими показателями по зависимости от общения и сниженными показателями по позитивному одиночеству. Средний возраст респондентов данной группы — 22,68 лет ($SD = 6,38$). 43,1 % респондентов не состоят в отношениях, 7,7 % — в браке, 20 % респондентов состоят в отношениях и проживают совместно с партнером, еще 27,7 % — состоят в отношениях, но не живут совместно с партнером, еще 1 человек разведен (1,5 %).

84,62 % респондентов продемонстрировали негативное отношение к одиночеству, характеризуя его как «дефицит близких эмоциональных связей» — 56,92 % респондентов, «пустоту» — 21,54 %, «отсутствие поддержки и помощи» — 13,85 %, «отчуждение, непонимание со стороны других» — 12,31 %. Лишь 7,69 % респондентов, характеризуя одиночество, отметили его позитивные аспекты. В большей мере одиночество рассматривается ими как недостаток близких отношений, дефицит эмоциональных связей, поддержки и помощи со стороны других, что, на наш взгляд, может иллюстрировать зависимость респондентов от общения.

Среди основных эмоций и чувств были названы печаль, грусть — 75,38 %, тревога, страх — 24,62 %, ощущение ненужности — 20 %, безысходность — 12,31 %, отчуждение — 12,31 %. Говоря про мысли, которые возникали у респондентов в ситуациях переживания одиночества, 21,54 % респондентов отметили, что у них возникали различные негативные мысли о себе, у 12,31 % респондентов появлялись раздумья о причинах одиночества.

Таким образом, представители данного кластера характеризуются зависимостью от общения, негативными представлениями об одиночестве, не склонны видеть позитивные аспекты одиночества и уединения, но показатели актуального переживания одиночества у них также низкие, что может говорить об успешном преодолении переживания одиночества посредством погружения в социальные

связи и отношения с другими людьми. Следом за Е. Н. Осиным и Д. А. Леонтьевым обозначим эту группу как хорошо адаптированных в социуме (Осин, Леонтьев, 2016).

Наиболее представленными копинг-стратегиями в данном кластере оказались «поиск социальной поддержки» (74,53 %), «планирование решения проблемы» (69,06 %) и «принятие ответственности» (63,21 %).

В четвертую группу ($n = 99$) вошли респонденты, набравшие низкие баллы по общему переживанию одиночества и зависимости от общения и средние значения по позитивному одиночеству. Данная группа получилась самой многочисленной. Средний возраст респондентов данной группы — 24,82 лет ($SD = 7,25$). 52,5 % респондентов данной группы не состоят в отношениях, 14,1 % — в браке, 11,1 % респондентов состоят в отношениях и проживают совместно с партнером, еще 20,2 % состоят в отношениях, но не живут совместно с партнером, два человека в разводе (2,02 %).

56,6 % респондентов продемонстрировали негативное отношение к одиночеству, характеризуя одиночество как «дефицит близких эмоциональных связей» — 41,41 % респондентов, «отчуждение, непонимание со стороны других» — 16,16 %. Порядка 25,25 % респондентов выявили положительное отношение к одиночеству, охарактеризовав его как возможность побыть наедине с самим собой (25,25 % респондентов), время для аутокоммуникации (9,1 % респондентов), восстановления ресурсов и энергии (8,1 %). Среди основных эмоций и чувств были названы печаль, грусть — 31,31 %, отчуждение — 16,16 %, изолированность — 8,08 %, спокойствие и умиротворение — 13,13 %. Отметим, что представители данной группы отмечают как негативные, так и позитивные аспекты одиночества. 16,16 % респондентов продемонстрировали амбивалентное отношение к одиночеству. Описывая одиночество, респонденты отмечали, что оно может рассматриваться как кратковременное добровольное состояние, которое помогает перезагрузиться, отдохнуть от взаимодействия, решить свои вопросы. С другой стороны, одиночество может быть негативным, когда нет никого, на кого можно положиться, нет близких людей, друзей. Такое состояние уже не является добровольным и для человека является болезненным.

Среди мыслей, которые возникали в ситуациях переживания одиночества, можно выделить размышления о жизни — 33,33 %, раздумья о причинах одиночества — 9,09 %; также у 19,19 % респондентов возникали различные негативные мысли о себе. Еще порядка 10 % респондентов думали о необходимости взаимодействия с другими людьми.

Респонденты данной группы принимают одиночество, способны видеть его ресурсную составляющую. Можно предположить, что в данную группу вошли респонденты, принимающие одиночество и справившиеся со своим уединением (Осин, Леонтьев, 2016).

Наиболее представленными копинг-стратегиями в данном кластере оказались «планирование решения проблемы» (72,11 %), «поиск социальной поддержки» (65,83 %) и «самоконтроль» (62,77 %).

Сравнительный анализ выделенных групп по представленности копинг-стратегий показал, что представители второго кластера (принимающие, но остро переживающие одиночество) значимо реже обращаются к поиску социальной

поддержки в сравнении с представителями всех остальных кластеров ($p \leq 0,000$); представители третьего кластера (хорошо адаптированные в социуме) используют данную стратегию значимо чаще, чем представители второго ($p \leq 0,000$) и четвертого ($p \leq 0,039$) кластеров. Представители четвертого кластера (принимающие одиночество) значимо реже, чем представители первого кластера (страдающие от одиночества), обращаются к копинг-стратегии «принятие ответственности» ($p \leq 0,024$), а также значимо чаще, чем представители второго кластера (находящиеся в кризисном состоянии), прибегают к планированию решения проблемы ($p \leq 0,024$). Таким образом, стоит отметить, что респонденты, негативно относящиеся к одиночеству и ситуациям уединения, чаще используют поиск социальной поддержки; респонденты, принимающие одиночество, склонны чаще, чем остальные, использовать стратегию самоконтроля; стратегия планирования решения проблемы характерна для всех групп респондентов.

Для выявления особенностей взаимосвязи совладающего поведения и параметров одиночества в зависимости от типа отношения к одиночеству был проведен множественный регрессионный анализ с применением пошагового метода.

Предикторами общего переживания одиночества по выборке в целом выступили такие копинг-стратегии, как «поиск социальной поддержки» ($R^2 = 0,165$; $\beta = -0,274$; $p \leq 0,000$), «планирование решения проблемы» ($R^2 = 0,165$; $\beta = -0,196$; $p \leq 0,002$) и «принятие ответственности» ($R^2 = 0,165$; $\beta = 0,241$; $p \leq 0,000$); предикторами зависимости от общения — «планирование решения проблемы» ($R^2 = 0,115$; $\beta = -0,300$; $p \leq 0,000$), «поиск социальной поддержки» ($R^2 = 0,115$; $\beta = 0,234$; $p \leq 0,000$) и «принятие ответственности» ($R^2 = 0,115$; $\beta = 0,161$; $p \leq 0,010$); предикторами позитивного одиночества стали стратегии «поиск социальной поддержки» ($R^2 = 0,085$; $\beta = -0,196$; $p \leq 0,003$) и «конфронтация» ($R^2 = 0,085$; $\beta = -0,160$; $p \leq 0,014$).

Полученные нами данные могут свидетельствовать о том, что отсутствие попыток использования внешних ресурсов для разрешения проблемной ситуации и целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов поведения, необоснованная самокритика и чрезмерная ответственность могут усиливать переживание одиночества. Использование внешних ресурсов для разрешения проблемной ситуации вместе с отсутствием целенаправленного анализа ситуации и чрезмерная ответственность могут способствовать повышению неприятия одиночества. Отсутствие попыток использования внешних ресурсов для разрешения проблемной ситуации совместно с невыраженной конфронтацией могут способствовать повышению способности человека находить ресурс в уединении.

Результаты регрессионного анализа по кластерам позволили выделить некоторую специфику совладающего поведения в зависимости от типа переживаемого одиночества (табл. 3).

В первой группе респондентов (страдающих от одиночества) предикторами общего переживания одиночества выступили «положительная переоценка», «принятие ответственности» и «поиск социальной поддержки», что может свидетельствовать о том, что неспособность положительного переосмысления проблемной ситуации, восприятие ее как непреодолимой, отсутствие попыток использовать внешние ресурсы для ее разрешения, необоснованная самокритика и чрезмерная ответственность могут усиливать переживание одиночества. Активное противостояние трудностям может снижать неприятие одиночества. Неспособность

Таблица 3. Копинг-стратегии как предикторы параметров переживания одиночества

Зависимая переменная	Тип	Предикторы	R2	β	p
Общее переживание одиночества	1	Положительная переоценка	0,289	-0,409	0,003
		Принятие ответственности		0,286	0,027
		Поиск социальной поддержки		-0,271	0,035
	2	Бегство-избегание	0,156	-0,395	0,031
	3	Самоконтроль	0,082	0,286	0,021
	4	Дистанцирование	0,47	0,216	0,032
Зависимость от общения	1	Конфронтация	0,138	-0,372	0,005
	2	Планирование решение проблемы	0,136	-0,369	0,045
	3	Конфронтация	0,076	0,277	0,026
	4	Самоконтроль	0,072	0,269	0,007
Позитивное одиночество	1	Положительная переоценка	0,070	-0,265	0,048
	2	Дистанцирование	0,255	-0,505	0,004
	4	Поиск социальной поддержки	0,076	-0,276	0,006

Примечания: R2 — коэффициент множественной детерминации; β — стандартизированный регрессионный коэффициент; p — уровень статистической значимости.

положительного переосмысления проблемной ситуации и восприятие ее как непреодолимой могут снижать способность респондентов находить ресурс в ситуациях уединения.

Во второй группе респондентов (принимающих одиночество, но остро переживающих его) избегание проблемы опосредствует общее переживание одиночества; нежелание (или неумение) решать проблему способно увеличивать неприятие одиночества; а дистанцирование от проблемы, субъективное снижение ее значимости и обесценивание собственных переживаний могут снижать возможность человека находить ресурс в уединении. Так, у людей, принимающих одиночество в целом, но остро переживающих его в актуальном времени, нежелание решать проблему и целенаправленно анализировать ее может усиливать неприятие одиночества и его переживание. Избегание проблемы, вероятно, уменьшает актуальное переживание одиночества за счет быстрого снижения эмоционального напряжения, однако это будет иметь краткосрочный эффект и в дальнейшем может привести к усугублению ситуации. Субъективное снижение значимости проблемной ситуации и обесценивание собственных переживаний могут способствовать снижению способности человека находить ресурс в уединении.

Для представителей третьего кластера (адаптированных в социуме) обращение к стратегии самоконтроля может повышать актуальное переживание одиночества, а стремление решить проблему за счет не всегда целенаправленной поведенческой

активности, импульсивность в поведении, трудности планирования действий могут приводить к увеличению неприятия одиночества, неспособности оставаться одному.

У респондентов четвертого кластера (принимающих одиночество) стратегия дистанцирования способна усиливать общее переживание одиночества, самоконтроль — способствовать неприятию одиночества, а поиск социальной поддержки может приводить к снижению способности видеть ресурсную составляющую одиночества. Иными словами, для людей, принимающих одиночество и способных видеть его ресурсность, субъективное снижение значимости проблемы и степени эмоциональной вовлеченности в нее может повышать переживание одиночества, целенаправленное подавление и сдерживание эмоций, стремление к самообладанию могут повышать неприятие ситуаций одиночества и уединения, а постоянное привлечение внешних ресурсов может снижать способность находить ресурс в уединении и творчески его использовать для самопознания и саморазвития. Вероятно, люди с низкой склонностью к поиску социальной поддержки опираются на свое мнение, свою позицию и задействуют внутренние ресурсы для преодоления проблемной ситуации, что позволяет им воспринимать ситуации уединения иначе и использовать их для совладания.

Обсуждение полученных результатов

Таким образом, в результате проведенного исследования были выявлены некоторые различия в особенностях переживания одиночества и предпочитаемых копинг-стратегиях у респондентов разных возрастных групп. Так, респонденты в период средней взрослости склонны ощущать себя более изолированными, нежели респонденты ранней взрослости, но вместе с тем в меньшей степени обнаруживают внутренние переживания одиночества, в меньшей степени ощущают себя покинутыми. Они склонны давать менее негативную оценку одиночеству как феномену, чем представители ранней взрослости, что выявлено как с помощью количественных, так и с помощью качественных методов. Показано, что показатели позитивного одиночества несколько снижаются с возрастом (от 18–20 лет до 28–40). В силу того, что в исследовании не рассматривались люди старше 40 лет, мы не можем утверждать, что позитивное одиночество снижается с возрастом вообще. Поскольку, опираясь на данные, полученные Е.Н. Осиным и Д.А. Леонтьевым, касающиеся того, что показатели позитивного одиночества высоки в возрасте от 14 до 18, затем имеют тенденцию немного снижаться, а далее вновь обнаруживают тенденцию к повышению (Осин, Леонтьев, 2016, с. 37), а также данные М.Д. Петраш с соавторами (Петраш и др., 2020), можно предположить, что в последующие возрастные периоды способность видеть ресурсную роль одиночества и уединения может вновь возрастать в связи с тем, что человек научается выстраивать отношения с людьми, становится более автономным и избирательным.

В ходе рассмотрения особенностей совладающего поведения у взрослых с разным отношением к одиночеству было выделено четыре группы респондентов с разным отношением к одиночеству и особенностями его переживания:

- 1) страдающие от одиночества;

- 2) принимающие одиночество, но остро переживающие актуальное одиночество;
- 3) адаптированные в социуме;
- 4) принимающие одиночество и находящие ресурс в уединении.

В целом выделенные группы респондентов согласуются по своим характеристикам с типологиями, полученными в исследованиях Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева (Осин, Леонтьев, 2016), М. Д. Петраш с соавторами (Петраш и др., 2021).

В результате изучения особенностей совладающего поведения у взрослых с разным типом отношения к одиночеству и его переживания было показано, что выделенные типы различаются между собой не только степенью выраженности параметров переживания одиночества и отношением к нему, но и характером связей между параметрами одиночества и копинг-стратегиями. Так, респонденты, негативно относящиеся к одиночеству и ситуациям уединения, склонны чаще обращаться к копинг-стратегии «поиск социальной поддержки»; респонденты, принимающие одиночество, склонны чаще, чем другие респонденты, использовать копинг-стратегию «самоконтроль»; копинг-стратегия «планирование решения проблемы» характерна для всех групп респондентов.

В целом было показано, что использование проблемно ориентированных копинг-стратегий связано со снижением общего переживания одиночества и неприятия его в тех группах, где респонденты не принимают одиночество и переживают его в актуальном времени, рассматривают его, как негативный феномен, что согласуется с данными исследований (Deckx et al., 2018; Петраш и др., 2021). Снижение переживания одиночества тесно связано также с активным обращением к стратегии «поиск социальной поддержки» в группе респондентов, не принимающих одиночество и остро его переживающих (Chen et al., 2019). Для респондентов, принимающих одиночество и видящих ресурс в ситуациях уединения, в большей мере характерна связь одиночества с эмоционально ориентированными копинг-стратегиями.

Использование различных стратегий совладания в выделенных группах может свидетельствовать о том, что в зависимости от отношения к одиночеству и особенностей его переживания взрослые люди склонны использовать те копинг-стратегии, которые являются наиболее подходящими в той или иной ситуации с учетом имеющихся у них ресурсов.

Заключение

Таким образом, в ходе проведенного исследования были получены данные, имеющие большое значение для понимания особенностей отношения к одиночеству и его переживания у взрослых людей в рамках их повседневного функционирования. Исследование показало, что отношение к одиночеству различается у представителей разных возрастных групп, что может быть обусловлено различными факторами, в том числе и возрастными особенностями (жизненными задачами, решаемыми человеком в разные возрастные периоды); совладание с одиночеством может определяться индивидуальным отношением взрослого человека к одиночеству и особенностями его переживания.

Ограничения

В качестве ограничений исследования можно отметить объем выборки, которая, безусловно, нуждается в расширении, также ее несбалансированность по полу, что не позволило нам провести и представить анализ различий между мужчинами и женщинами. Как нам кажется, дальнейшее увеличение численности респондентов может позволить сделать более дифференцированный анализ, учесть большее количество социально-демографических показателей, сбалансировать выборку по полу и возрасту, позволит выравнивать количество респондентов в группах респондентов с разными типами отношения к одиночеству и описать более детально содержательные аспекты переживания одиночества, личностные характеристики, факторы и предикторы переживания одиночества в рамках каждого отдельного типа.

Литература

- Глозман Ж. М., Наумова В. А., Мазуркевич А. В. Особенности переживания и отношения к одиночеству на этапе геронтогенеза // *Сибирский психологический журнал*. 2020. № 75. С. 75–96.
- Головей Л. А. (ред.). Психология развития и возрастная психология: учебник и практикум для прикладного бакалавриата. 2-е изд., испр. М.: Юрайт, 2024.
- Крюкова Т. Л., Куфтык Е. В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // *Журнал практического психолога*. 2007. № 3. С. 93–112.
- Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО). М.: Смысл, 2016.
- Петраш М. Д., Стрижицкая О. Ю., Муртазина И. Р., Вартанян Г. А. Одиночество через призму демографических характеристик // *Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал*. 2020. № 8 (49). URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/odinochestvo-cherez-prizmu-demograficheskikh-kharakteristik.html> (дата обращения: 14.11.2024).
- Петраш М. Д., Стрижицкая О. Ю., Муртазина И. Р., Вартанян Г. А., Шукин А. В. Одиночество: поведенческие стратегии как ресурсы преодоления // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*. 2021. Т. 11, № 4. С. 341–355. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.404>
- Стрижицкая О. Ю., Муртазина И. Р., Петраш М. Д. Одиночество и ориентированность на социум: модулирующая роль возраста, пола и психологического благополучия // *Консультативная психология и психотерапия*. 2024. Т. 32, № 1. С. 103–121. <https://doi.org/10.17759/cpp.2024320105>
- Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / пер. с англ. Т. С. Дабкиной. М.: Класс, 2017.
- Cacioppo J. T., Cacioppo S. Older adults reporting social isolation or loneliness show poorer cognitive function 4 years later // *Evidence-Based Nursing*. 2014. Vol. 17, no. 2. P. 59–60. <https://doi.org/10.1136/eb-2013-101379>
- Chen L., Alston M., Guo W. The influence of social support on loneliness and depression among older elderly people in China: Coping styles as mediators // *Journal of Community Psychology*. 2019. Vol. 47, no. 5. P. 1235–1245. <https://doi.org/10.1002/jcop.22185>
- Christiansen J., Qualter P., Friis K., Pedersen S. S., Lund R., Andersen C. M., Bekker-Jepesen M., Lasgaard M. Associations of loneliness and social isolation with physical and mental health among adolescents and young adults // *Perspectives in Public Health*. 2021. Vol. 141, no. 4. P. 226–236. <https://doi.org/10.1177/17579139211016077>
- Deckx L., Akker van den M., Buntinx F., Driel van M. A systematic literature review on the association between loneliness and coping strategies // *Psychology, Health & Medicine*. 2018. Vol. 23, no. 8. P. 899–916. <https://doi.org/10.1080/13548506.2018.1446096>
- Hawkey L. C., Cacioppo J. T. Loneliness matters: A theoretical and empirical review of consequences and mechanisms // *Ann. Behav. Med.* 2010. Vol. 40, no. 2. <https://doi.org/10.1007/s12160-010-9210-8>
- Holt-Lunstad J., Smith T. B., Baker M., Harris T., Stephenson D. Loneliness and social isolation as risk factors for mortality: A meta-analytic review // *Perspectives on Psychological Science*. 2015. Vol. 10, no. 2. P. 227–237. <https://doi.org/10.1177/1745691614568352>

Schoenmakers E. C., ten Bruggencate T. Navigating loneliness: the interplay of social relationships and coping skills // International Journal of Adolescence and Youth. 2024. Vol. 29, no. 1. <https://doi.org/10.1080/02673843.2024.2339300>

Stickley A., Koyanagi A., Roberts B., Richardson E., Abbott P., Tumanov S., McKee M. Loneliness: Its correlates and association with health behaviours and outcomes in nine countries of the former Soviet Union // PLoS ONE. 2013. Vol. 8, no. 7. P. e67978. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0067978>

Статья поступила в редакцию 19 ноября 2024 г.;
рекомендована к печати 27 февраля 2025 г.

Контактная информация:

Муртазина Инна Ралифовна — канд. психол. наук; <https://orcid.org/0000-0002-2204-4376>,
i.r.myrtazina@spbu.ru

Experience of loneliness and coping strategies of adults*

I. R. Murtazina

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Murtazina I. R. Experience of loneliness and coping strategies of adults. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 2, pp. 325–341. EDN WFZWVW (In Russian)

This article examines the relationship between experiences of loneliness and preferred coping strategies. It is suggested that they are related to the age of the respondents and their attitudes towards loneliness. The sample comprised 250 participants aged between 18 and 40 years ($M = 24.3$; $SD = 7.3$). The following methods and techniques were employed in the study: a questionnaire was utilized to ascertain demographic data and respondents' attitudes towards loneliness; the Differential Questionnaire for the Experience of Loneliness (DOPO-3) (E. N. Osin, D. A. Leontiev) and the R. Lazarus coping test (translation and adaptation by T. L. Kryukova, E. V. Kuftyak, M. S. Zamyshlyeva) were also employed. The data from open-ended questions was processed using content analysis, with additional analyses in the form of cluster, comparative and regression. The mathematical processing was performed on the basis of IBMSPSS 23.0 software. The study revealed that middle-aged adults reported higher levels of isolation, but fewer internal feelings of loneliness and a more nuanced view of it. The study of coping behaviour in adults with different attitudes to loneliness and its experience revealed that the identified types differ in the expression of loneliness characteristics and attitude to it, and the nature of links between loneliness parameters and coping strategies. Consequently, it can be hypothesised that adults' utilisation of coping strategies is contingent on their attitude towards loneliness and the manner in which it is experienced, with the selection of strategies being made in accordance with the availability of resources and the particular demands of each situation.

Keywords: loneliness, experience of loneliness, attitudes towards loneliness, social dependence, positive loneliness, coping strategies, adulthood period of adulthood.

References

Cacioppo J. T., Cacioppo S. (2014). Older adults reporting social isolation or loneliness show poorer cognitive function 4 years later. *Evidence-Based Nursing*, 17 (2): 59–60. <https://doi.org/10.1136/eb-2013-101379>

---

* The research was supported by the Russian Science Foundation project no. 23-28-00841 “Characteristics of experiencing loneliness and ways of coping with it in adulthood”; <https://rscf.ru/en/project/23-28-00841>.

- Christiansen J., Qualter P., Friis K., Pedersen S.S., Lund R., Andersen C.M., Bekker-Jeppesen M., Laugaard M. (2021). Associations of loneliness and social isolation with physical and mental health among adolescents and young adults. *Perspectives in Public Health*, 141 (4): 226–236. <https://doi.org/10.1177/17579139211016077>
- Chen L., Alston M., Guo W. (2019). The influence of social support on loneliness and depression among older elderly people in China: Coping styles as mediators. *Journal of Community Psychology*, 47 (5): 1235–1245. <https://doi.org/10.1002/jcop.22185>
- Deckx L., Akker van den M., Buntinx F., van Driel M. (2018). A systematic literature review on the association between loneliness and coping strategies. *Psychology, Health & Medicine*, 23 (8): 899–916. <https://doi.org/10.1080/13548506.2018.1446096>
- Glozman Zh. M., Naumova V. A., Mazurkevich A. V. (2020). Loneliness and attitude towards it at the stage of gerontogenesis. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal*, 75: 75–96. (In Russian)
- Golovey L. A. (ed.). (2024). *Developmental psychology and age psychology: textbook and workshop for applied bachelor's degree*. Moscow, Iurait Publ. (In Russian)
- Hawkley L. C., Cacioppo J. T. (2010). Loneliness matters: A theoretical and empirical review of consequences and mechanisms. *Ann. Behav. Med.*, 40 (2). <https://doi.org/10.1007/s12160-010-9210-8>
- Holt-Lunstad J., Smith T. B., Baker M., Harris T., Stephenson D. (2015). Loneliness and social isolation as risk factors for mortality: a meta-analytic review. *Perspectives on Psychological Science*, 10 (2): 227–237. <https://doi.org/10.1177/1745691614568352>
- Kryukova T. L., Kuftiyak E. V. (2007). Questionnaire of coping methods (adaptation of WCQ technique). *Zhurnal prakticheskogo psikhologa*, 3: 93–112. (In Russian)
- Osin E. N., Leont'ev D. A. (2016). *Differential questionnaire of loneliness experience (DOPO)*. Moscow, Smysl Publ. (In Russian)
- Petrash M. D., Strizhickaya O. Yu., Murtazina I. R., Vartanyan G. A. (2020). Loneliness through the lens of demographic characteristics. *Mir pedagogiki i psikhologii: mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal*, 8 (49). Available at: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/odinochestvo-cherez-prizmu-demograficheskikh-kharakteristik.html> (accessed: 14.11.2024). (In Russian)
- Petrash M. D., Strizhickaya O. Yu., Murtazina I. R., Vartanyan G. A., Shchukin A. V. (2021). Attitude to loneliness: Behavioral strategies as coping resources. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 11, 4: 341–355. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.404> (In Russian)
- Schoenmakers E. C., ten Bruggencate T. (2024). Navigating loneliness: the interplay of social relationships and coping skills. *International Journal of Adolescence and Youth*, 29 (1). <https://doi.org/10.1080/02673843.2024.2339300>
- Stickley A., Koyanagi A., Roberts B., Richardson E., Abbott P., Tumanov S., McKee M. (2013). Loneliness: its correlates and association with health behaviours and outcomes in nine countries of the former Soviet Union. *PloS ONE*, 8 (7): e67978. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0067978>
- Strizhickaya O. Yu., Murtazina I. R., Petrash M. D. (2024). Loneliness and sociotropy: The moderation effect of age, gender and psychological well-being. *Konsul'tativnaia psikhologiya i psikhoterapiia*, 32, 1: 103–121. <https://doi.org/10.17759/cpp.2024320105> (In Russian)
- Yalom I. (2017). *Existential psychotherapy*, transl. by T. S. Drabkina. Moscow, Klass Publ. (In Russian)

Received: November 19, 2024

Accepted: February 27, 2025

Author's information:

Inna R. Murtazina — PhD in Psychology; <https://orcid.org/0000-0002-2204-4376>,
i.r.murtazina@spbu.ru